

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 9 (255)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 9 (255). – 168 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Василий Жуков, Галина Авцинова.</i> Социальные отношения в современной России.....	5
<i>Владимир Егоров, Ольга Савина.</i> Общая культурно- цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества.....	20
<i>Абдулбари Муслимов.</i> Социализация уммы. Прямые и косвенные механизмы	30
<i>Елена Кублицкая.</i> Конфликтный потенциал межнациональных и этноконфессиональных отношений	35

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>М. Аствацатурова.</i> Духовное управление мусульман Ставрополя.....	44
<i>Нурадин Ханалиев.</i> Ислам в политико-культурной матрице народов Северного Кавказа.....	47
<i>Т. Чабиева.</i> О религиозной идентичности молодежи и явлении ваххабизма в Ингушетии.....	54
<i>Вадим Владимиров.</i> Об актуальных подходах к обеспечению стратегической безопасности на постсоветском пространстве. Центральная Азия	68
<i>Самат Кумыспаев, Гулдарига Симуканова.</i> Роль религии в системе образования в контексте глобализации: Казахстанский опыт	82

<i>Евгений Бородин.</i> Место и роль Киргизстана в современном мире	87
<i>Л. Васильев.</i> Геополитическая ситуация в Центральной Азии	92

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>А. Бязров, Н. Ногаев.</i> Общественно-политическая трансформация на Арабском Востоке и позиция Исламской Республики Иран.....	97
<i>О. Барнашов.</i> Особенности внешнеполитического процесса в современной Турции.....	107
<i>Саргон Хайдая.</i> Сирийский гамбит: Столкновение интересов в геостратегическом комплексе «Большого Ближнего Востока».....	117
<i>А. Голиков.</i> Китайцы-мусульмане в дар аль-куфр.....	127
<i>В. Беляков.</i> Мусульманские праздники в современном Египте.....	137

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Дина Малышева.</i> «Арабская весна» глазами российских ученых	145
<i>Андрей Яшлавский.</i> Идеология салафитского джихадизма как тоталитарный проект	152

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Василий Жуков,
академик РАН, ректор РГСУ
Галина Авцинова,
доктор философских наук (РГСУ)
**СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Социальные отношения – многогранное и многомерное понятие. Оно фокусирует все аспекты, непосредственно касающиеся человека в процессе его совместной с другими людьми жизнедеятельности по поводу социального статуса, условий и качества жизни, равенства или неравенства, справедливости или несправедливости.

В современных условиях эффективность или неэффективность деятельности государства в области разработки и реализации социальной политики напрямую влияют на уровень легитимности власти, выбор приоритетов общественного развития, характер взаимодействия акторов социально-политического процесса, а именно: сотрудничества, партнерства, взаимопомощи или, напротив, конкуренции, противостояния, борьбы как доминирующих типов социальных отношений. Об этом красноречиво свидетельствуют масштабные протестные действия наемных работников в странах Европы в 2009–2012 гг. Они не согласны с политикой своих правительств по выводу стран из кризиса, секвестрованием социальных прав, эрозией права на труд, повышением пенсионного возраста и т.д.

Будем исходить из того, что социальные отношения – это тип общественных отношений, формирующийся под непосредственным влиянием проводимой государственной властью социальной, макроэкономической и иных видов политики, обуславливающий либо социальную стабильность, развитие и процветание, либо стагнацию, дестабилизацию и распад социально-политиче-

ской системы. Характер господствующих в обществе социальных отношений (общенационального консенсуса относительно стратегических целей и путей их реализации или противоборства, конфронтации) является показателем эффективности деятельности властвующей элиты, управления социальными процессами в целом со стороны государства. Задача власти заключается в том, чтобы, учитывая специфические потребности и интересы социальных слоев и групп, создать необходимые условия для реализации общих интересов, минимизации социального неравенства, несправедливости и незаконности. Только в этом случае взаимоотношения и взаимодействия социальных слоев будут способствовать укреплению социально-политической стабильности, формированию гражданской ответственности и солидарности.

В Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 г., констатируется, что РФ является демократическим, правовым, социальным, светским государством с республиканской формой правления, в котором права и свободы человека и гражданина признаются высшей ценностью, гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Согласно Конституции, в РФ охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, функционирует система государственных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. В Российской Федерации признается политическое и идеологическое многообразие, многопартийность. Никакая идеология и никакая религия не могут устанавливаться в качестве государственных или обязательных.

Становление социально-правового государства – процесс длительный. Анализируя социальные процессы и отношения в современной России, отметим, что многие острые социальные проблемы, характерные для России, имеют место и в других странах. Демография, как ни одна другая область социального знания и практики, адекватно отражает результаты экономических и других преобразований, фиксирует цену, которую приходится платить обществу за порожденные политическим курсом социальные явления и процессы. Динамика изменения численности населения в разных странах имеет особенности. В европейских странах, за

исключением Албании, наблюдается сокращение численности населения, в Китае проводится политика сдерживания его роста, а в государствах Азии, Африки, Латинской Америке, напротив, происходит стремительный рост населения.

На протяжении 500 лет – с 1490 по 1990 г. – в России наблюдалось феноменальное явление: постоянный рост численности населения страны и расширение ареала его распространения. Накануне Первой мировой войны в России проживало около 190 млн. человек, из них 130 млн. русских, т.е. примерно 8% мирового населения. Ежегодный прирост населения России достигал 2 млн. человек и был самым высоким в Европе. Статистические данные свидетельствуют о том, что и на всем протяжении развития советского общества наблюдался устойчивый рост численности населения во всех регионах страны. Причем более высокими темпами оно росло с 1937 по 1939 г. Среднегодовой прирост в этот период составил 1,5 млн. человек. Демографическую ситуацию в современной России исследователи оценивают как кризисную. С 1951 по 1981 г. ежегодный прирост населения колебался в пределах от 1 до 1,5 млн. человек, затем он замедлился и в начале 90-х годов XX в. остановился. По некоторым расчетам, при сохранении существующей динамики к 2050 г. численность населения России уменьшится до величины меньше 100 млн. человек, и по данному показателю страна окажется примерно на 18–20-м месте в мире.

Низкая рождаемость и массовая малодетность характерны не только для России. Исследования фиксируют следующую тенденцию: зависимость рождаемости от условий жизни обратно пропорциональна уровню благосостояния. Наименьшая рождаемость наблюдается в наиболее благополучных государствах. В приоритете витальных ценностных ориентаций обеспеченных и образованных супругов нередко доминируют ценности карьеры, профессионального роста, достижение еще большего материального достатка для приобретения престижных и дорогих вещей, а не рождение детей. Общественную потребность в воспроизводстве населения они не воспринимают как гражданскую обязанность. В России снижение рождаемости было обусловлено не только ориентацией части семейных пар на однодетную семью, увеличением количества бесплодных пар, распространением своеобразной «моды» на рождение внебрачных детей пар, состоящих в гражданском браке. Основная причина резкого уменьшения численности россиян обусловлена существенным снижением уровня и качества

жизни, повышением затрат на содержание и воспитание детей, коммерциализацией социальной сферы и услуг в связи с переходом страны к рынку, самоустранением государства от решения социальных проблем в 90-е годы XX в.

Старение населения – мировая мегатенденция. Этот процесс идет так стремительно, что в отношении ряда стран (Германия, Великобритания, Южная Корея) уже сегодня утвердилось понятие «стареющее общество». Россия не исключение в этом ряду. Различные исследования прогнозируют значительное уменьшение доли экономически активного населения в общей численности постоянного населения страны. К 2050 г. она составит 42,2% против 50,3% в 2005 г. Главная причина – старение населения. Пожилые люди старше 60 лет – самая быстрорастущая социальная группа России. Прогнозируется, что численность населения в возрасте старше трудоспособного увеличится с 29,2 млн. человек в 2005 г. до 34,71 млн. человек в 2050 г. В свою очередь, снизится удельный вес занятого населения. К 2050 г. он составит 38,75%, соответственно уменьшится доля плательщиков страховых взносов в пенсионную систему.

Смертность в России почти в два раза превышает рождаемость. В определенной мере естественную убыль населения компенсировали миграционные процессы. Вместе с тем неконтролируемая миграция, неэффективная миграционная политика государства, массовый приток неквалифицированной рабочей силы создавали серьезные проблемы для экономики, социальной политики страны, влияли на криминализацию общественных отношений. Прогрессирует смертность среди мужчин трудоспособного возраста. Разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин в России составляет 12–13 лет, что ухудшает неблагоприятное соотношение полов, порождает острую социальную проблему, связанную с женским одиночеством. В подавляющем большинстве стран мира наблюдается аналогичная динамика: средняя продолжительность жизни женщин выше, чем мужчин. Однако в развитых странах эта разница составляет, как правило, от пяти до семи лет.

Сокращение численности населения России происходит неравномерно. По оценкам Всероссийского центра уровня жизни, в период с 1989 по 2002 г. в 20 субъектах Российской Федерации численность населения росла, в 20 субъектах она уменьшилась не более чем на 5%, в 22 – сократилась не более чем на 10%, в 16 – уменьшилась на величину от 10 до 67,3%. При этом в Магадан-

ской области численность населения сократилась наполовину, в Чукотском автономном округе – почти на две трети. Процесс снижения численности населения в течение 2007–2009 гг. замедлился, но не прекратился. Значительная депопуляция, характерная для Крайнего Севера, в определенной мере будет компенсироваться заметным ростом населения в Южном федеральном округе. В 2006–2009 гг. ситуация с уменьшением численности населения приобрела обнадеживающую направленность: ежегодные потери стали уменьшаться, а в августе 2009 г. рождаемость, пусть всего лишь на 1000 человек, но превысила смертность.

Одной из самых острых проблем в современном мире стала наркомания. В XXI в. незаконный оборот наркотиков для всех стран является источником широкого спектра угроз и рисков личности, обществу и государству. Сегодня наркологический ряд значительно расширился за счет крайне опасных видов. Годовая распространенность употребления наркотиков в мире составляет около 5%, а ежемесячная – 2,7%. Группа наркозависимых в возрасте от 15 до 64 лет составляет уже 0,6% населения Земли. Наркомания относится к числу самых распространенных пороков, а наркобизнес приобрел международный уровень. В России, как и других странах, наркомания является одним из важнейших источников социального неблагополучия. Сегодня Россия рассматривается не только как канал транспортировки наркотиков на Запад, как было раньше, но и как зона их производства и огромный рынок сбыта. Злоупотребление наркотиками ежегодно уносит из жизни более 30 тыс. человек, т.е. по 80 человек ежедневно. Последствия употребления наркотиков выходят за пределы здоровья отдельных личностей, затрагивают проблемы генофонда, социокультурного кода нации, торговли оружием, социальной и национальной безопасности. По признанию директора Федеральной службы по контролю над оборотом наркотиков В.И. Иванова, сделанному в феврале 2009 г., ежедневно наркозависимыми становятся 250 человек, т.е. почти 100 тыс. в год. Реальное количество наркозависимых, рассчитанное по методике ООН, превышает в России 2,5 млн. человек, что в пять раз превышает данные официальной статистики. Особую озабоченность вызывает употребление наркотиков в детской и подростковой среде. Зарегистрировано более 140 тыс. детей и подростков, страдающих наркологическими расстройствами.

Основная причина нарастающего давления наркопотока на Россию, по мнению специалистов, представителей правоохрани-

тельных органов, связана не только с военно-политической и социальной ситуацией в Афганистане. Эта страна превратилась в абсолютного лидера, производящего более 90% всех опиатов в мире. Однако масштабы контрабанды опиатов в Россию ежегодно увеличиваются также в связи с недостаточной технической оснащенностью государственных границ с государствами, находящимися в зоне транзита наркотиков, несовершенством законодательной базы, бесконтрольностью и попустительством со стороны соответствующих органов и многими другими. Со стороны государства, гражданского общества предпринимаются экстренные меры по минимизации этого социального порока по всем направлениям. Они предусматривают создание системы мониторинга и оценки развития наркоситуации, разработку стратегии государственной антикризисной политики, усиление уголовной ответственности за наркопреступления, повышение эффективности профилактической работы, оказание лечебной и профилактической помощи таким больным на основе новейших разработок, координацию антикризисной деятельности всех уровней исполнительной власти (федеральной, региональной, органов местного самоуправления), а также международную координацию.

Серьезную социальную проблему для России представляет употребление алкоголя, который является одной из главных причин убийств, самоубийств, распада семей, дорожно-транспортных происшествий, деградации личности. В России повышенное содержание алкоголя регистрируется у 66 умерших из 100 в трудоспособном возрасте. С начала 90-х годов XX в. и до настоящего времени алкоголь стал причиной половины смертей мужчин в возрасте от 15 до 54 лет. Ежедневно злоупотребление алкоголем уносит жизни примерно 500 тыс. человек, т.е. фактически население крупного областного центра. Отмечая широкое распространение этого социального порока в России, следует вместе с тем подчеркнуть, что представление о нашем государстве как стране пьяниц и алкоголиков относится к числу самых распространенных мифов. Водка – напиток не русского происхождения. До начала XV в. в стране не знали крепких напитков. В Москву водку завезли при Иване III, в 1428 г., но сразу же ее запретили, а первый питейный дом в Москве появился спустя лишь 137 лет, в 1565 г. Он был единственным на всю Россию и пить в нем разрешалось только опричникам (представителям власти). Остальные жители Москвы могли выпить безнаказанно лишь три раза в год по праздникам. Русская водка до изобретения Д.И. Менделеевым новых пропор-

ций воды и спирта была слабоградусной. Например, в период правления Петра I ее крепость составляла 14 градусов, а в отношении пьяниц применялись жесткие меры. Во второй половине XIX в. стало развиваться винокуренное производство, у истоков которого стояли представители из числа иноверцев – не русских. Расширение производства и потребления алкоголя вызывало негативную реакцию общественности. В середине XIX в. по всей России прошли антиалкогольные бунты.

В течение почти 30 лет (с 1925 по 1953 г.) ежегодное душевое потребление алкоголя было в 2 раза ниже, чем в 1913 г., т.е. до Октябрьской революции. После смерти Сталина в 1953 г. начался заметный рост производства и потребления алкогольных напитков, а монополия государства на производство и торговлю ликероводочными изделиями стала мощным источником пополнения бюджета. Кампания по борьбе с пьянством и алкоголизмом 1985 г. дала лишь кратковременный успех. При этом резко возросло употребление некачественных напитков и самогона. Отмена государственной монополии на производство и торговлю алкоголем в 1992 г. привела к увеличению его токсичности, появлению на рынке значительного количества изделий из технического спирта и других вредных веществ. Сегодня предпринимаются меры по восстановлению государственной монополии на производство, сбыт, оборот и розничную продажу алкогольной продукции; введению уголовной ответственности за ее нелегальное изготовление и сбыт; установлению прямого налогообложения для предприятий, производящих алкогольную продукцию; обеспечению государственного регулирования цен. Ряд политических и общественных деятелей России требуют установления уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, ликвидации торговых точек, реализующих такую продукцию, расположенных в шаговой доступности от учреждений науки, образования, культуры, спорта, просвещения. В ряду мер борьбы с алкоголизацией населения важное место принадлежит проведению широко-масштабных кампаний по утверждению здорового образа жизни, разработке и распространению социальной рекламы, возрождению системы медико-психологической помощи алкоголикам, социальной адаптации их к нормальной жизни. В январе 2010 г. в России утверждена антиалкогольная концепция, в рамках которой планируется за десять лет более чем вдвое снизить потребление алкогольной продукции, а также добиться исчезновения нелегального алкогольного рынка.

Острой социальной и дискуссионной проблемой являются аборты. В настоящее время аборты легализованы более чем в 50 странах, но при этом существует достаточно много ограничений на их производство. Например, в Англии, Венгрии, Исландии, Кипре, Люксембурге, Финляндии аборты разрешены по медицинским и социальным показателям. В Испании, Португалии, Польше, Швейцарии аборт возможен лишь при некоторых обстоятельствах: угроза физическому или психическому здоровью женщины, дефекты плода, изнасилование и инцест. В Северной Ирландии существует строгое законодательство, при котором аборт или вообще запрещается, или разрешается в исключительных случаях. В России, где демографическая ситуация оставляет желать лучшего, одно из самых либеральных законодательств в этой сфере. В России аборты разрешены без ограничений. Искусственное прерывание беременности входит в перечень услуг, оказываемых в рамках обязательного медицинского страхования, что предполагает государственное финансирование каждого аборта, сделанного в стенах учреждения, находящегося в ведении Министерства здравоохранения и социального развития. Среди причин прерывания беременности исследования фиксируют неустойчивость брака, неуверенность в партнере, неудовлетворительное материальное положение, плохие жилищные условия, низкий уровень сексуальной культуры, медицинские показатели и другие. Последствия от аборта выходят далеко за медицинские рамки, включают духовно-нравственные, психологические и другие аспекты. Репродуктивное здоровье – это показатель физического, социального и духовно-нравственного состояния общества. Оно требует государственного подхода в финансировании, разработке и реализации целевых программ.

Сегодня в рамках Правительства РФ и Государственной думы ведется трудоемкая работа по решению социальных проблем. В социальный сектор России вкладываются колоссальные средства. Несмотря на то обстоятельство, что последствия мирового кризиса, начавшегося в 2008 г., полностью не преодолены, государство не отказывается от выполнения социальных обязательств. Органы федеральной, региональной и местной власти стремятся сделать решение социальных проблем приоритетными направлениями своей деятельности. Повышенное внимание государства к социальной сфере находит адекватное выражение в разработке и реализации национальных проектов, долгосрочных программ «Здоровье», «Доступное жилье», росте инвестиций в человеческий

капитал, внедрении принципов адресной поддержки социальных слоев, социально ориентированных бюджетах. С 1 января 2006 г. в Российской Федерации стартовал приоритетный национальный проект «Здоровье», целью которого является совершенствование медицинской помощи. В свою очередь многие субъекты РФ приняли региональные программы «Здоровое материнство и детство», которые призваны улучшить показатели здоровья женщин и детей, в целом демографическую ситуацию в стране. Беременные и молодые мамы получают различные пособия: по беременности и родам, единовременное, ежемесячное на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Женщине, родившей второго ребенка, государство выплачивает «материнский капитал», который она может потратить на разные нужды: покупку жилья, образование ребенка, пополнение накопительной части своей пенсии. Размер выплат по «материнскому капиталу» постоянно растет, после индексации размер этих выплат уже превысил 312 тыс. руб. С 2009 г. в региональных органах российской власти функционируют специальные структуры, ответственные за семейную политику. В России регулярно индексируются пенсии, существенно увеличился объем социальной помощи, оказываемой российским семьям, активизировалась деятельность институтов гражданского общества, выражающих интересы семей, усилилась пропаганда духовно-нравственных ценностей, здорового образа жизни, отказа от курения.

Избирательный цикл в России в 2011 и 2012 гг. (выборы в Государственную думу Федерального Собрания и Президента РФ) красноречиво свидетельствует о том, что конкуренция кандидатов сфокусировалась вокруг социальных программ. Вновь избранный Президент РФ В.В. Путин в качестве первоочередных мер по повышению эффективности демографической политики предлагает усилить поддержку многодетных семей. В субъектах Федерации, в которых сохраняются негативные демографические тенденции, планируется ввести специальное пособие семьям при рождении третьего и последующих детей до достижения ими трехлетнего возраста в размере прожиточного минимума ребенка. Это будет означать прибавку около 7 тыс. руб. в месяц. Федеральный бюджет окажет поддержку регионам, которые введут такое пособие, до 90% от необходимых средств в 2013 г. с постепенным увеличением собственных средств региона до 50% к 2018 г.

Государственный сертификат на материнский капитал, размер которого в 2011 г. составил 365 тыс. 698 руб., получили более

3 млн. российских семей. В 2011 г. Государственная дума продлила действие стимулирующей программы, рассчитанной изначально до 2017 г., до 2025 г. В ближайшие три года на материнский капитал будет выделено 70 млрд. руб. дополнительных бюджетных средств. С 1 января 2012 г. повышены пособия при рождении ребенка до 12,4 тыс. руб., проиндексированы выплаты по уходу за детьми, с 1 января 2012 г. они выросли на 6%. В ближайшие три года муниципальные власти планируют решить проблему нехватки мест в детских садах. Женщина, выходящая на работу после декретного отпуска, получит новые возможности по дополнительному профессиональному обучению, а работодатель, принимающий ее на работу, – поддержку от государства.

Доступность жилья – одна из острейших социальных проблем. В России развивается ипотека, но пока нет ощутимых результатов. Власти считают, что цена ипотеки будет снижаться вместе со снижением инфляции. В ближайшей перспективе получают развитие сберегательно-накопительные механизмы типа немецких стройсберкасс, ряд региональных пилотных проектов в этой области. Планируется расширять программу субсидирования процентной ставки по ипотеке для молодых семей, а также для работников бюджетного сектора, в частности, за счет высвобождения средств после завершения олимпийских строек в Сочи, объектов АТЭС на Дальнем Востоке, а также после завершения программы обеспечения жильем офицеров Вооруженных сил.

Трудовые пенсии в России в 2012, 2013 и 2014 гг. будут проиндексированы дважды в год. Согласно Федеральному закону о бюджете Пенсионного фонда РФ на 2012 г. и на плановый период 2013–2014 гг., в следующем году трудовые пенсии будут проиндексированы на 9,6% (с 1 февраля на 7% и с 1 апреля – на 2,4%). В 2013 г. индексация пенсий составит 8,7% (6 и 2,5% соответственно), в 2014 г. – 9% (5,5 и 3,3%). Повышение пенсионного возраста в России в ближайшее время не планируется.

Образование признается властью важнейшим фактором социального развития страны, формирования ценностей, объединения россиян, поэтому инвестиции в эту сферу станут ключевым бюджетным приоритетом. В области образования предстоит большая работа по обновлению программ и методов работы школ и вузов. Новые стандарты старшей школы должны обеспечить доступность для каждого школьника 5–6 профилей обучения, адекватных интересам, склонностям и жизненным планам подростков. В 2012–2014 гг. предстоит аудит всех образовательных

программ высшего профессионального образования, в первую очередь по экономике, юриспруденции, управлению, социологии. Вузы, которые потеряли рынок труда для своих выпускников и не ведут серьезных научных исследований, будут присоединены к сильным университетам со сложившимися коллективами и традициями. Государство выделит дополнительные средства на восстановление научных школ и на необходимую дополнительную подготовку студентов «присоединенных» вузов. Стипендия студентам должна достигнуть прожиточного минимума, что на сегодняшний день означает прибавку к стипендии в размере 5 тыс. руб. в месяц. При этом продолжится практика выделения именных стипендий и грантов для тех, кто показывает выдающиеся результаты в учебе и научной работе.

В статье В.В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России» поднимался один из острейших вопросов, оказывающих непосредственное влияние на социальные отношения не только в России, но и многих других странах, – национальный вопрос. В.В. Путин высказал идею о необходимости разработки стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме. «Любой человек, живущий в нашей стране, – подчеркнул он, – не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности». В системе федеральных органов власти планируется создать специальную структуру, отвечающую за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействия этносов.

В XXI в. социальная сфера России развивается по направлению инновационности. До недавнего времени инновации в социальной сфере не рассматривались как самостоятельный феномен, а лишь только как следствие инновационного процесса в технике, технологиях и экономике. Отчасти это справедливо, ибо технический и технологический прогресс обеспечивает ускорение общественного развития, существенно модифицируя и трансформируя общественные отношения, характер труда, потребления, стиль, уровень и качество жизни. К середине XX в. четко обозначилась, а в XXI в. усилилась тенденция обратного влияния социальных процессов на количественные и качественные показатели экономического развития. Оставаясь базисом социально-политической сис-

темы, экономика стала зависимой от характера социальных отношений и инноваций в этой сфере. В XXI в. в условиях глобализации уровень развития человеческого капитала определяет инновационность экономики и наоборот. Реальный вклад человеческого потенциала в экономический рост 30 наиболее развитых стран мира достигает, по разным оценкам, от 50 до 70%.

Среди тенденций, оказывающих влияние на социальные процессы и отношения в России в XXI в., следует отметить сохранение дезинтегрированности амальгамности (разнородности) общества и власти. Несмотря на масштабность трансформаций, тесное переплетение старого и нового, традиции, стереотипы, архетипы национальной психологии оказывают и будут оказывать влияние на социально-политическое развитие. Незрелость инфраструктуры гражданского общества, слабость сетевых структур, отсутствие или недоступность каналов самовыражения будут отчасти компенсироваться структурированием множества сообществ со своими группами корпоративных интересов.

В этой связи резко возрастает проблема обеспечения общественной консолидации и сплоченности, которые являются качественными характеристиками социально-политической системы любого типа. Высокий уровень сплоченности общества является свидетельством устранения в обществе антагонистических противоречий и диспропорций, преодоления разобщенности, а также готовности власти и общества, государства и граждан выстраивать такую топологию отношений, которая рассчитана на долгосрочную коммуникацию, организацию конструктивного дискурса и эффективных взаимодействий. Сплоченность является следствием и показателем укрепления доверия граждан к институтам власти, достижения долгосрочной стабильности и общественного согласия.

Специалисты признают, что для России более характерен конгломеративный тип консолидации, при котором складывается межэтническое сообщество, а государство строится исходя из геополитических, а не этнических принципов. В современных условиях важной задачей является консолидация внутри властвующей элиты, в том числе региональной и центральной ее частей. Побудительными факторами для сотрудничества элиты являются совместное стремление противостоять внешней угрозе, неспособность той или иной группировки единолично контролировать государственный аппарат, а также угроза гражданских столкновений, опасность которых будет возрастать в случае игнорирования социальных проблем и внешних рисков. Данное обстоятельство

вынуждает первых лиц государства давать прямые указания губернаторам взять под личную ответственность контроль над социальной ситуацией в регионе, недопущением обнищания и массовой безработицы. Власть также надеется, что институты гражданского общества будут содействовать тому, чтобы недовольство не вылилось в открытые столкновения, гражданские акции неповиновения. В этой связи необходимо создать правовые основания и реальные механизмы, с помощью которых институты гражданского общества могли бы контролировать бизнес и органы власти, а также влиять на распределение ресурсов.

На развитие социальных процессов и отношений оказывает и будет оказывать влияние в дальнейшем глобализация, которая ведет к унификации в мировом масштабе. Относительно социальной сферы это образование, уровень здравоохранения, социальной защиты, стоимость рабочей силы, качество жизни. Под воздействием глобальных процессов реальностью стали и такие явления, как утрата государством части своего внешнего суверенитета, нарастание хаотичности и агрегативности общественных связей, активизация девиантных практик, развитие международных связей, преступных группировок, деидеологизация представительства групповых интересов, снижение роли групповых идентичностей, деинституционализация политики, уменьшение интенсивности политического участия рядовых граждан, изменение соотношения публичной и частной сфер общества в пользу последней, медиатизация политического пространства и многие другие. Бурное развитие информационных технологий, повышение роли медийных инструментов в завоевании власти и распределении властных ресурсов, виртуализация политики объективно обуславливают распространение децентрализованных, локальных методик взаимодействия и сплочения общественной организации. Усиление роли сетевых и горизонтальных структур в информационном обществе минимизирует публичное пространство для властвующей элиты и представителей общественности. Под влиянием этих и других факторов формируется уже не открытое, а свертхоткрытое общество, существование которого разрушает идею локальной гомогенности, существенно трансформирует деятельность властей и политику в целом.

До экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., при всем многообразии европейская социальная модель предполагала общность действий государства и гражданского общества, направленных на то, чтобы для всех граждан обеспечивались удовлетворение

основных материальных потребностей, участие в жизни общества, усиление социальной сплоченности. По состоянию на начало 2012 г. сохраняется полевание социальных отношений и ориентаций граждан европейских стран, что выражается в массовых протестных акциях в Европе. Данная тенденция сохранится и даже усилится в ближайшей перспективе, так как она во многом обусловлена политикой европейских правительств по выводу стран из кризиса и неизбежными в этой связи безработицей, сокращениями социальных выплат, повышением оплаты за обучение и т.д.

Современная российская модель социальной политики и социальных отношений находится в процессе формирования. Многие считают, что она является переходной от системы государственного патернализма к смешанной модели, в которой будут переплетаться патерналистские и либеральные компоненты. Данная модель призвана создать все необходимые условия для проявления социальной активности граждан, позволяющей трудоспособным слоям реализовать свой потенциал, а нетрудоспособным группам вести достойный образ жизни благодаря государственной поддержке.

Россия располагает всеми необходимыми резервами для придания социальным процессам позитивной динамики: материальными, природными, интеллектуальными, кадровыми, духовными. В силу исторической традиции, выгодного геополитического положения, обладания мощным ядерным потенциалом Россия по-прежнему входит в число стран, которым принадлежит ведущая роль на мировой арене, с мнением которых не могут не считаться. Она является членом Совета Безопасности ООН, «Восьмерки», участвует в саммитах ЕС и т.д. В России есть реальные возможности для демографического бума, развития страны по восходящей социальной траектории. За последние 15 лет численность населения трудоспособного возраста возросла на 6,2 млн. человек. Положительный результат приносят целевые программы по стимулированию рождаемости, сокращение которой в 90-е годы XX столетия в определенной мере компенсировалось и относительно высокой рождаемостью на закате советской эпохи. Уже в первой половине 90-х годов прошлого столетия произошел качественный скачок в уровне образования трудоспособного населения. Доля лиц с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием стала преобладающей, что также будет компенсировать предстоящее неизбежное сокращение его численности.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 г., Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации, других документах определены механизмы и сроки реализации стратегических социальных задач, что делает стратегию социального прорыва страны реалистичной.

Сегодня властвующая элита, политические лидеры, первые лица государства осознали тот факт, что невозможно построить инновационную экономику без вложений в человеческий капитал. Современные социально-политические реалии России обуславливают акцентуацию деятельности власти на решении следующих основных задач: усиление адресности социальной поддержки слабо защищенных групп населения; обеспечение основных социальных гарантий; сдерживание массовой безработицы; расширение источников доходов (от собственности, участия в распределении прибыли, ценных бумаг и т.д.), что позволит россиянам быть не только объектами социальной политики, но и ее активными участниками, ответственными за последствия принимаемых решений, сроки и способы их воплощения в жизнь. Размещение государственных заказов на оказание социальных услуг в негосударственном секторе позволит привлечь дополнительные средства, квалифицированных специалистов, полнее учитывать потребности конкретных групп населения. Сегодня необходимо увеличение инвестиций на решение инновационных проблем науки, техники, культуры, образования, здравоохранения, формирование и внедрение системы дополнительного негосударственного социального страхования как одного из факторов социальной стабильности. В системе критериальных оценок деятельности властвующей элиты определяющую роль должна играть социальная эффективность экономического роста. Законодательно установленный государственный минимум социальных стандартов должен обеспечить каждому гражданину уверенность в будущем, достойный уровень жизни и высокое качество жизни.

В XXI в. социальный фактор все более влияет на политические процессы, усиливая зависимость легитимности и эффективности власти. Динамичное социальное развитие выступает важнейшим фактором и показателем конкурентоспособности стран, компаний, фирм и отраслей. Практика свидетельствует о том, что эффективность коммерческого использования научно-технических достижений определяется не только уровнем научных исследований и разработок, но и комплексом социальных показателей, со-

ставляющих инновационный социальный процесс и являющихся его неотъемлемыми элементами. Достойная жизнь, обеспеченная старость, стабильность, постоянно растущий интеллектуальный, образовательный, нравственный потенциал населения, уровень развитости социального мышления личности и общества, социальная ответственность лидеров, элиты и граждан обуславливают высокую результативность любой общественной системы.

*«Россия XXI век. Политика, экономика, культура»,
М., 2012 г., с. 83–95.*

Владимир Егоров,

доктор исторических наук (МГОУ)

Ольга Савина,

научный сотрудник (Институт стран СНГ)

**ОБЩАЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ
ОСНОВА – ФАКТОР РЕИНТЕГРАЦИИ
ПОСТСОВЕТСКОГО СООБЩЕСТВА**

Экономические, политические, военные катаклизмы, переживаемые человечеством с учащающейся периодичностью, свидетельствуют о том, что мир стоит накануне системных трансформаций. Нет оснований для уверенности в безболезненном протекании грядущей метаморфозы, по крайней мере ни у кого не вызывает сомнений, что мировое сообщество будет вынуждено пересмотреть многие, казалось бы незыблемые, установки и ценности.

В этих условиях для России, потерявшей в последние два десятилетия ориентиры социальной перспективы, было бы наименее продуктивным стремиться воспроизвести на национальной почве привлеченный извне проект общественного развития. Тем более бесперспективно обращение нашей страны в ряды трансляторов «прогрессивных» ценностей в сообщество постсоветских стран, культурно-исторически связанных с Россией, претендующей на роль нового интеграционного центра. Хотя именно такая роль России наиболее приемлема для Запада, переживающего не лучшие времена.

Кризис либеральной демократии, обусловленный сигнатурой осознанных границ эффективности капитализма абберрацией буржуазной инициативы в финансовую сферу, где деньги, минуя общественное производство, порождают себе подобные вымыванием ее социальной основы «среднего класса», инициирует по-

пытку обрести импульс жизненного потенциала за счет культурно-политической и экономической экспансии в пространства ранее «неосвоенных» территорий.

Так было не раз в истории, когда стагнирующая система, стремясь к регенерации, прибегала к факторам экстенсивного роста. Россиянам, как никому другому, известно влияние расширяющегося пространства («деспотии пространства») на устойчивость политического режима.

Необходимость продвижения идей «Большого Запада» с целью роста «привлекательности главных ценностей» «для других культур» и постепенного возникновения «всеобщей демократической культуры» очевидна не только с точки зрения геополитической, но и в связи с поиском механизмов обретения внутренней устойчивости странами «золотого миллиарда». В предложенном проекте «Большого Запада» «вовлеченная демократизирующаяся Россия» должна занять место периферии западного сообщества. При этом Евразийский союз, в оценке авторов перспективы «всеобщей культуры», «является новой эксцентричной идеей Владимира Путина»¹.

Будущее истории, по мнению западных аналитиков, безальтернативно связано с либерально-демократическими ценностями (кстати заметить, понимаемыми однобоко, «по-вашингтонски», так же, как в свое время социализм в иной, меньшевистской, интерпретации был неприемлем для советской партноменклатуры). Китайская или индийская системы культурных ценностей в качестве, по крайней мере, равноправных парадигм культурно-цивилизационного развития не рассматриваются. В лучшем случае им отводится место сегментарного «очага» культуры, представляющей интерес для узких территориальных или национальных локализаций. Такая позиция далеко не бесспорна.

Главное, что следует отметить, какой бы отчетливой ни была идеологическая альтернатива культурного плюрализма, она не будет признана Западом, так как цивилизационный модус, основанный на традиции, укорененной многовековой историей того же Китая или Индии, для либерального рационализма всего лишь рудимент, формируемый в дихотомии: отсталый – прогрессивный, анахронизм – современный. Исторически сложилось так, что главным рудиментом проекта «Большого Запада» является страна, по

¹ Бжезинский Зб. Уравновесить Восток, обновить Запад / Россия в глобальной политике. – М., 2012. – № 1. – С. 35, 37.

воле судьбы не генерировавшая собственных традиционных ценностей.

Формат статьи не позволяет подробно остановиться на сюжете, раскрывающем значение традиции в планетарной цивилизации. Заметим только, что в общественное сознание человечества приходит понимание «самоценности» традиции, продолжающей развиваться в индустриальную и постиндустриальную эпохи. Находясь в состоянии интеракции с модерном, традиция создает синергетический потенциал, позволяющий обществу достигать кумулятивного эффекта развития с положительной флуктуацией результата. Именно сохранение традиции и опора на нее в модернизации позволили Японии во второй половине XX в. совершить экономическое чудо. Указание на органическую встроенность традиции в проект советской цивилизации как основной ресурс устойчивости и высокой эффективности системы содержится во многих работах современных авторов.

В указанном смысле капитализм, лишенный опоры на традицию, не является самодостаточным в морально-этическом и культурном отношении. Взяв когда-то на вооружение в качестве главного идеологического постулата сентенцию Т. Гоббса *Bellum omnium contra omnes* (война каждого против всех), капитализм нуждается в компенсации, доведенной до совершенства правовой системы и традиционного нравственного базиса. Однако в таком случае неразрешимое противоречие между центральной фигурой, олицетворяющей всю систему буржуазных отношений – *Homo economicus*, и *Homo sapiens*, человеком разумным, а следовательно, нравственным, лежит в основе непреодолимого препятствия на пути выхода западной цивилизации из системного кризиса.

В контексте современных западных ценностей любое социальное агрегирование, в том числе формирование государственной культурной, этнической идентичности, должно основываться на принципах рационально устроенных сетей, выполняющих функции коммуникатора взаимовыгодного обмена информационными, материальными, политическими (если это касается государственных образований) ресурсами. Любые другие мотивы интеграционных процессов выходят за рамки целесообразности, диктуемой западным образом мироустройства. Доказательством сказанного являются события, происходящие в Европейском союзе. В связи с кризисом в дилемме укрепления национальных интересов или прагматических соображений при определении мер его преодоления верх всегда берут последние.

Не выдержала испытания общественной практикой идеология мультикультурализма, направленная на формирование «особого вида толерантности», в связи с притоком жителей мировой периферии в крупные европейские города. При этом «обратная глобализация» (именно так определяют это явление) стала следствием «подавления культурной уникальности через экономическую модернизацию», активно насаждаемую Западом начиная с 60-х годов в странах третьего мира.

Безусловно, рекомендации использовать накопленный в Европе процессуальный опыт и технологии адаптации эмигрантов при реализации программ интеграции в российский социум приезжающих на работу в Россию представителей ближнего зарубежья могут быть реализованы только в плане заимствования технических наработок организации комплементарных условий для гастарбайтеров, но только не по существу, разделившемуся по смысловым ориентирам: мультикультурализм как средство ассимиляции «культурного модерна» или мультикультурализм как основа «общечития».

Принципы рационализма, положенные в основу российской политики в отношении бывших союзных республик, не принесли релевантного интеграционного эффекта. Мало того, по мере утверждения на постсоветском пространстве западных культурных ценностей постепенно убывает социальная основа центростремительных тенденций. Чтобы проиллюстрировать это утверждение, надо обратиться к данным, характеризующим динамику деструктивного отношения населения Казахстана и Белоруссии к интеграции с Россией в региональные структуры, что характеризуется за мерами общественного мнения, опубликованными главным научным сотрудником Казахстанского института стратегических исследований М. Лаумулиным и белорусским журналистом Ю. Дракохрустом. Мнение населения Казахстана относительно Таможенного союза (Белоруссии, Казахстана и России) разделилось: 52% опрошенных поддерживают этот интеграционный проект, 48% высказались «против» или не определились в своем отношении. В апреле-мае 2012 г. Институт стран СНГ (г. Москва) провел дополнительный опрос казахстанских респондентов, когда выявлялась принадлежность к социальным категориям тех, кто отрицательно относится к объединению в интеграционные структуры. Результаты дополнительного опроса показали, что 78,7% считающих нецелесообразной постсоветскую интеграцию являются представителями крупного и среднего бизнеса, менеджерами

финансовых учреждений, работниками силовых структур и правоохранительных организаций и государственными служащими.

В случае с Белоруссией картина выглядит совершенно иначе. Социальный спектр отрицательно ответивших на вопрос: «Если бы сегодня проходил референдум об объединении Белоруссии и России, как бы Вы проголосовали?» – репрезентативно отражает все категории населения. Однако мотивом негативного отношения к интеграции является боязнь либерализации уклада жизни по российскому образцу. Удельный вес тех, кто положительно высказался за объединение с Россией, с 2003 по 2011 г. сократился с 58 до 32%. При выборочном опросе белорусских граждан, отрицательно оценивающих перспективу объединения с Россией, 64,2% указали в качестве главной причины своего выбора боязнь утраты социальных гарантий, обеспечиваемых гражданам Белоруссии.

Таким образом, результаты дополнительных исследований, предпринятых Институтом стран СНГ, хотя и в противоположных контекстах, показали, что «либеральные ценности»², активно внедряемые в социально-экономический строй новых независимых государств, работают в направлении, противоположном региональному интеграционному вектору.

С прагматической точки зрения такое положение дел вполне объяснимо. Если руководствоваться исключительно соображениями выгоды, то ориентация на западные центры мировой силы выглядит значительно более привлекательной, чем объединение с Россией, которая пока не обрела устойчивой тенденции экономического роста. Однако в основе евразийской интеграции лежит нечто большее, чем голый прагматизм, – культурно-цивилизационная общность, формировавшаяся веками в интеграции многоэтнических традиций, генерировавших некую идентичность, постигнуть которую рациональным сознанием невозможно.

Интересно в этой связи высказывание М. Лаумулина: «После падения железного занавеса и контактов с дальним зарубежьем казахстанцы убедились, что не похожи на соседей из исламского мира, несмотря на некий мусульманский ренессанс в республике. В Советском Союзе жители Средней Азии считались “азиатами”, но после более тесного знакомства с китайцами и другими дальневосточными народами стало очевидно, что и на

² Мы намеренно взяли этот термин в кавычки, чтобы указать на разницу в представлении между подлинными либеральными и современными либеральными ценностями.

настоящих азиатов они не очень похожи. Гораздо больше общего у них с другими гражданами стран СНГ, здесь и пригодилось понятие “евразийцы”».

В своей знаменитой работе «Столкновение цивилизаций» Самюэль Хантингтон справедливо заметил, что интеграционные и дезинтеграционные границы современного мира проходят вдоль культурных линий. По его мнению, «культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом высоком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта».

Не «либеральные ценности» и не попытка навсегда искоренить возможность возникновения войны в этой части света являются главным основанием европейской интеграции (эти факторы перфектны), а культурно-цивилизационная общность, фундируемая исторической традицией Старого Света.

Исторически сложилось так, что Россия не только как государство, но прежде всего как культурный, цивилизационный архетип, формировалась, вбирая в свой растущий организм традиции и социетальные ценности многих народов. Даже тогда, когда народы приграничных территорий не испытывали интегративных позывов со стороны Великой империи, они активно включались в культурный обмен с российским социумом. Укоренившийся модус культурного взаимодействия стал определяющим качеством внутреннего российского миропорядка, каждая культурная составляющая которого представляла собой самоценность, функционируя как неотъемлемая часть целого. В этом смысле трудно представить, даже в условиях государственной независимости, культурную автаркию россиян, казахов, украинцев, киргизов.

Обычно, когда говорится об общности судеб и социальных перспектив, принято апеллировать к славянскому единству. Однако нити генетической «самости» россиян с народами Кавказа и Азии несколько не менее судьбоносны с точки зрения культурно-цивилизационного значения. Сохранение и развитие рожденного на протяжении столетий многоликого «Русского мира» представляется проблемой не менее, а может быть, более важной, чем экономическая и политическая интеграция постсоветского пространства. Утрата этого «эксклюзивного продукта» означала бы прежде всего рецессию национальных культурных оснований, а для России, сохраняющей многоэтническую и многоконфессиональную матрицу, – утрату возможности полноценной консолидации рос-

сийской идентичности и реинтеграции (как носителя культурного генотипа) в полноценный центр развития регионального сообщества.

На протяжении веков Россия, аккумулируя культурный потенциал народов, объединяемых в одном цивилизационном пространстве, выполняла роль генератора собственной творческой активности, являясь, говоря словами Р. Коллинза, «зоной престижа», которая «есть источник излучения, распространяющегося за ее пределы и с большей или меньшей силой притягивающего к ней людей, находящихся на различных расстояниях от нее. Эти расстояния... суть нечто большее, чем расстояния в физическом пространстве; они являются сетями разного рода, ...в которых по особым каналам, способным проникать в чужие цивилизационные зоны, распространяются престижность и притягательность данной цивилизации».

Выполняя на протяжении длительного исторического периода функцию «зоны престижа», Россия не могла не стать центром интеллектуальной рефлексии культурно-цивилизационной идентичности, сформировавшейся в результате активного культурного обмена народов, входящих в ее пространство.

Первым, кто обратился к проблеме российской идентичности в модернизационном контексте, стал П.Я. Чаадаев. Творчество этого мыслителя и сегодня оценивается неоднозначно. «Почвенники» критикуют его за негативное отношение к российской «самости» и европеизм. Для нас важно подчеркнуть рациональное зерно, которое, безусловно, присутствует в рассуждениях П.Я. Чаадаева о том, что российская цивилизация консолидировалась как феномен, не повторяющий в своем содержании ни классическую парадигму Востока, ни европейскую цивилизационную матрицу. Отмечая эту сторону взглядов П.Я. Чаадаева на российскую идентичность, можно с полным основанием говорить о том, что они способствовали более поздней артикуляции евразийской теории. «Одна из наиболее печальных черт нашей цивилизации, — отмечал он, — заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиции ни того ни другого». Кризис российской идентичности, о которой говорил П.Я. Чаадаев в XIX в., ссылаясь на неевропей-

ский путь развития России, обернулся в настоящий момент историческим шансом.

Другому русскому мыслителю, Н.Я. Данилевскому, принадлежит заслуга плюрализации в определении культурно-исторических типов социальной реальности. Утверждение Данилевского о том, что европейская цивилизация «не является универсальной, а только одной из нескольких великих цивилизаций, которые когда-то процветали в человеческой истории», проторило путь к определению места собственно российской идентичности в иерархии мировых цивилизаций. «Соображение, что европейская цивилизация идентична универсальной цивилизации, основано на ошибочном допущении, что только она является прогрессивной и творческой в противоположность всем другим культурам, которые при этом объявляются статичными и нетворческими», – писал он.

В целом скептически оценивая концепцию Данилевского, П.Н. Милюков, сам того не желая, значительно обогатил научное представление, фундамент которого заложил его предшественник. Указывая на социальную обусловленность культурно-цивилизационной идентичности, П.Н. Милюков имел в виду постепенное наполнение ее содержания «современным», «прогрессивным» (европейским) качеством. Европейский универсализм взглядов П.Н. Милюкова был скорее шагом назад в понимании существа российской цивилизации, однако его мысль об интегративной динамике культурной традиции является, безусловно, еще одним шагом в научном осмыслении реалий евразийского процесса.

Важный вклад в исследование российских культурных и цивилизационных оснований внес И.А. Ильин. Базисом интегративной «самости», рожденной как продукт российской цивилизации, он считал не материальные символы: государство, пространство и т.д., а духовные. «Родина – есть духовная реальность», – писал он.

Пройденный путь интеллектуального поиска нашел логическое завершение в концепции отечественных евразийцев: П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Л.Н. Гумилёва. Они впервые отчетливо заявили о российском культурно-цивилизационном типе как евразийском. Евразийская концепция вобрала в себя представление о подвижности, недостаточности российской идентичности, имманентном освоении мультикультурных ценностей, отказа от «европоцентризма», от универсальности прогресса, воинствующего экономизма Запада. Важным является замечание евразийцев относительно вектора взаимодействия России с другими народами: от патернализма к культурному равноправию. «В постимпер-

ский период, – писал Н.С. Трубецкой, – национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством».

Идентичность, о которой говорили евразийцы, стала реальностью, значительно укрепившейся в советское время. «Полиэтническое пространство, – пишет И.А. Исаев, – приобретало большую стабильность, поскольку из властной иерархии исключалась одна господствующая нация. А новое наименование объединенных территорий – СССР – уже не содержало никакого намека на этническую, пространственную или национальную доминанту этого союза. Оно выражало лишь его политическую и социальную характеристики».

Верность евразийской концепции подтвердила и постсоветская политическая реальность. Сразу после развала СССР государства и этносы, не интегрированные в евразийскую культурно-цивилизационную общность (европейские страны «социалистического лагеря» и республики Прибалтики), сразу сориентировались на объединение с Европейским союзом. Испытывая деструктивное влияние центристских факторов, в постсоветский период евразийская идентичность долгое время была в состоянии депривации, но тем не менее остается реальностью, фундаментом интеграционный процесс. Доказательством сказанного могут служить данные социологического опроса, проведенного Институтом стран СНГ (октябрь 2011 г.). На вопрос: «Как Вы воспринимаете события в другой стране СНГ?», 47,2% респондентов в Казахстане, 61,3% в Белоруссии, 44,3% на Украине ответили, что воспринимают события так, как если бы они происходили в собственной стране.

Идеи евразийства становятся методологической основой активизирующихся в последнее время процессов на постсоветском пространстве. В частности, важное положение о культурном плюрализме и «самоценности» каждой составляющей культурно-цивилизационного сообщества реализовано в организационном принципе СНГ «подвижной геометрии», утвердившемся после принятия в 2007 г. Концепции дальнейшего развития СНГ. Концепция содержит инициированное российской стороной видение будущего Содружества как многопрофильной региональной организации, обеспечивающей максимальный интеграционный потен-

циал, в то же время предоставляющей возможность каждой стране-участнице определять формат и сферы сотрудничества. «Материальной сцепкой» сохранения евразийской культурно-цивилизационной ценности остается русский язык как средство коммуникации, культурного обмена, функционирования наднациональных структур.

Однако главное значение русского языка заключается все же не в этой, бесспорно, важной стороне интеграционного процесса. Русский язык остается единственным инструментом продвижения идентификационных символов и практик до экзистенциальной глубины, когда каждый индивид становится субъектом объединительных тенденций.

В 2006 г. сотрудники Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН провели в Бишкеке этносоциологический опрос по анкете, включающей блок языковых вопросов. Его итоги подтвердили факт довольно широкого распространения русского языка среди столичных жителей, в том числе киргизов и татар. Русский язык используется представителями титульного этноса как самостоятельно, так и совместно с киргизским языком от 56 до 81% случаев. Позитивным фактором, в известной мере определяющим перспективы русского языка в Киргизии, является сравнительно высокая ориентация киргизской молодежи на русский язык. По мнению почти 60% киргизов Бишкека, принявших участие в опросе, людям нерусской национальности Киргизии в той или иной мере необходимо знание русского языка. Среди молодых людей 18–29 лет 35% отметили, что русский язык, безусловно, нужен, 29% – скорее нужен. Лишь 19% дали отрицательный ответ. Все это свидетельствует о том, что в настоящее время в Киргизии имеются сравнительно благоприятные условия для функционирования и развития русского языка.

Несмотря на усиленную политику дерусификации западно-ориентированных администраций, остается прочным положение русского языка на Украине. Согласно данным мониторинга ИС НАНУ (2007), если исключительно по-украински думают 34% граждан старше 55 лет, 30% в возрасте 30–35 лет, то среди тех, кто сформировался как языковая личность в годы независимости (возрастная группа до 30 лет), думают исключительно по-украински 22%. Среди тех, кто думает исключительно по-русски, наблюдается противоположная тенденция: возрастная группа старше 55 лет – 30%, 30–35 лет – 36, до 30 лет – 40%, т.е. число русскоязычных

молодых людей в возрасте до 30 лет не уменьшается, как можно было бы предположить, а растет.

Таким образом, активизация интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, свидетелями которой сегодня мы являемся, обусловлена не сиюминутной политической конъюнктурой, а наличием глубокого историко-культурного базиса взаимоотношений народов и государств, объединяемых евразийской идентичностью. Уже сказано, что формирование полноценного регионального объединения – процесс не линейный и может подвергаться влиянию разного рода (в том числе внешних) факторов. Однако выстраивание стратегии долгосрочной политики в этом направлении должно осуществляться с учетом реальности культурно-цивилизационного фактора реинтеграции.

«Обозреватель-Observer», М., 2012 г., № 12, с. 42–50.

Абдулбари Муслимов,
заместитель председателя
Духовного управления мусульман
Нижегородской области
СОЦИАЛИЗАЦИЯ УММЫ.
ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

В настоящее время, как мы все видим, мусульмане находятся не в самом лучшем положении как в социальном, так и культурном положении. Нам предстоит пройти еще долгий путь, несмотря на то, что многое мы не смогли уже сделать. Я не буду касаться политических вопросов развития уммы, поскольку, на мой взгляд, они являются внешними по отношению к ее проблемам, но я сосредоточусь на проблемах российских мусульман.

Во-первых, мусульманская община России сейчас находится практически в атомизированном состоянии. Кроме организационного плюрализма, верующие все чаще становятся разделенными по самым различным основаниям: от этнического до возрастного. Миграционные потоки из стран Центральной Азии и Кавказа сделали наши общины в крупных городах полиэтническими, и все чаще имамы должны учитывать этот факт в своих пятничных проповедях, переходя с татарского или башкирского на русский язык. Многие совершенно обоснованно говорят о необходимости сохранения традиционной культуры в наших мечетях, и мы должны стремиться к этому, но мы не должны забывать и о том, что люди,

пришедшие на пятничный намаз, также хотят услышать для себя строки из Священного Корана и, вдохновляясь ими, прийти в мечеть в следующий раз, обратив свой взор и сердце к Всевышнему. Каждый имам должен понимать, что именно с него начинается социализация мусульманина-иммигранта, с него начинается процесс интеграции в российское общество и российскую умму, с него начинается процесс формирования единой российской уммы. Официальные данные статистики говорят нам, что образовательный уровень иммигрантов невысок, поэтому среди задач имама должно быть не только духовное окормление, но и просвещение. Многочисленные примеры в Центральной России и Поволжье демонстрируют нам, что активная позиция имама в процессе взаимодействия с прихожанами-мигрантами позволяет не просто избежать противоречий внутри общины, но и помогает становлению дружеских межнациональных и межконфессиональных отношений внутри конкретных муниципалитетов. Не будем забывать и о той помощи, которую духовным управлениям мусульман оказывают органы государственной власти и институты гражданского общества в вопросе интеграции мигрантов. В свою очередь мусульманское духовенство должно понимать, что эта помощь может быть еще более эффективной и полной, если мы сможем грамотно определять те направления, куда стоит направлять получаемые ресурсы. Не раз говорилось о том, что эффективность работы духовного управления определяется, прежде всего, грамотным использованием имеющихся ресурсов, контактов и, конечно, кадрового потенциала.

Второй важной проблемой для развития уммы является вопрос социализации молодых мусульман. В настоящее время мы видим, что наша молодежь фактически осталась беззащитной перед потоком информации с телевидения и со страниц Интернета. Простые решения, которые подсказывают ей так называемые «доброжелатели», приводят молодых людей к мысли о необязательности сохранения существующей традиции, к поиску новых смыслов, к выбору новых, более модных ориентиров. Проще и понятнее для них являются решения, которые, на первый взгляд, не содержат компромиссов и отождествляются ими с «истинным лицом» их религии. К сожалению, уровень их познания первоисточников ислама остается низким, несмотря на то что они могут воспроизвести наизусть 3–4 десятка зазубренных, вырванных из контекста, строчек Священного Корана, где просто и понятно в черно-белых красках описывается окружающая действительность.

В результате мы сталкиваемся с непониманием и неприятием молодым поколением тех ценностей и той жизненной мудрости, почерпнутой в строках Корана, которая прошла через умы и сердца наших великих предков, являвшихся авторитетами для всего исламского мира. Это и Риза Фахретдин, и Шигабуддин Марджани, Муса Биги, Зайнулла Расули и многие другие, оставившие свой след в исламском богословии. По сути, конфликт молодого поколения со старшим основан на трагедии прерванной богословской традиции, это конфликт, основанный на незнании. Радикализм молодежи, которая сегодня предпочитает ориентироваться на зарубежных авторов, которые говорят с ней простым, а подчас примитивным языком и бинарными оппозициями «халяль – харам», «шахид – муртад», «ислам – ширк», во многом напоминает начало XX в., когда захваченная политическими лозунгами мусульманская молодежь вливалась в политические партии согласно своему образовательному уровню: недоучившиеся студенты медресе предпочитали простых и понятных социалистов-революционеров, а мусульмане, имевшие и светское, и религиозное образование, поддерживали социал-демократов, чья политическая доктрина требовала более глубокого понимания социально-экономических и политических процессов. Сейчас мы можем наблюдать нечто похожее и с нашей мусульманской молодежью. Костяк агрессивно и радикально настроенных составляют те, кто не имеет сколь-нибудь качественного исламского богословского и светского образования. С точки зрения социологии – это маргинальные слои, получившие свои ориентиры в готовом виде.

Третья проблема уммы, которую бы хотелось выделить особо, это проблема уровня квалификации имамов. Зачастую мы видим, что уровень знания Священного Корана и Сунны Пророка Мухаммада и компетентности в вопросах фикха и акыды не позволяет имаму грамотно ответить на вопросы верующих, что вызывает у них негативную реакцию. Такая ситуация характерна для многих мечетей, особенно в сельских районах и небольших городах. Все мы понимаем, что 70 лет планомерной работы по вытравливанию ислама из жизни мусульман не прошли даром и восстановить все даже за 20 лет не так уж и просто. В настоящее время мы наблюдаем, как начинает вырисовываться новая система российского исламского образования, она ориентируется на идею о взаимодополняемости между религиозным блоком и светским. Студент мектебе, медресе или исламского института должен не только в совершенстве знать Священный Коран и Сунну, но и ориентиро-

ваться в истории, социологии, законодательстве, культуре – быть разносторонним специалистом. В этой связи помощь, которую оказывает сегодня государство мусульманским учебным заведениям, нельзя не отметить. Однако многое необходимо сделать и самим мусульманам.

В этой связи я хотел бы обратить ваше внимание на те предложения, которые хотел бы обозначить в качестве темы для дальнейшей дискуссии и развития в рамках практической деятельности духовных управлений мусульман. Это будут предложения по развитию прямых и косвенных методов социализации уммы.

К прямым механизмам социализации уммы в настоящее время я хочу отнести весь блок вопросов, связанный с успешным функционированием института духовного управления мусульман. Современное духовное управление мусульман должно являться не просто религиозной организацией, а многофункциональным центром мусульманской культуры, который бы соединял в своей деятельности следующие направления работы:

- поддержание организационных основ деятельности духовного управления;
- поддержание работы мечетей и обеспечение их квалифицированными имамами;
- создание условий для получения религиозного образования и повышения квалификации имамов в рамках духовного управления;
- работа с молодыми прихожанами (в том числе религиозное просвещение);
- работа с мусульманами-иммигрантами (в том числе их обучение русскому языку и основам культуры российских мусульман и российского общества).

Интегрированная работа имамов, мусульманских образовательных учреждений и молодежных объединений мусульман в рамках духовного управления мусульман позволит им стать теми институтами уммы, вокруг которых начнется объединение российских мусульман, как идеологическое, так и организационное. Духовное управление может работать со всеми мусульманами вне зависимости от того, к какой правовой школе они принадлежат. Это позволит значительно снизить угрозу возникновения псевдоисламских экстремистских организаций и наладить механизмы социализации молодых мусульман, и в конце концов сформировать устойчивые основы традиции российских мусульман, базирующиеся как на Священном Коране и Сунне Пророка Мухаммада

и работах всемирно известных богословов, так и на трудах российских исламских богословов. Уже нынешнее поколение мусульман способно передать своим детям устойчивую традицию, подкрепленную серьезным теоретическим богословским базисом. Вопрос лишь в том, чтобы указанная работа осуществлялась в полной мере на территории всех регионов.

К косвенным механизмам социализации мы можем отнести все, что может помочь мусульманам в современном мире сохранить свою культуру и преумножить ее богатство:

- использование средств массовой информации и Интернета, которые сейчас во многом используются против мусульманской общины;

- внедрение в образовательные программы исламских учебных заведений светских дисциплин, направленных на формирование целостного мировоззрения (история, философия, социология, политология);

- формирование страты исламских ученых, исламоведов, журналистов, публицистов, издателей, которые бы смогли достойно представлять интересы уммы в рамках российского общества и мирового сообщества. Необходимо отметить, что в этом направлении уже делаются серьезные шаги со стороны государства, духовных управлений мусульман в сотрудничестве с научным сообществом, но, к сожалению, не всегда эта работа приносит ожидаемые результаты;

- тесная работа духовных управлений мусульман с правоохранительными органами, которая бы способствовала росту взаимного уважения и понимания между служителями порядка и мусульманами. Снятие барьеров непонимания и взаимной настороженности позволит более эффективно вести свою работу как духовным управлениям, так и правоохранительным органам.

Таким образом, в процессе социализации уммы центральным элементом мы считаем имама и духовное управление мусульман. Только их работа способна в корне изменить те негативные тенденции, которые были озвучены в нашем докладе. При этом необходимо понимать, что их деятельность должна серьезно измениться в направлении социальной активности. Безусловно, верность акыде и мазхабу – это те столпы, которые формируют традицию и способствуют стабильному развитию уммы. Однако нынешняя ситуация в обществе диктует нам необходимость серьезной трансформации своей активности в отношении с ним.

Духовное управление мусульман сегодня – это многофункциональный институт социализации уммы, который должен нести ряд важнейших функций: религиозную, воспитательную, просветительскую, образовательную, информационную и даже концептуальную. Только имея стратегический взгляд в будущее, мусульманская община и духовные управления способны к реализации тех серьезных задач, которые ставит перед нами Всевышний. Поэтому в наших руках сохранить и приумножить нашу общину, нашу традицию, нашу Веру.

«Ислам и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века», Уфа, 2012 г., с. 38–42.

Елена Кублицкая,

кандидат философских наук (ИСПИ РАН)

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Проблемы федеративной стабильности, укрепление интегративных процессов во многом зависят от развития толерантности в области межнациональных и этноконфессиональных отношений. Предложенный ракурс выявления проблем конфликтности этих отношений рассматривался в контексте анализа уровня религиозности и атеистичности населения города, направленности секуляризационного процесса и роста межнациональной напряженности.

Риски и угрозы в межнациональных отношениях мегаполиса, как показывают мониторинговые исследования ИСПИ РАН и МИСКП, очень велики. За последние годы этническая и конфессиональная структура мегаполиса серьезно усложнилась. Идет резкая интенсификация притока переселенцев при одновременном естественном сокращении численности коренных жителей. По сравнению с советским периодом демографическая ситуация изменилась, например численность представителей кавказских народов в Москве выросла в 20 раз.

Изменение национального состава столичного мегаполиса за счет легальных, а по большей части нелегальных мигрантов не может рассматриваться как «успех» национальной политики Москвы. Несмотря на то что Москва – традиционно интернациональный российский город, демографическая проблема, связанная с увеличением нерусского населения (армянская, грузинская, азерб-

байджанская, чеченская, таджикская и многие другие диаспоры), вышла в разряд наиболее актуальных. Социологические опросы по г. Москве показали, что подавляющее число жителей согласны с высказыванием: «Приток мигрантов следует резко сократить». Так ответили 72% от числа всех опрошенных и 76% из группы коренных москвичей. Опрошенные москвичи считают, что в результате увеличения интенсивности неуправляемых миграционных потоков ухудшается весь спектр жизнедеятельности местных народов: социально-бытовые условия, трудоустройство, сфера обслуживания, образование, здравоохранение, транспортные передвижения и, конечно, культурно-духовные запросы населения. На основании вышеизложенного можно заключить следующее: рост межнациональной напряженности идет через отражение в массовом сознании москвичей реалий их повседневной жизни.

Ассимиляционные возможности Москвы находятся на пределе. По подсчетам экспертов, в Москве и Московской области находится более половины всех иммигрантов (на Центральный федеральный округ приходится примерно 68%). Широкомасштабность миграционных потоков создает атмосферу, во-первых, нетерпимости, неприязни между различными этническими группами, во-вторых, противостояния между «коренными» москвичами и приезжими. Кроме того, отношения интернационализма и национальной терпимости неизбежно утрачиваются в ситуации осознания коренной национальностью того факта, что ее этнический статус резко снижается. В Москве сложная криминогенная ситуация нередко приобретает этническую окраску. Москва имеет один из самых высоких показателей межнациональной напряженности по сравнению с другими субъектами Федерации. Показательно, что лишь порядка 10% опрошенных москвичей оценивали межнациональные отношения в городе как стабильные. Существенно большая часть респондентов (68–75%) отмечают факт «межнациональной напряженности» или «сильной напряженности и возможности конфликтов». За последние 19 лет крайняя степень напряженности, определяющаяся показателем «сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты», в оценках москвичей увеличилась на 11 процентных пунктов: с 17 до 28% (табл.). Обратим внимание, что почти третья часть всех респондентов предполагают возможность близких межнациональных конфликтов.

Можно констатировать: рост межнациональной напряженности идет через отражение в массовом сознании москвичей реал-

лий их повседневной жизни. Обратимся к представлениям населения о повседневной практике межнациональных отношений, негативных проявлениях в этой области.

Таблица

**Динамика уровня межнациональной напряженности
в Москве в оценках населения
(в % от числа опрошенных, данные по некоторым годам)**

Показатели уровня межнациональной напряженности	Годы										
	1992	1993	1994	1995	1996	1998	2001	2003	2007	2008	2010
Межнациональные отношения стабильны	32	19	19	14	14	17	15	5	10	8	12
Имеется определенная межнациональная напряженность	34	46	49	51	52	59	48	54	42	46	40
Налицо межнациональная напряженность, возможны конфликты	17	22	17	17	16	13	25	33	29	29	28
Затруднились ответить	17	13	13	17	17	11	11	8	19	14	16

Динамика уровня межнациональной напряженности в мегаполисе за 19 лет (1992–2010, в % от числа опрошенных). Ответы на вопрос: «Имеется межнациональная напряженность» или «Возможны межнациональные конфликты»: 1992 г. – 51%, 1993 г. – 68, 1994 г. – 66, 1995 г. – 68, 1996 г. – 68, 1998 г. – 71, 2001 г. – 73, 2003 г. – 87, 2007 г. – 71, 2008 г. – 75, 2010 г. – 68%.

Респонденты оценивали перечень из восьми позиций, начиная от «назначения на руководящие или престижные должности по национальному признаку» до «использования религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми разных национальностей». Здесь наибольшее число указаний москвичей на негативные проявления собрали следующие позиции: «неуважительное отношение мигрантов к нормам, традициям московской культуры» – 54%; «хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка на национальной почве» – 38; «неприятное отношение к мигрантам, приезжающим на работу и постоянное место жительства в Москву» – 33%. Характерно, что три

данные позиции оказываются в числе первых и в рамках исследования в Москве в 2008 г., и в более ранние периоды наших наблюдений.

Очевидно, что с точки зрения обеспечения социально-территориальной стабильности страны одним из важных моментов является изучение протестного потенциала, в том числе в разрезе межнациональных отношений. Согласно данным опроса, установки на участие в конфликте в интересах своей национальной группы выражены в ответах респондентов довольно четко (готовы участвовать в такого рода конфликтах «безусловно» и «в зависимости от обстоятельств» 55–58% респондентов) и составляют позиции более половины москвичей, в то же время взгляды социально-типологических групп имеют существенные различия. Так, если половозрастные особенности респондента предполагают, что мужчины в мобильном зрелом возрасте занимают более активную жизненную позицию, то вполне закономерно, что они чаще, чем женщины (на 25 процентных пунктов), готовы включиться в конфликтную ситуацию. Кроме этого, анализ эмпирических данных указывает, что в «конфликтную группу» попадают прежде всего некоренные жители столицы, татары и лица, исповедующие ислам. Обращает на себя внимание то обстоятельство (по ряду индикаторов), что именно русские, оказавшиеся «главным объектом ущемления», имеют меньший «конфликтный заряд», более толерантны, терпимы к другим национальностям.

Позиции респондентов по использованию государством силы при решении межнациональных проблем достаточно умеренны. Допускает возможность применения силы в разрешении межнациональных конфликтов незначительное число опрошенных (2%). Большинство опрошенных полагают, что «применение силы необходимо только тогда, когда под угрозой оказываются жизнь и достоинство людей» (27%), или говорят о том, что «все зависит от конкретной ситуации» (42%). «Силовое решение национальных проблем в принципе недопустимо», – считают 24% москвичей.

Как и в предыдущем показателе национального конфликта, прослеживается та же тенденция возможного решения споров в межнациональных отношениях силовыми методами, прежде всего в группах мужчин в возрасте 14–39 лет, некоренных жителей, мусульман, не русской национальности. Результаты исследований указывают, что уровень протестного потенциала в сфере межнациональных отношений в Москве остается в течение последних лет достаточно высоким.

Также вряд ли можно говорить о стабилизации религиозности в Москве. В 1996 г. уровень религиозности населения мегаполиса составлял 50%, постепенно нарастая; к 2008 г. он составил 62%. За 12 лет уровень религиозности увеличился на 12 процентных пунктов. Религиозное население Москвы к 2010 г. фиксируется на отметке 56%, а уровень воцерковленности религиозного населения составляет 45% (так как остальные 55% религиозного населения не соблюдают религиозные обряды и не включены в мотивированную религиозную практику). Количественные показатели колеблющихся между верой и неверием остаются на отметке 20%. Нерелигиозное население мегаполиса составляет 10%. Среди них выявлено лишь 4% убежденных неверующих (атеистов). Соотношение религиозного и нерелигиозного населения в 2010 г. составило примерно 6:1 и заняло одно из лидирующих мест в субъектах Федерации в развитии десекуляризационного процесса. Необходимо признать: несмотря на то что общая численность религиозного населения за последние 14 лет выросла незначительно, тем не менее идет постепенное нарастание степени религиозности населения мегаполиса за счет увеличения доли воцерковленных людей (убежденных верующих).

Соотношение религиозного и нерелигиозного населения в большей степени зависит от комплекса социально-экономических, территориальных, социополитических, исторических, конфессиональных и этнических факторов. В целом по России это соотношение составляет примерно 6,5:1. Оно совпадает с Центральным, Северо-Западным, Уральским и Сибирским федеральными округами.

Социально-демографические характеристики религиозного населения на данном этапе реформирования российского общества становятся все более размытыми. С 1983 г. не прослеживается четкая зависимость уровня религиозности от возраста, социального положения, места жительства, образования и уровня дохода населения. Из предложенных семи социальных характеристик населения только пол респондентов оказывается определяющим при выявлении религиозности населения регионов РФ.

Тем не менее социальный портрет нерелигиозного населения имеет более четкие проявления закономерности, так как они прослеживаются во всех исследованных субъектах Федерации по пяти позициям. В группах «неверующих» и «атеистов» больше мужчин в возрасте от 29 до 49 лет, в основном инженерно-технических работников или студентов со средним или низким уровнем мате-

риального достатка. Доминирующая часть группы верующих в Москве – женщины 30–39 лет и старше 60 лет со средним специальным и высшим образованием, служащие или пенсионерки с самым низким уровнем материального дохода.

Следует заметить, что десекуляризационные процессы развиваются в условиях активизации религиозной жизни, доминирования религиозного населения и усиления клерикальных тенденций в общественных и государственных отношениях, активной прозелитической деятельности ряда конфессий и религиозных организаций. Специфика конфликтного взаимодействия конфессионального и национального напрямую связана с ущемлением прав какой-либо национальности, с очевидной угрозой потери ее национальной самобытности и риском уничтожения культурного менталитета: культурных и религиозных традиций и обычаев этого народа.

Эмпирические результаты достаточно четко фиксируют «болезнь тему» «русского вопроса». Мониторинговые исследования показали увеличение числа утвердительных ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что в настоящее время идет ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей?» «Да, считаю», – ответили 36% опрошенных москвичей в 2007 г. и 45% москвичей – в 2008 г. Ответы в группах «русских» и «православных» москвичей практически не отличаются друг от друга по количественному показателю и в 2008 г. составили 47%. Респонденты моложе 60 лет значительно чаще, чем представители старшего поколения, придерживаются той точки зрения, согласно которой права разных национальностей неравны. После конкретизации вопроса – «Если идет ущемление прав, то каких именно национальностей?» – значимые показатели «ущемления» оказались в первую очередь у русской нации (так считают почти половина опрошенных москвичей – 48% в 2008 г.). Второе место по показателям ущемления прав заняли народы Северо-Кавказского региона, третье – Среднеазиатского, четвертое – евреи. Отметим главное: при анализе корреляционной зависимости тезиса «по ущемлению национальностей» установлено, что все группы национальностей (по рейтингу среди опрошенных национальностей) называют русскую нацию главным объектом «ущемления». В 2008 г. 39% опрошенных москвичей (41% русских и 41% православных) полностью согласились со следующим тезисом: «В нашей стране национальная политика осуществляется в ущерб национальным интересам русской нации, развитию русской

культуры». В 2010 г. число согласных с этим тезисом выросло до 45% опрошенных (49% русских и 52% православных москвичей).

Логика развития любого этноконфессионального конфликта следующая: бурный расцвет религиозной жизни, сопровождаемый одновременно общественно-национальными движениями, способствует укреплению национального и религиозного самосознания (национальной и религиозной идентичностей), осознанию достоинств собственной нации, ее вклада в общегосударственное и культурное развитие. Эти позитивные стремления часто сопровождаются побуждением отделиться, выделить свою «особенность», противопоставляя «своих» и «чужих». Конфессиональная и национальная исключительность становятся специфическими чертами, укрепляющими как религиозную, так и этническую идентичность. Развитие толерантных отношений в полиэтническом и поликонфессиональном регионе имеет особое значение. Основная суть толерантности – терпимость к «чужому», «иному» в Российском государстве – неотъемлемая черта демократизации общества. Развитие этих отношений в наибольшей степени зависит от уровня терпимости населения в национальной и конфессиональной сферах.

В целом население достаточно терпимо к религиозному инакомыслию. Общий уровень межконфессиональной толерантности москвичей составляет более 70%. Все-таки отметим, что «испытывают неприязнь к некоторым религиям и религиозным организациям» четверть опрошенных респондентов. Тем не менее внутри социальных групп имеются значительные различия по степени толерантности. Например, показатель толерантности по отношению к религии самый высокий среди русских женщин в возрасте 14–18 лет и 25–29 лет. Менее толерантны к религии и религиозным организациям мужчины в возрастных группах 19–24, 30–39, 50–59 лет. Мониторинг последних лет показал, что все-таки уровень религиозной нетерпимости среди коренного населения вырос, хотя и незначительно (на 5–9 процентных пунктов в возрастной группе мужчин 19–24 лет).

Таким образом, в мегаполисе характер межконфессионального взаимодействия в межличностных отношениях имеет достаточно высокий уровень толерантности. В то же время это не относится к протестантским направлениям и сектам различного толка. Отмечается продолжающийся рост недовольства ими населения (от 35 до 40%). Социологические данные фиксируют, что общий показатель нетерпимости в религиозной сфере среди населения мегаполиса в 2010 г. не изменился и составил 25%.

Что касается уровня толерантности межличностных отношений в межэтническом взаимодействии, то здесь вырисовывается менее оптимистичная картина. В мегаполисе наибольшую неприязнь к некоторым национальностям испытывают коренные москвичи (29%), русские (28%), мужчины (33%) в возрасте 19–24 лет (40%) и 29–39 лет (37%). Основными объектами национальной неприязни являются во все возрастающей степени выходцы с Кавказа. Если в 2003 г. уровень вербальной конфликтности по отношению к народам Северо-Кавказского региона составлял 37%, то в 2008 и 2010 гг. этот уровень повысился более чем на 30%. Общий уровень национальной нетерпимости среди населения мегаполиса за четыре года вырос на 7 процентных пунктов и составил 31%.

Итак, опишем основные выводы. Результаты проведенных исследований дают основание полагать, что уровень конфессиональной нетерпимости в межличностных отношениях (в оценках населения), как правило, не оказывает влияния на рост конфликтного потенциала в религиозной сфере. Очаги напряженности в области этноконфессиональных отношений касаются прежде всего отношений межнациональных.

Полученные данные объективно высвечивают комплексность проблематики межнациональных отношений. В этой связи, обращаясь к анализу массовых протестных действий в Москве в декабре 2010 г., можно утверждать, что в обществе, очевидно, была накоплена критическая масса недовольства неэффективностью правоохранительной системы, отсутствием реальных действий в сфере защиты конституционных прав граждан, нерешенностью социальных проблем. Характерно, что случаи протеста были отнюдь не единичными, мы имеем в виду целую череду протестных действий в Кондопоге, Туапсе, Ростове, Москве. Это стало отражением нарастающей криминализации общественных отношений, в том числе в межнациональном аспекте. С одной стороны, речь идет об усилении негативного влияния этнических сообществ на ряд сфер жизни, с другой – нельзя сбрасывать со счетов и попытки использования конфликтности в межнациональных отношениях с целью общей дестабилизации ситуации, что с очевидностью резко сокращает возможности развития страны и снижает ее национальную безопасность.

Следует сказать, что низкий уровень доверия общества к власти, известные процессы социально-политического отчуждения создали необходимую предрасположенность представителей различных социальных групп к конфликтной активности. Немало-

важным также представляется отсутствие культуры толерантности, системной политики в области этноконфессиональных отношений. Кроме того, объективно необходимые для развития экономики потоки миграции не получали должного информационного и социально-культурного обеспечения, что привело к повсеместному нарушению сложившихся норм и традиций проживания коренных народов. Среди прочего результатом этого является ложная трактовка тезиса об «обеспечении преимущества прав меньшинства», что объективно вызывает недовольство русского населения. Вместе с тем данные события сформировали повод для «вброса» в общественное сознание ряда провокационных, на наш взгляд, идей типа «беременности страны нацизмом» и т.п.

Таким образом, говоря о толерантности этноконфессиональных отношений, мы далеки от того, чтобы подавать ситуацию в «розовом цвете». Специфика взаимодействия религиозных, конфессиональных и национальных групп населения отражается во всех сферах жизнедеятельности общества.

«Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология», М., 2013 г., № 1, с. 91–99.

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

М. Аствацатурова,

ПОЛИТОЛОГ

ДУХОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МУСУЛЬМАН СТАВРОПОЛЬЯ

В 2010 г. в Ставропольском крае (СК) было образовано самостоятельное Духовное управление мусульман, чему предшествовали многочисленные дискуссии, острые споры, разноречивые экспертные оценки. Организация ДУМ СК была обусловлена следующими объективными факторами:

- наличие исторически сложившихся и компактно расположенных этнических групп, исповедующих ислам (абазины, карачаевцы, ногайцы, туркмены, черкесы);

- образование в результате миграционных процессов советского и постсоветского периода крупных этнических групп, исповедующих ислам, проживающих как компактно, так и дисперсно (азербайджанцы, даргинцы, кабардинцы, турки-месхетинцы, чеченцы);

- формирование общих ставропольских региональных интересов у представителей разных этнических групп, исповедующих ислам;

- расширение социальной базы ислама в Ставропольском крае, увеличение количества верующих и мечетей с соответствующей инфраструктурой.

Образование самостоятельного ДУМ СК актуализировалось в связи с образованием Северо-Кавказского федерального округа, в котором СК является политико-административным форпостом в силу накопленного управленческого опыта в сфере этнополитических и этноконфессиональных отношений. Образование самостоятельного ДУМ СК имело множество аспектов: политический, управленческий, организационный, социокультурный.

В числе перспективных и позитивных моментов этого проекта можно назвать нейтрализацию влияния на мусульман СК радикальных течений, снижение риска проникновения в край радикальных вероучений (ваххабизм); организационную консолидацию мусульман СК (даргинцев, карачаевцев, ногайцев, туркмен, черкесов, чеченцев и др.) на основе гражданского российского мировоззрения. Также предполагалось, что образование ДУМ СК будет способствовать сплочению мусульман СК на основе общих ставропольских культурных ценностей; упрочению внутриисламского диалога и достижению согласия среди приверженцев ислама; расширению возможностей для активного вовлечения конфессиональных лидеров и верующих в общественную жизнь края. Также в числе позитивных перспектив усматривались возможности по снижению межконфессиональных противоречий, а также противоречий внутри мусульманской уммы СК, дифференцированной территориально (восточные районы, регион Кавказских Минеральных Вод, центральные районы); повышению уровня и качества обеспечения конфессиональных интересов верующих; повышению эффективности взаимодействия ДУМ СК с Русской православной церковью, а также с организациями других конфессий.

Одним из мотивов образования ДУМ были новые возможности обеспечения эффективного взаимодействия мусульманских общин с органами государственной власти: Советом по общественной и экономической безопасности СК, Комитетом СК по делам национальностей и казачества, Комитетом СК по делам молодежи, а также с органами местного самоуправления.

В то же время процесс организации ДУМ содержал проблемные составляющие, например:

- противоречия между мусульманскими общинами края по вопросу о целесообразности образования ДУМ;

- противоречия между общинами, прежде всего восточных районов края и региона КМВ (представленными, в основном, даргинцами, карачаевцами, ногайцами, туркменами), в определении стратегии развития ДУМ и по частным вопросам (прежде всего, по вопросам передачи ДУМ СК здания мечети в г. Ставрополь, строительства новых мечетей и медресе, функционирования Координационного центра мусульман Северного Кавказа);

- конкуренция между общинами в связи с избранием муфтия ДУМ;

– недовольство ряда общин уровнем организации процесса, содержанием взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления;

– вмешательство в организационный процесс представителей других муфтиятов Юга России;

– образование нескольких самостоятельных муфтиятов в крае по принципу этнической сегментации по территории края (в частности, в восточных районах и КМВ).

В течение года удалось преодолеть риски принятого решения. Новый духовный лидер Мухаммад-Хаджи Рахимов сумел наладить контакт со всеми компактно проживающими в СК группами мусульман в соответствующих районах – Нефтекумском, Левокумском, Степновском, Благодарненском, Арзгирском, Туркменском, Петровском, Кировском и др. В начале 2011 г. в крае насчитывалось 23 мусульманские общины, в настоящее время 40 общин прошли юридическую процедуру регистрации. Основные по численности группы – ногайцы, туркмены, татары и карачаевцы, расположенные в разных районах края. Ставропольские мусульмане традиционно относятся к ханафитскому направлению, имеют некоторые этнокультурные особенности в отличие от сородичей из соседних республик.

Муфтий СК Мухаммад-Хаджи Рахимов отмечает, что одной из важных проблем является обеспечение качественного исламского образования. Молодые имамы обучаются в Нальчике и Черкесске, где действуют специальные исламские учебные заведения. Также важным направлением является установление связей с такими форпостами исламского мира, как Турция, Сирия, Ливан, Египет, где учатся в исламских институтах студенты из России.

Магистральным направлением деятельности ДУМ выступает также строительство мечетей, духовных училищ, возврат духовных зданий уммам. Также муфтий СК подчеркивает значимость консолидации, единения мусульман СКФО. ДУМ СК поддерживает тесные связи с Исмаилом-Хаджи Бердиевым, который является председателем Координационного центра мусульман Северного Кавказа и муфтием ДУМ Карачаево-Черкесии, имеет большой общественный авторитет.

Новой структурой в исламском мире является Российская ассоциация исламского согласия (РАИС), сопредседателем которого стал Мухаммад-Хаджи Рахимов. В поле интересов этой организации – социальное кураторство над молодежью, помощь правоверным в решении сложных жизненных вопросов, а также

участие в профилактике межэтнических, межконфессиональных противоречий. У РАИС есть офис в Москве, ассоциация оказывает помощь упрочению традиционного ислама и профилирует радикальные направления, так как «ислам переживает трудный период адаптации к современным социальным и политическим процессам».

Муфтий Мухаммад-Хаджи Рахимов активно сотрудничает с органами власти – Комитетом СК по делам национальностей и казачества, с православными епархиями Юга России, которых на территории СКФО три, образованными весной 2011 г. Также ДУМ взаимодействует с учебными заведениями, общественными организациями, учеными, СМИ. Примечательно, что муфтият СК демонстрирует патриотические государственноческие позиции во имя процветания Северного Кавказа и всей России.

*«Этнополитическая ситуация в России
и сопредельных государствах в 2011 г.»,
М., 2012 г., с. 265–266.*

Нурадин Ханалиев,
второй секретарь МИД России
**ИСЛАМ В ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНОЙ МАТРИЦЕ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Использование религиозного фактора в мировой политике имеет достаточно давние традиции и приобретает особую актуальность в переломные периоды общественно-исторического развития. Как показывает исторический опыт, религия несет мощный идейный потенциал социальных, экономических, политических, этнонациональных, социокультурных противоречий и конфликтов. При определенных условиях религия может довольно легко принимать радикальные и экстремистские формы. Можно согласиться с Л.Н. Митрохиным, по мнению которого «те или иные конфликты, имеющие вполне прозаическое земное происхождение, религия способна возводить в ранг космических, от века бытийствующих столкновений, формулировать их в обобщенном, абсолютном виде, затрудняящем какой-либо компромисс». Однако истоки этих противоречий и конфликтов следует искать не в сущности той или иной религии, а во внутренних социально-экономических, этнонациональных, трайбалистских, конфессиональных, социально-психологических, социокультурных, полити-

ческих, геополитических и иных реальностях того или иного региона.

С данной точки зрения большой интерес представляет вопрос о влиянии так называемого политического ислама на социокультурные и политико-культурные реалии национальных республик Северного Кавказа. В предлагаемой вниманию читателя статье предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые аспекты этой сложной и весьма актуальной для региона проблемы.

Исходным для предпринятого исследования служит тезис, согласно которому ислам играл и продолжает играть ключевую роль в жизни многих народов Кавказа, формировании и эволюции их духовного, социокультурного и политико-культурного облика. Как отмечает К.С. Гаджиев, «мировые религии в силу своей универсальности призваны стирать расовые, этнические, языковые, политические и иные различия между людьми и народами. При всем том существует определенная связь между религией и национальным самосознанием. Как показывает исторический опыт, тот или иной народ выбирает конкретное толкование вероисповедной системы для обозначения своих отличий от соседних народов и государств». Более того, во многих странах, в том числе в ряде национальных республик Российской Федерации, ислам стал одним из существенных составляющих национализма и инструментом борьбы за власть. В этом отношении особое значение имеет тот факт, что с вероисповедной точки зрения регион является частью так называемого мусульманского Севера, который, в свою очередь, составляет часть более обширного мусульманского мира. Поэтому не удивительно, что после распада СССР народы постсоветских национальных республик, в большинстве своем исповедующие ислам, стали проявлять растущий интерес к веяниям, исходящим из мусульманского мира.

Здесь необходимо учесть и тот факт, что Кавказ является одним из звеньев так называемой исламской дуги нестабильности, простирающейся от Балкан до Кашмира. На всем ее протяжении наблюдается выдвижение на политическую авансцену разного рода возрожденческих и фундаменталистских движений, для которых характерна ярко выраженная политизация ислама. Это дало основание говорить о «политическом исламе», или «исламизме», оказывающем более или менее существенное влияние на общественно-политическую, социокультурную, политико-культурную сферы жизни вовлеченных в эти процессы стран и народов. Одной

из важнейших установок этого радикального течения современного ислама является органическое слияние государства и религии. Его приверженцы рассматривают шариат в качестве источника власти (ал-хакимийя ал-исламиyyа). Они руководствуются лозунгом: «Бог – наша цель, Пророк – наш руководитель, Коран – наша конституция, джихад – наш путь, смерть во имя Бога – наше высшее стремление».

Здесь ислам используется как средство достижения конкретных политических целей, определяемых конкретными интересами политической борьбы. В данном смысле его следует рассматривать не столько как религию, сколько как своеобразную политическую идеологию. Об этом открыто заявлял аятолла Хомейни, который утверждал: «...ислам является политико-религиозным учением, в котором политику дополняет богослужение, а богослужение дополняет политику». Такой тезис он обосновывал мыслью о том, что «в исламе больше политических предписаний, чем религиозных».

Политический ислам служит собирательным названием для обозначения разного рода религиозно-политических течений, предлагающих собственные пути, формы и средства решения проблем, порожденных модернизацией, преодоления ее недостатков и негативных, по мнению его приверженцев, последствий. С точки зрения влияния на положение дел на Кавказе среди этих течений ключевое место занимает ваххабизм, который используется для обозначения разнородных исламских группировок, которые объединяет неприятие традиционного ислама и официального духовенства. Их правильнее было бы назвать фундаменталистами, поскольку все они выступают за «чистоту» веры путем возвращения к истокам, т.е. к учению, как оно понимается в Коране. Современный ваххабизм отнюдь не монолитен, в нем имеются умеренные и радикальные, фундаменталистские направления.

Главное предназначение политического ислама состоит, прежде всего, в завоевании господствующих позиций в самих мусульманских государствах. Но, как любая радикальная идеология, она склонна обретать силу и приверженцев на путях внешней экспансии. С этой точки зрения, можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых одной из главных целей большинства идеологов фундаментализма является создание такой государственно-политической системы, которая якобы существовала в период правления Пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных» халифов.

Не случайным представляется тот факт, что возрождение ислама в условиях распада СССР совпало с мощным подъемом национального самосознания народов. Стремительное падение доверия к коммунистической системе сопровождалось ростом интереса к исламу как к более естественной системе ценностных ориентиров. Многие в постсоветском мусульманском пространстве, пытаясь найти опору для своего жизнеустройства и развития, связывали свои перспективы с миром, народами и культурами, исповедующими ислам. Зачастую ислам рассматривается в качестве некоей интегральной духовной составляющей этнических культур местных народов. Более того, многие исследователи считали, что в новых условиях ислам может оказаться влиятельной интегрирующей силой, способной воссоединить охваченные им этнические группы и нации.

Разумеется, религия выполняет интегративную и регулятивную функции, играющие существенную роль в достижении и сохранении единства и целостности общества, в блокировке и нейтрализации возникающих перед ним проблем. Именно такую роль играет ислам в большинстве мусульманских стран. Можно утверждать, что в ряде национальных республик именно ислам служил одним из немаловажных факторов, удержавших наиболее горячие головы у той черты, переход через которую был бы чреват для них непредсказуемыми негативными последствиями.

Вместе с тем нельзя отрицать и тот очевидный факт, что при определенных условиях религия может стимулировать противоречия и конфликты между не только приверженцами различных вероисповеданий, но и представителями различных течений в рамках одной и той же религии.

Об этом свидетельствует тот факт, что на постсоветском пространстве исламские идеи использовались в борьбе за собственность и власть между различными этническими группами, региональными кланами, политическими партиями. Более того, некоторые группировки, именовавшие себя приверженцами ваххабизма и иных форм исламского фундаментализма, превратились в фактор, серьезно дестабилизировавший социальную и политическую ситуацию на Кавказе, особенно на Северном.

При непосредственном участии многих из них разворачивалась внутриэлитная и межклановая борьба в Дагестане, Чечне и других национальных республиках региона. Некоторые из них не скрывали целей своих вдохновителей и спонсоров, суть которых заключается в вытеснении России с Северного Кавказа, создании

на территории национальных республик единого исламского государства, его расширению за счет других российских территорий.

Вызов ваххабизма как формы радикального политизированного ислама лежит в немалой степени в социально-экономической и политической плоскостях. Однако, как представляется, не менее значимым в рассматриваемом плане стал тот факт, что после крушения коммунистической идеологии после распада СССР многие народы, не в последнюю очередь народы Северного Кавказа, оказались в ситуации потери духовных и идеологических ориентиров, своего рода идеологического вакуума. Для многих дезориентированных людей этот вакуум практически сразу стал заполняться идеологией ислама. Здесь немаловажную роль сыграли основанные на критике очевидных для всех негативных явлений и процессов на Кавказе идеологические и политические ценности и установки ваххабитов, которые умело использовали в своих целях идеи братства и социальной справедливости, заложенные в исламе. Определенную часть молодежи привлекают простота, доступность идей, здоровый образ жизни, характерный для действительно верующих членов ваххабитских общин.

Немаловажным фактором, способствующим определенному росту симпатий к носителям фундаменталистских идей и принципов, являются часто практикуемые правоохранительными органами произвол и злоупотребление властью, коррупция, потакание организованной преступности и даже сращивание с нею. В этой связи не случайным представляется тот факт, что главными мишенями террористических актов на всем Северном Кавказе являются чиновники и представители правоохранительных органов.

В то же время анализ реального положения в регионе дает основание для вывода о чрезмерном преувеличении рассуждений тех авторов, по мнению которых на Северном Кавказе ислам сохранился не только как вероучение, но и как фактор, организующий сельскую общину, и часто – как структурная составляющая политической жизни. Естественно, конфессиональная принадлежность налагает отпечаток на отношение людей к происходящим вокруг них событиям, тем более в ситуациях, в которых они становятся непосредственными участниками этих событий.

Все же не совсем корректно говорить о преобладании в регионе некоего «исламского» способа или пути решения тех или иных жизненно важных проблем. Тем более нет серьезных оснований говорить об архаизации общества, которая будто возрождает те пласты сознания, поведения, политической культуры, которые

сформировались до начала модернизационных процессов. Представляется лишенным реальных оснований также тезис о переходе значительной части населения Северного Кавказа после многих лет господства советской идеологии из зоны российского культурного и политического влияния в зону ислама.

В целом, как представляется, при оценке реального места и роли ислама на Кавказе как с внутривосточной, так и с геополитической точки зрения необходимо отказаться от ряда бытующих у нас крайних точек зрения на эту проблему. Во-первых, нельзя рассматривать ислам как исключительно негативный фактор в жизни северокавказских народов, якобы способствующий дестабилизации и стимулированию радикалистских, сепаратистских настроений и движений в регионе. Хотя следует признать, что некоторые фундаменталистские течения ислама действительно используются отдельными радикальными и экстремистскими группировками в своих сугубо политических целях. Во-вторых, не совсем корректно рассматривать ислам как исключительно культурно-конфессиональный, духовный феномен, не связанный с политикой и ориентированный исключительно на мир, благосостояние и стабильность в обществе.

Следует учесть также тот отмечаемый многими специалистами факт, что так называемый народный ислам на Кавказе в действительности представляет собой довольно аморфный сплав общемусульманских духовных ценностей с местными языческими верованиями и культами, или же, проще говоря, он замешан на принципах и установках адата. Как отмечает Н.М. Емельянова, «доисламские верования оказывали и продолжают оказывать значительное влияние на образ жизни кабардинцев, под их влиянием кабардинский ислам принял своеобразную, отличную от существующих в других северокавказских регионах форму. В процессе становления ислама у кабардинцев выделяются несколько периодов».

Эти и другие факты свидетельствуют о сложности и неоднозначности статуса, роли и значения ислама для судеб народов Северного Кавказа. Ислам в регионе отнюдь не монолитен. Можно говорить о так называемых локальных формах ислама, которые могут приобретать достаточно выраженную национальную окраску, что органично накладывается на болезненное ощущение территориальной этнопринадлежности. При этом важно учесть, что религия не всегда и не обязательно является основополагающим фактором осознания этнической принадлежности. Более того, зачастую она дает богатый материал для создания и закрепления в

сознании людей образа врага. В этом плане ислам может быть использован и действительно используется как один из важных элементов национализма, как инструмент борьбы за власть. Об этом свидетельствует тот факт, что некоторые национальные движения пытаются использовать ислам как объединительную формулу в определении собственного пути развития.

Следует отметить и то, что нередко случаи, когда конфликты возникают между этносами, исповедующими одну и ту же религию. Это проявляется, в частности, в том, что так называемый официальный ислам с самого начала оказался расколотым по национальному признаку и разобщенным по «национальным квартирам» и потому, по сути дела, втянутым в межэтнические противоречия и конфликты. Причем расколы по национальному признаку имеют место не только между республиками, но и в пределах отдельных республик. Речь идет, например, о Дагестане, где Духовное управление мусульман разделилось на ряд национальных общин.

Как представляется, при всех возможных здесь оговорках подавляющее большинство населения национальных республик Северного Кавказа в целом не приняло политический ислам в качестве системообразующей идеолого-политической конструкции. Сам факт возрождения интереса к вере нельзя рассматривать как уже определившуюся тенденцию к переустройству образа и уклада жизни, основанному на нормах ислама, а сам ислам – как фактор, определяющий форму политической самоорганизации народов. Например, в Дагестане даже в начале 1990-х годов сами же исламские возрожденцы давали критические оценки динамики роста религиозного сознания среди широких слоев населения. Сторонники более активных темпов процесса религиозного возрождения указывали на то обстоятельство, что в этом важном деле проявляется пассивность как со стороны сторонников мусульманского ренессанса, так и со стороны самого населения.

Ограниченный объем статьи не позволяет привести в обоснование этого тезиса конкретные результаты множества социологических и политологических исследований. Здесь, как представляется, достаточно констатировать тот факт, что даже в Дагестане, где в настоящее время сосредоточено большинство общин исламистов, по имеющимся данным, им сочувствуют не более 5–10% жителей республики. Сознвая опасность радикальных версий политического ислама для социальной и политической стабильности национальных республик Северного Кавказа, да и национальной

безопасности Российской Федерации в целом, тем не менее нельзя говорить о чуть ли не повальной исламизации или фундаментализации, тем более архаизации Северного Кавказа. К тому же неправомерно экстраполировать ситуацию с исламским фундаментализмом в Иране или влиянием ислама на политическую жизнь таких мусульманских стран, как Судан, Алжир, Саудовская Аравия и др., на мусульманские республики бывшего СССР.

Анализ реального положения вещей показывает, что во многих случаях возрождение интереса к традиционному исламу, а также ваххабизму и другим формам исламского фундаментализма носит формальный, атрибутивный характер. Можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых религиозный фундаментализм нередко служит суррогатом идеологии и мифологии этнонациональной, культурной, конфессиональной или иной самоидентификации.

«Власть», М., 2013 г., № 4, с. 79–83.

Т. Чабиева,

политолог

О РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ И ЯВЛЕНИИ ВАХХАБИЗМА В ИНГУШЕТИИ

Процессы реисламизации оказывают серьезное воздействие на социально-политическую ситуацию на Северном Кавказе. Особая роль принадлежит радикальным исламистским течениям, которые сразу после исчезновения СССР пытались заявить о себе в качестве общественно-политической силы. В 1990-е годы на российской политической арене появляются так называемые ваххабиты, они начинают борьбу за доминирование среди мусульман и противостоят государственной власти. Далее следует законодательное запрещение их деятельности, и ваххабизм переходит на нелегальное положение. Вслед за тем усиливается политическое влияние традиционного для России ислама.

По мнению экспертов, «ваххабиты заняли в общественной и духовной жизни мусульман Северного Кавказа ту нишу, которая оказалась не охваченной традиционным исламом». Бытует также мнение, что в Северо-Кавказском регионе, в частности Республике Ингушетия (РИ), ваххабизм получил широкое распространение из-за отсутствия должного сопротивления со стороны властей и духовенства. Однако причины данного явления гораздо глубже.

Распространению исламского радикализма способствовали разные факторы, в частности высокий уровень безработицы (при высоких темпах рождаемости и большой плотности населения). В первой половине 2000-х годов в республике ежегодно армия безработных пополнялась на 3,5 тыс. человек. Другие факторы – усиление социальной дифференциации населения, продолжающаяся межнациональная напряженность. В условиях острых общественных проблем актуализация роли религии возросла. Мотив социальной несправедливости оказался отправной идеологической точкой, что и объясняет популярность и востребованность политических воззрений ваххабизма.

Экстремистские ряды большей частью пополняют выходцы из маргинальных слоев общества. Но в последние годы есть в их рядах и выпускники вузов, и студенты ведущих образовательных учреждений. Известно немало случаев, когда молодые люди под предлогом того, что отправляются на очередную учебную сессию, на самом деле не выезжают за пределы Ингушетии, а направляются в подполье. В социальном отношении поддержка исламского радикализма становится более разнообразной.

Распространение идей ваххабизма в Ингушетии пришлось на 1993–1994 гг. – этот период часто упоминается как «религиозный ренессанс». В 1997 г. в горах Ингушетии ваххабитами был организован молодежный лагерь, где бесплатно обучали арабскому языку и фундаменталистскому исламу. Одновременно проводилась военная подготовка, организаторами которой являлись специалисты из арабских стран. Как только об этом стало известно властям, лагерь закрыли. Тем не менее институт «параллельного ислама», через который часть российских мусульман-традиционалистов начала тесно взаимодействовать с представителями арабского мира, приобрел силу и влияние в регионе. Каналов проникновения ваххабизма в Ингушетию было несколько. Это и мусульманское образование, получаемое ингушской молодежью в Саудовской Аравии, Египте и Кувейте. Это и «цепная реакция» ваххабизма, распространявшегося в Дагестане и Чечне. В Ингушском исламском институте на начальном этапе лекторами были арабы-иностранцы, и их учение носило фундаменталистский характер.

В соседних Чечне и Дагестане ваххабизм выступил в своей радикальной форме уже на начальном этапе. Но в Ингушетии он сосуществовал с «традиционным» исламом. Активность «ингушских» ваххабитов проявилась лишь в конце 1990-х годов. Осознавая нависшую над обществом опасность, 30 июля 1998 г. на кон-

ференции духовенства и общественности республики было заявлено, что «ваххабизм противоречит учению традиционного ислама суфийского толка, исповедуемого ингушами; идеи ваххабизма чужды современному ингушскому обществу, его многовековым традициям и обычаям». Уже 2 августа того же года в РИ совместным решением республиканского руководства, имамов мечетей и религиозных авторитетов ваххабизм оказался под официальным запретом.

С того времени в прессе стали появляться многочисленные публикации, обличающие идеологию ваххабизма. Действия религиозных организаций оказались под контролем республиканских властей. Правоохранительным органам было поручено выдворить из республики лиц, не имевших российского гражданства и занимавшихся «незаконной проповеднической деятельностью в духе ваххабизма», отозвать лицензии на образовательную деятельность у тех учреждений, которые финансировались из-за рубежа. Принятые меры получили поддержку населения.

Власти Дагестана совместно с мусульманскими духовными лидерами также начали полномасштабную кампанию по искоренению в своей республике радикального ислама и за короткое время восстановили контроль над ситуацией в религиозной сфере. 16 сентября 1999 г. на сессии дагестанского парламента было объявлено о запрещении ваххабизма на территории Республики Дагестан, а «все ваххабиты фактически приравнены к экстремистам и террористам и поставлены вне закона». Лица, подозреваемые в ваххабизме, были поставлены на учет в правоохранительных органах, а подозрительные общины (джамааты) закрыты. Подобная «зачистка» проводилась и в других республиках Северного Кавказа.

В Северной Осетии в настоящее время действуют 24 мусульманские общины, в большинстве состоящие из осетин-дигорцев. Кроме того, по данным на 2010 г., в Осетии проживают 28,3 тыс. ингушей и 16,1 тыс. кумыков. В последние годы наметилось переселение чеченцев в Моздокский район; сейчас там проживают 2,2 тыс. чеченцев. По мнению руководства республики, в Северной Осетии нет основы для движения ваххабитов, но есть попытки повлиять в этом направлении со стороны Чечни и Ингушетии.

В 2002 г. Государственной думой РФ был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Но несмотря на все попытки властей ограничить деятельность вахха-

битов, говорить о полном прекращении ими своей пропагандистской деятельности нельзя. Нападки на традиционные формы ислама (в частности, отрицание культа святых), борьба со светским государственным устройством дополнились агитацией за «чистый ислам». Рост влияния радикального ислама в Ингушетии связан и с тем, что в свои ряды ваххабиты допускают любого, вне зависимости от его национальности, возраста и положения в обществе. По замечанию А. Ярлыкапова, для ваххабитов характерно четкое разделение на «своих» и «чужих». Причем для «своих» заранее обозначен жизненный путь. Как выразился молодой человек из числа радикально настроенной молодежи, «...тот, кто вступил в эту (ваххабитскую) секту, никогда уже (живым) не выйдет из нее». Сами члены джамаата не называют себя ваххабитами, а предпочитают относить себя к числу «истинно верующих» или называть себя «сторонниками салафии» (возврата к истокам).

На начальном этапе ваххабиты проповедовали в мечетях, где одновременно находились тарикатисты – последователи суфизма. Но когда стали выявляться взаимные расхождения, радикально настроенная молодежь была изгнана. Ваххабитов среди пришедших на молитву верующих определяли по внешним признакам, поскольку те отличались косматыми бородами и подогнутыми концами у штанин. Впоследствии изгнанные начали основывать свои небольшие мечети, которые в народе именовались «ваххабитскими». Так, в станице Орджоникидзевской была такая мечеть, располагавшаяся во дворе районной больницы, но после столкновений с местными мусульманами салафитам пришлось ее покинуть. Несмотря на утверждение главы Ингушетии Юнус-Бека Евкурова о том, что «нет такого явления в Ингушетии, как ваххабитские мечети», до сих пор не ясно, насколько «мяжди-гаш» (мечети) гарантированы от пропаганды нетрадиционного ислама. Работа властей по контролю над мечетями продолжается. Во время проповедей в мечетях присутствуют и представители федеральной службы безопасности, и представители муфтията.

Источниками радикальных идей в республиках Северного Кавказа, помимо лекций и проповедей, являются книги и многочисленные брошюры, выпускаемые ваххабитами. Поскольку ваххабитское движение вненационально, оно стремится распространить свои взгляды на максимально большую аудиторию, и, соответственно, литература, содержащая пропаганду радикальных взглядов, тиражируется на языке, понятном всем, – на русском. На Северном Кавказе подобное происходило с начала 1990-х годов до

осени 1999 г. Но в Ингушетии религиозная литература экстремистского толка огромными тиражами стала распространяться в начале 2000-х годов.

Основой конфронтации между кавказской молодежью и старшим поколением является позиция по отношению к формам бытования ислама. «Традиционный» ислам со всем своим своеобразием и местная форма суфизма (тарикатизм, вирдовые братства) Ингушетии, Чечни и Дагестана воспринимаются частью радикально настроенной молодежи как религия с примесью бидъа, т.е. «нововведений», которые, по мнению радикалов, неприемлемы в исламе. Ваххабиты выступают за «чистый ислам» и против «традиционного ислама».

Под «традиционным» следует понимать ту форму ислама, которая интегрирует в себе элементы традиционной народной культуры и верований. Фундаментализм в исламе проявляется в его радикально-консервативном политическом содержании. Идеи фундаментализма в северокавказских регионах действовали соответственно сложившейся в них ситуации и под различными идейными лозунгами. В Чечне, к примеру, этой идеей была независимость республики, в Дагестане — идея создания исламского государства. В Ингушетии данное движение не имело четкой политической идеи.

30 октября 1999 г. на страницах газеты «Ингушетия» вышла статья о ваххабизме «В мире ислама», в которой заместитель муфтия РИ Исса Хамхоев отвечал на вопросы корреспондента о ваххабизме и ваххабитах. «Два века тому назад возникла группа людей-мусульман, которая отклонилась от единственного правильного исламского пути, утверждающая, что они возобновляют веру, очищая ее от “языческих” традиций. На самом же деле эти люди отвергли тот путь, по которому шли мусульмане сотни лет до них». Далее И. Хамхоев указывал на признаки ваххабизма: отрицание празднования Моулида Пророка, считая, что в нем имеются прямые обращения к Пророку, минуя Всевышнего, якобы это некая форма посредничества между рабом и Всевышним, и то обстоятельство, что это является новшеством, вводит людей в заблуждение; отрицание чтения Корана над умершим мусульманином, посещения (зиярат) могил пророков и святых людей, благословения святынями ислама, реликвий Пророка Мухаммада. Ваххабиты не признают ни один тарикат, считая их «новшествами», а сами тарикатские шейхи воспринимаются ими чуть ли не шайтанами.

В 1998 г. образован Координационный совет мусульман (КСМ) Северного Кавказа. С этого периода муфтии республик Юга России решили объединить усилия в противодействии распространению религиозных течений радикального толка. В Назрани 4 декабря 2000 г. было проведено совещание КСМ Северного Кавказа с участием муфтиев Кабардино-Балкарии, Чечни, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, Адыгеи, Северной Осетии, Дагестана и Ингушетии, на котором председателем КСМ Северного Кавказа был избран муфтий РИ Магомед-Хаджи Албогачиев. В тот период обсуждалась ситуация в Чечне и зоне осетино-ингушского конфликта. На совещании говорилось, что важно не допускать в регионах противозаконных проявлений, усилить воспитательную работу среди молодежи. Было принято обращение муфтиев восьми регионов к народам Северного Кавказа.

М.-Х. Албогачиев неоднократно в своих выступлениях отмечал роль КСМ в общественно-политической жизни республик Северного Кавказа, в предупреждении радикально настроенной волны ваххабизма. Создание и деятельность КСМ имело целью избежать раскола в мусульманской умме из-за проникновения идей ваххабизма.

Однако предпринятые меры лишь приостановили деятельность ваххабитов, отправив их в подполье. В их среде начали зарождаться новые методы воздействия на население, стала меняться тактика. Если ранее местом их дислокации были мечети, то затем для собраний стали использовать частные дома. Наступательная агитация уступила место оборонительной – призывам прийти на помощь мусульманам, подвергшимся репрессиям. По мнению А. Малашенко, «отлучение “ваххабитов” от ислама не способствовало укреплению влияния официального духовенства, не прибавило авторитета и властям, а главное, не отменило “ваххабизм”. К тому же прибавились попытки запретить его на федеральном уровне. Московские эксперты не без труда, но сумели доказать центральной власти бессмысленность запрета идеологии».

Подобную мысль выразил глава Ингушетии Ю.-Б. Евкуров в одном из своих выступлений, признав, что молодежь продолжает уходить в леса, брать оружие в руки. По его мнению, это следствие того, что «власти проиграли идеологическую войну в 90-х годах». Глава республики призвал бороться за молодежь всеми возможными способами, в том числе ограничить выезд за рубеж для обучения в религиозных вузах. По его словам, молодежь не должна выезжать за границу, когда в республике достаточно своих има-

мов. А если молодой человек все-таки отправляется туда, то он должен пройти аттестацию через муфтию, чтобы он находился под контролем власти и духовенства.

Сегодня число ваххабитов на Северном Кавказе не поддается точному подсчету, и не только потому, что их численность изменчива, но и потому, что структура ваххабитской секты предусматривает и активных членов, и «джамааты». Так, в Дагестане, по разным оценкам, от 20 до 100 тыс. активных членов, 12 и более джамаатов. Хотя о джамаате «Ингушетия» говорят, что в него якобы входят все взрослые мужчины республики, однако, по оценкам экспертов, в Ингушетии ваххабитов несколько сотен, а в Чечне – порядка 1 тыс.

Для изучения общественного мнения относительно радикальных форм ислама нами в 2011 г. было проведено анкетирование 300 респондентов, как мужчин, так и женщин, в районах Ингушетии (Назрановский, Сунженский, Малгобекский районы). В частности, респондентам было предложено ответить на вопрос: каково их отношение к нетрадиционному исламу.

Таблица

**Распределение ответов респондентов в Ингушетии
на вопрос об их отношении к нетрадиционному исламу,
2011 г.**

Варианты ответов	Все опрошенные	Молодое поколение (18–39 лет)	Средний возраст (40–49 лет)	Старший возраст (50–60 лет)
«Не имею представления, что такое нетрадиционный ислам»	29,0	24,2	56,0	21,7
«Нетрадиционный ислам имеет право на существование»	26,7	42,1	0,0	0,0
«Нетрадиционный ислам не имеет права на существование»	20,3	12,6	44,0	25,0
Затруднились ответить	24,0	21,1	0,0	53,3
Итого, в %	100,0	100,0	100,0	100,0

«Не имею представления, что он (нетрадиционный ислам) из себя представляет» – 46 человек в возрасте 18–39 лет; 28 человек в возрасте 40–49 лет; 13 человек в возрасте 50–60 лет. Однако другая часть респондентов (80 человек) проявила глубокое знание в

вопросах религии. На поставленный вопрос ответы последовали следующие: «Я считаю, что нетрадиционный ислам имеет право на существование. Сегодня мы видим, что в религии появились спорные вопросы, на которые ответить можно, только основываясь на Коране и Сунне»; «Не вижу ничего плохого в нетрадиционном исламе, люди уже стали искать истину в своих традициях и обычаях. Пора поставить все на свои места»; «Ингушские обычаи и традиции не соответствуют нормам ислама, наоборот, противоречат, там, где есть место истинному исламу, – нет места языческим обрядам»; «Почему ваххабизм называют религией зла? Я не вижу плохого в его идеях, молодежь, ушедшая в лес, идет за идею! А не просто ради наживы! Я знаю ребят – отличных, которые устали от несправедливости, которая творится в республике, они не видят выхода, кроме этого! То, что они уничтожают разврат и беспредел в республике, взрывают ларьки с алкоголем и пытаются искоренить неисламские обычаи, не дает право общественности судить их» и т.д. Кроме того, 40 человек вообще затруднились дать определенный ответ.

Из представителей старшего поколения в возрасте 50–60 лет «Не знаю» сказали 32 человека, оставшаяся часть, в возрасте 40–50 лет, склонялась к среднему между «Думаю, что нетрадиционный ислам не принесет ничего хорошего»; «Я за традиции в религии»; «Мне непонятен вопрос»; «Не вижу смысла в делении ислама на традиционный и нетрадиционный»; «Если под нетрадиционным имеется в виду ваххабизм, то я однозначно против него»; «Как будто в Ингушетии мало проблем, не хватало еще делить религию ...наши предки жили по исламу, и то, что они до нас донесли, является примером для подражания, а нетрадиционный ислам придумала наша молодежь, которой больше нечем заняться, лучше бы училась и занималась самообразованием. В религии знатоками не становятся в 16–18 лет».

Одним из требований ваххабитов в своем призыве к чистоте религии является следование внешней атрибутике мусульманина – ношение бороды мужчинами и закрытого платья женщинами. Пропагандировавшееся одновременно с началом распространения идей ваххабизма в Ингушетии в среде молодежи ношение традиционного мусульманского хиджаба вызвало негативное отношение женщин. Однако усиление влияния ислама вынуждало одеваться в соответствии с мусульманскими нормами. В Ингушском университете стали распространяться листовки с изображением женщины в мусульманском одеянии согласно хадисам Пророка. На период с

2004 по 2007 г., по нашим наблюдениям, приходится пик пропаганды «идеальной мусульманской женщины», приоритеты которой были направлены на беспрекословное подчинение Аллаху. Подчинение подразумевало хиджаб и сохранение семейных ценностей. Этот процесс не потерял своей актуальности и сегодня, однако в тот период он имел выраженный агитационный характер, следствием чего явилось возросшее в республике количество женщин, носящих хиджаб. Университет явился отправной точкой, так как молодежь была сосредоточена именно здесь.

Отношение девушек к хиджабу, согласно нашему анкетированию, противоречиво. На вопрос: как они относятся к ношению хиджаба, обязательно это или желательно, из 147 респонденток в возрасте 18–28 лет 47 сказали, что относятся к ношению хиджаба положительно; считают это желательным, но не обязательным 39 человек; 16 человек ответили, что ношение должно быть обязательным; 40 человек в возрасте 30–40 лет отнеслись к вопросу ношения хиджаба отрицательно; пять человек воздержались от ответа.

Общественное отношение к мусульманскому одеянию противоречиво по разным причинам. Когда ингушка одевает хиджаб, на нее могут смотреть, как на потенциальную ваххабитку или сочувствующую радикалам. Среди родственников начинаются разговоры о том, что она может вызвать подозрение у спецслужб, поставив под угрозу всю семью и даже тейп. Однако девушку нередко поддерживают братья, отстаивая ее позицию, и это вызывает конфликт поколений. Зато в студенческой среде, если одна из девушек надевает хиджаб, молодые люди начинают ее ставить в пример другим. Затем ее подруги также приобщаются к мусульманской культуре, и это приобретает массовый характер.

Ношение хиджаба в Ингушетии пришлось на начало открытия Исламского института, где девушки должны были ходить в соответствии с мусульманскими требованиями. Что касается тех, кто надел хиджаб, то они «делают это в соответствии с требованиями ислама. Это параз (обязанность) мусульманки, ведь мы из их числа, и это должно быть не на словах, а на деле. Неужели приятнее смотреть на женщину, которая идет с открытым оувратом (все, что не разрешено показывать в исламе), ведь за ней следуют и ее грехи... она тем самым подает пример безбожности и лицемерия».

Результаты анкетирования показывают рост конфликтности между старшим поколением и молодежью. Это подтверждает мысль о том, что попытки проповедников «чистого ислама» насаждать среди российских мусульман, поколения которых веками

воспитывались на местных традициях, иные идеологические формы ислама, сложившиеся в других исторических условиях и в других культурных регионах, носят конфронтационный характер.

Однако не вся «проваххабитская» молодежь настроена радикально. Было бы правильно классифицировать адептов по принципу умеренных ваххабитов и радикально настроенных. Как справедливо отмечает А. Малашенко, «фундаментализм неоднороден, и среди него выделяются радикалы, центристы и сторонники умеренного подхода». К умеренным в этом смысле относятся те, кто не принимает тарикат и, соответственно, не считает себя приверженцем какого-либо вирдового братства, ставит превыше всего шариат и продолжает в такой системе воззрений жить в обществе. Есть также и те, кто поддерживает радикальных ваххабитов, но не участвует в их деятельности.

Запрет на распространение алкогольных напитков и наркотических средств, установленный муфтиятом, игнорируется в обществе. Однако на это откликнулись ваххабиты, которые, прежде чем взорвать магазины с непозволительной продукцией, предупреждают хозяев, чтобы они прекратили выставлять на продажу алкоголь и табачные изделия. Такие действия получают одобрение со стороны умеренных.

Радикально настроенные – те, кто не только не признает тарикатов и шейхов, но и не принимает светскую государственную власть и пытается ей противопоставить шариат, стремится повлиять на процесс общественного развития, исходя из собственных религиозно-правовых норм и вероучительных догм, и ведет активную пропаганду.

Однако как радикально настроенные, так и умеренные не стремятся слиться с окружением и принять давно утвердившиеся обычаи, образ жизни и суфийскую культуру. Наоборот, они рассматривают себя как устойчивое сообщество, четко осознают свои отличия и интересы.

Негативное отношение к ваххабизму обострилось в Ингушетии в период массовых покушений на духовных лиц. Убийство 85-летнего жителя Ингушетии Абдурахмана Картоева (Темирханова) в 2009 г. стало очередным звеном в цепи убийств исламских деятелей республики. Картоев был широко известным мусульманским авторитетом. В селе Алхасты Сунженского района в 2005 г. был убит видный мусульманский деятель Макшарип Белхороев. В народе он пользовался уважением, был мусульманским целителем. Одаренный знанием с детских лет, он приходил на помощь

людям в безвыходных ситуациях, лечил, снимал слезы, давал советы. В 2008 г. в Назрани был обстрелян заместитель муфтия Камбулат Зязиков. Годом раньше, в 2007 г., в городе Карабулак был застрелен имам мечети села Барсуки Назрановского района Ваха Веджижев. В 2008 г. было совершено покушение на имама мечети станицы Слепцовой, 74-летнего Яхью Махлоева. Он был ранен, когда возвращался с пятничной молитвы. Наши попытки получить интервью у Я. Махлоева не увенчались успехом – после покушения он прекратил всякие внешние контакты, не общался даже с родственниками, хотя такие отношения особо чтятся в ингушском обществе.

Очередное громкое убийство представителя ислама в Ингушетии произошло весной 2009 г. В Назрани в салоне автомобиля был застрелен известный проповедник, 37-летний Мусса Эсмурзиев. Как и М. Белхороев, он был известным мусульманским целителем. Целительство, по мнению экспертов, органически присутствует в суфизме, многие суфийские учителя веры почитаются в «народном исламе» как целители. Но они вызывают остро негативную реакцию со стороны экстремистов. В 2011 г. в станице Нестеровской Сунженского района было совершено нападение на исламского религиозного деятеля местной мечети 62-летнего Мовлади Бузуртанова.

Назывались различные причины покушений на религиозных деятелей. Так, после нападения на Я. Махлоева в МВД Ингушетии заявили, что это дело рук ваххабитского подполья, против которого Махлоев неоднократно выступал в своих проповедях. Координационный центр мусульман Северного Кавказа связывал с ваххабитами и покушение на К. Зязикова. «Ваххабитская» версия присутствует и в первых откликах жителей Ингушетии на убийство Картоева.

Покушения на духовных лиц в Ингушетии, очевидно, являются продолжением требований ваххабитов признать имамами и муллами только лишь фундаменталистов. Подобного рода покушения представляются неким вызовом обществу, за которым следуют антиваххабитские настроения среди ингушей (подобные настроения столь же сильны в чеченском обществе, однако значимость ваххабизма поддерживалась там только в период и в условиях войны. В дальнейшем в Чечне ваххабизм потерял свою силу, переместившись на территорию Ингушетии).

С 2004 г. участились теракты иного направления – против силовых структур и против гражданского населения. Ни имам, ни

муфтий, ни сотрудники правоохранительных органов, ни тем более случайный прохожий не застрахованы от покушения. Милиционеры в Дагестане, Чечне, Ингушетии и восточных районах Ставропольского края – одна из главных мишеней террористов.

Ослабленный в период реформирования духовных управлений мусульман во время распада Советского Союза, традиционный ислам не рассчитал свои силы в борьбе с радикально настроенной частью мусульман. Но сегодня духовные управления мусульман позиционируют себя как основные противники идей ваххабизма.

В Ингушетии острые противоречия в понимании ряда положений ислама и его обрядовой практики, дискуссии между фундаменталистами и традиционалистами стали не просто специфической формой борьбы, но и фактором религиозно-доктринального противостояния. Традиционный ислам в процессе борьбы также политизируется и радикализируется.

Наиболее конфронтационный характер приобрели отношения между тарикатистами и ваххабитами в Чечне и Дагестане. В Ингушетии представители государственных силовых структур постоянно заявляют о захваченных полевых командирах, ликвидированных ячейках боевиков, террористов, ваххабитов. Но на практике влияние исламских радикалов не уменьшается, а противостояние их существующим порядкам становится более ожесточенным. Наблюдение за деятельностью мусульманских общин постоянно ведут службы МВД и ФСБ, отслеживающие присутствие среди них радикально настроенных групп и лиц. В случае если кто-то попадает под надзор как «радикально настроенный», то его ближайшее окружение оказывается также под контролем спецслужб; нередко попавший под подозрение покидает дом или уезжает за пределы республики.

У ваххабизма в Ингушетии есть сильные и слабые стороны. К сильным следует отнести мощный идеологический потенциал, которым ваххабиты привлекают целые группы. Это идеи братства, единого шариатского государства, равенства и справедливости. При этом четкая программа отсутствует. Общественные разногласия между последователями и противниками ваххабизма подчас связаны с отсутствием специалистов, способных разобраться в исламском праве – фикхе. Ваххабизм не идет на диалог ни с одной традиционной религиозной общиной, и это частично подрывает его социальную базу.

Одной из особенностей борьбы с ваххабизмом в Ингушетии является сотрудничество государственной власти и муфтията. При этом государство несет главную ответственность за противодействие радикализму и инициирует необходимые меры. Традиционный ислам длительное время развивался и направлялся самой властью. Р. Аушев, будучи президентом республики, в условиях ее становления решительно запретил ваххабизм. Он признавал на территории Ингушетии только традиционный ислам. Влияние государства на религиозную жизнь ингушского общества подтверждается и введением шариатских судов, и преподаванием «правильного» ислама в школах. Можно сказать, ислам в Ингушетии стал своего рода частью системы органов государственной власти. Нередко муллы и имамы читают работникам МВД лекции о том, как отличить «традиционный» ислам от «нетрадиционного».

Гибель ичкерийского лидера Абдулхалима Сайдулаева, а впоследствии и Шамиля Басаева, фактическая ликвидация кабардино-балкарского подполья в 2005 г. позволили на время поверить, что вооруженное сопротивление ваххабитов подавлено. Однако после объявления Доку Умаровым о создании «Имарата Кавказ» в Ингушетии активизировались местные радикальные группировки. Ингушетия стала ареной войны между боевиками и государственными силовыми структурами, ей предсказывали чуть ли не «вторую Чечню». В 2007 г. столкновений стало намного больше, улицы патрулировали военные машины, воинские подразделения были размещены практически во всех районах республики. Все это свидетельствовало о действительно тяжелой ситуации. Именно в указанный период так называемые «ваххабитские чистки» в республике стали приобретать массовый характер. Спецоперации, обстрелы колонн, нападения на сотрудников милиции происходили практически ежедневно. Все это не могло не вызывать возмущения населения.

В сознании ингушского населения происходившие диверсии боевиков не воспринимались как «действия ингушского сектора Кавказского фронта». В обществе распространялось мнение о незаконном произволе, и отчасти общественные суждения были направлены в адрес республиканских властей. Сказывалась боязнь военных действий, подобных тому, как было в Чечне.

С лета 2008 г. был отменен режим контртеррористической операции в Чечне, но диверсионно-террористическая активность распространилась на соседние республики – Ингушетию, Дагестан и Кабардино-Балкарию. Подтверждением тому стало покушение

на президента Ингушетии Ю.-Б. Евкурова летом того же года, а также убийство главы МВД Дагестана А. Магомедтагирова. Ингушетия стала лидировать в числе наиболее опасных регионов.

9 июня 2010 г. в ходе спецоперации правоохранительных органов был захвачен Али Тазиев, известный как «Магас», подозреваемый в нападении на Ингушетию в июне 2004 г. и террористической атаке на среднюю школу в Беслане в сентябре того же года. В марте 2010 г. в селении Экажево в результате спецоперации был убит Саид Бурятский (Александр Тихомиров) – организатор ряда крупных терактов. А 8 сентября 2011 г., по словам сотрудников правоохранительных органов, ликвидированы остатки банды Бурятского.

В 2010 г. властям Ингушетии и лично Ю.-Б. Евкурову при поддержке федерального центра удалось переломить ситуацию в Ингушетии к лучшему. Да и само назначение «военного» в лице Евкурова на пост республиканского главы было частью такой политики. Таким образом, в Ингушетии, как в Дагестане и Чечне, ваххабизму был дан сильнейший отпор.

Хотя основу воззрений ваххабизма составляет идея объединения «разрозненных племен» и создания единого государства, в Ингушетии и в других северокавказских республиках ваххабизм явился средством не сплочения, а раскола мусульман. Сегодня ваххабизм все так же привлекает в свои ряды молодежь республики и дестабилизирует обстановку в Ингушетии; не прекращаются террористические акции и жертвы.

Хотя установившийся контроль властей и местного духовенства сдерживает распространение ваххабизма, остановить процесс радикализации части населения, прежде всего молодежи, в современных условиях нельзя без изменения самих этих условий.

Вследствие того что ряды идеологов чистого ислама пополняет молодежь, зачастую не имеющая иной возможности самореализации, властям и обществу нужно действовать именно на социальном направлении. Нужно создать новые и достойные рабочие места, ликвидировать массовую безработицу, в целом улучшить жизнь населения. И, конечно, необходимо принимать во внимание, что уровень влияния ислама уже оказал большое влияние на жизнь населения в северокавказских республиках. Нужно понимать, что религиозные гонения усиливали позиции ушедших в подполье ваххабитов как в начале 2000-х годов, так и в настоящее время. Как отмечают эксперты, сегодняшняя ситуация в Ингушетии – это

принципиально новый вызов для России. Он требует иных подходов, решений, совсем не таких, какие использовались в Чечне.

Чтобы вывести Ингушетию из сложившейся тяжелой ситуации, наряду с социально-экономическими преобразованиями, требуется совместная и планомерная работа по организации постоянного диалога молодежи и старшего поколения. Совместная – со стороны властей республики, духовенства и структур гражданского общества. Необходимо не только дать молодому поколению социальную перспективу, но приобщать молодежь к знанию своей истории и культуры, к вековым достижениям народа.

*«Этнополитическая ситуация в России
и сопредельных государствах в 2011 г.»,
М., 2012 г., с. 272–281.*

Вадим Владимиров,

старший научный сотрудник (ИМЭМО РАН)

**ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ**

В последние годы резко возросло геополитическое значение Центральной Азии. Специфика региона состоит в том, что несмотря на его кажущуюся периферийность, в нем пересекаются интересы крупных держав мира, а также других акторов. Само географическое положение Центральной Азии во многом определяет ее политический вектор. На востоке региона находятся Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона; на юге – Афганистан и страны Ближнего и Среднего Востока и другие исламские государства; на Севере – Кавказ, Турция, Европа и Россия. В Центральной Азии переплетаются интересы США, ЕС, а также других стран. Эти страны, как правило, стремятся отвлечь элиты центральноазиатских республик от ориентации на Россию, на интеграцию с ней, используя экономические и политические рычаги влияния для проникновения западного капитала на пространство Центральной Азии. Эти угрозы усугубляются нестабильным положением внутри региона. Между некоторыми странами продолжают тлеть религиозно-этнические конфликты, а относительная слабость государств Центральной Азии превращает их в заложников террористических сил с сопредельных территорий и транзит-

ную зону наркотрафика в Россию и Европу. Ситуация усугубляется событиями в Афганистане и исламским фактором.

В этих условиях дополнительную актуальность получает реализация российской Стратегии национальной безопасности до 2020 г. Согласно этой Стратегии, если на долгосрочную перспективу внимание будет сосредоточено на обладании источниками энергии в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии, то основной ставкой в среднесрочном плане будет оставаться военное присутствие России в регионе, как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Военно-политическое сотрудничество со странами Центральной Азии является сложным и противоречивым процессом. В нем в гипертрофированном виде сконцентрированы негативные моменты, так или иначе касающиеся отношений России в этой области практически со всеми другими странами СНГ.

В данном регионе России приходится иметь дело с авторитарными режимами, зачастую осуществляющими весьма противоречивую и трудно прогнозируемую внешнюю политику. Они заинтересованы в военно-политической помощи России в борьбе с так называемой «оранжевой» революцией внутри своих стран, в качестве гарантии от угрозы экстремизма, от исламского фундаментализма и наркотрафика, а также в получении дешевого оружия и в области подготовки кадров. В то же время в целом ряде случаев эти страны опасаются более тесного сближения с Россией, подозревают ее в имперских амбициях. Более того, они зачастую весьма специфически трактуют проблемы безопасности и склонны иной раз жертвовать связями в рамках СНГ ради переключения на контакты с внешними державами в военно-технической области. Очень возможно, что в данной зоне России придется искать новые и по возможности более адекватные формы взаимоотношений с партнерами.

Самое крупное государство Центральной Азии – **Узбекистан**. В последние годы его политика начинает приобретать все менее предсказуемый характер. С одной стороны, он активизировал свои действия, чтобы стать ведущей державой в регионе, что создало напряженность в его отношениях с соседями, прежде всего в области водных проблем. С другой стороны, Ташкент старается придать своей политике многовекторный характер, извлечь выгоды из сделок с США, ЕС, Китаем и другими странами. Еще до своего выхода из ОДКБ он осуществлял прямой саботаж уже принятых решений по линии этой организации. В частности, Узбекистан блокировал целый ряд инициатив ОДКБ на афганском

направлении, предлагая «альтернативную» модель урегулирования по формуле 6+3. Согласно предложению Ташкента, в переговорах по афганской проблеме должны участвовать все соседние с Афганистаном страны, в том числе Пакистан, Туркменистан, а также США и ЕС. В то же время из числа участников узбекская дипломатия хотела исключить страны Содружества, не имеющие с Афганистаном общей границы. Естественно, что эти предложения, очевидно, направленные на то, чтобы ограничить влияние своих конкурентов в регионе, не встретили поддержки у других стран – членов ОДКБ в Центральной Азии. Узбекистан отказывался участвовать в любых наднациональных структурах, созданных в рамках ОДКБ. Он не подписал ряд ключевых документов о силах и средствах коллективной безопасности – решение по созданию КСОР, положение о порядке реагирования на кризисные ситуации и др. Ташкент также не участвует в деятельности миротворческих сил. Наряду с этим он продолжает искать способы сближения с США. Одним из таких способов явились предложения Ташкента предоставить Вашингтону военную базу в Ханабаде, которым США, хотя они и испытывают трудности в Афганистане, пока не спешат воспользоваться. В 2006 г. между Россией и Узбекистаном был заключен договор о союзнических отношениях. Однако положение ст. 8 этого договора об открытии в Узбекистане российской военной базы так и осталось на бумаге. В последние годы проводимая Узбекистаном двусмысленная политика начала приносить прямой ущерб деятельности ОДКБ, подрывая единство этой организации и не давая выполнять в полном объеме поставленные задачи. Но, как считают многие эксперты, некоторые акции Ташкента оказались не без пользы. В организации появилось большее осознание необходимости действительной, а не декларативной общности интересов. ОДКБ реально начинает складываться в интегрированную группу с достаточно прочными связями между ее участниками. По поводу приостановления своего членства в ОДКБ авторитетный источник в МИДе республики заявил, что Ташкент, в частности, не согласен «со стратегическим планом ОДКБ на афганском направлении» (хотя не совсем ясно, что имелось в виду), а также с планами изменения сотрудничества в рамках блока. МИД России по справедливости назвал эти аргументы «неубедительными». Что касается прессы, то она связала подобную акцию Узбекистана с планами усиления сотрудничества с США и размещения на своей территории американской военной базы. Как считают некоторые

специалисты, здесь должны сказать свое слово, прежде всего, экономические связи с Россией.

Киргизстан является страной – членом СНГ с наиболее слабой экономикой. Республика практически не располагает собственными энергоносителями, за исключением гидроэнергоресурсов. Запасы нефти несущественны, а запасы природного газа недостаточны для удовлетворения внутренних потребностей. В целом Киргизстан едва ли способен существовать и развиваться вне системы устойчивых связей с Россией, Казахстаном, Узбекистаном и Китаем в сфере политики, экономики и безопасности. Однако из перечисленных государств только Россия исторически является реальным экономическим и военно-политическим партнером РК. В республике дислоцируются российская военная авиабаза «Кант», испытательная база противолодочных вооружений ВМФ и сейсмическая станция. Со стороны России налажена военно-техническая помощь и осуществляется подготовка военных кадров. В последние годы Киргизия старалась уравновесить свои отношения с Россией, осуществляя сотрудничество с внешними державами, прежде всего с Китаем и США. После прихода к власти после «тюльпановой» революции нового правительства некоторые признаки как будто бы свидетельствовали в пользу того, что ситуация изменится. Однако этого пока не произошло. Главная ставка нынешним руководством страны делается на балансирование между ведущими игроками в надежде обострить внешнюю конкуренцию и получить экономические и политические выгоды. Нетрудно понять, что такая ставка в конкретных кризисных условиях чревата конфликтными осложнениями. Так, с одной стороны, Киргизстан заявляет, что Россия остается его главным стратегическим партнером, с другой – пытается критиковать Москву по целому ряду экономических и политических вопросов и, более того, требует существенного увеличения денежной компенсации за использование российских военных объектов на своей территории. В этой ситуации вряд ли можно всерьез рассчитывать, что РК захочет ликвидировать базу «Манас», за пользование которой США платят Бишкеку от 60 до 80 млн. долл. в год. В результате политика лавирования в отношениях между Москвой и Вашингтоном продолжается. Нынешний президент Киргизстана, А. Атамбаев, еще накануне президентских выборов, в ноябре 2011 г., заявлял, что военная база США после 2014 г. прекратит свое существование, и подтвердил это на декабрьском саммите ОДКБ 2011 г. в Москве. Однако четкого определения понятия «военная база» в

решениях ОДКБ до сих пор нет, и руководители государств могут достаточно вольно трактовать заключенные соглашения. Так и происходит в случае с Киргизстаном: официально база «Манас» называется Центром транзитных перевозок. Пока Бишкек не дает четких разъяснений по этому вопросу. Более того, 12 июня 2012 г. Министерство обороны Киргизии объявило о намерении повысить арендную плату за использование Россией ее военных объектов на территории страны (за исключением авиабазы «Кант», которая работает в интересах ОДКБ). Подобная политика Киргизстана представляется контрпродуктивной. В частности, Москва приостановила процесс перечисления Бишкеку кредита на сумму 106 млн. долл., которым она рассчитывала премировать РК за твердую, как казалось, позицию в отношении американской базы. Таким образом, Бишкек скорее всего выбирает путь, который вряд ли может быть назван оптимальным. Вместо того чтобы активизировать военно-политическое сотрудничество со странами ОДКБ и получать от них серьезную компенсацию, он пытается стать на скользкий путь подрыва единства этой организации, ослабляя этим и свою собственную безопасность. Скорее всего, помочь в этом случае может более сплоченная позиция ОДКБ, к чему организация и начинает все более определенно склоняться в последнее время. Должная твердость лидера объединения тут способна сыграть немаловажную роль.

С учетом территориальных масштабов, экономического потенциала, запасов нефти и географического положения ключевой державой Центральной Азии является **Казахстан**. В условиях национально-этнических конфликтов, религиозного экстремизма, вероятностного обострения политического кризиса в Киргизии, возможности дестабилизации ситуации в Таджикистане и Узбекистане, активизации наркотрафика, близости Китая Казахстан не видит иного выхода в области обеспечения собственной безопасности, кроме дальнейшего укрепления экономической и военно-политической интеграции с Москвой. Именно эта задача поставлена в стратегии развития Казахстана до 2030 г. В ней подтверждается намерение «развивать и укреплять доверительные и равноправные отношения с нашим близким исторически дружественным соседом – Россией». В настоящее время российский вектор является важнейшим во внешней политике Казахстана. Между двумя сторонами почти не существует проблем, которые не могли бы быть решены путем конструктивного диалога при учете взаимных интересов. Ни одна из стран СНГ не имеет столь тесных связей с

Россией в области оборонного комплекса, как Казахстан. В совместном российско-казахстанском пользовании находится космодром «Байконур» и четыре военных полигона. К тому же 70% продукции 13 казахстанских предприятий, работающих на оборонную промышленность, поставляются в Россию. Основу военно-политических отношений составляет Договор между РФ и РК о военно-техническом сотрудничестве от 28 марта 1994 г. В последние годы отдельные пункты этого документа были расширены и дополнены. Россия поставляет в Казахстан вооружение по ценам, равным стоимости оружия для самой Российской армии. Военнослужащие из РК обучаются в России на льготных условиях. Результатом данного направления координации стало достижение однотипности в подготовке военных и научных кадров. В сентябре 2008 г. было подписано межправительственное соглашение о реализации программы совместных работ в сфере военно-политического сотрудничества в интересах Вооруженных сил РФ и РК на 2008–2012 гг. В первую очередь в рамках программы имелись в виду поставки в Казахстан российских комплексов С-300 и военных самолетов последних поколений. Еще одним важным направлением военно-политических отношений двух стран явилось приграничное сотрудничество. Сторонами ведется совместная охрана внешних границ. Со времени распада СССР обе стороны официально придерживаются концепции о нерушимости границ, что официально закреплено в Декларации о нерушимости границ, подписанной Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Киргизией, Узбекистаном в 1994 г. В целом военно-политическое сотрудничество между Россией и Казахстаном имеет под собой реальную почву, и в данном контексте военное присутствие России в Казахстане вполне отвечает общему духу двусторонних отношений. Вместе с тем, хотя ряд экспертов утверждают, что Казахстан опасается чрезмерного сближения с Западом, стремящимся упрочить свои позиции в стране, тем не менее в рамках своей многовекторной политики он в известной, правда, пока что в достаточно взвешенной, степени осуществляет сотрудничество с ведущими мировыми державами, в том числе и в военно-политической области. Так, поддерживаются контакты как с НАТО в рамках программы «Партнерство ради мира» (казахские политики утверждают, что оно проходит только «в рамках консультационной помощи»), так и с США в области подготовки военных кадров, совместных военных учений, поставок военной техники. Специалисты считают, что в последнее время президенту Казахстана Н. Назарбаеву удалось

добиться определенного баланса в отношениях России и США, поставляя в Россию дешевую нефть, в то же время став для США неотъемлемой частью их борьбы с терроризмом. Казахстан также пытается наладить военно-техническое сотрудничество с Китаем, продавая ему в небольшом количестве некоторые виды вооружения, взамен получая военно-техническую помощь. В целом можно сказать, что Казахстан, при всех определенных частностях, является образцом честного следования общесоюзнической линии. Это в какой-то мере пример, на который следовало бы равняться.

В условиях повышенной нестабильности в Центрально-Азиатском регионе в связи с опасностью усиления терроризма и религиозного экстремизма, особенно после вывода войск США и их союзников из Афганистана в 2014 г., специфическую функцию приобретают отношения России с **Таджикистаном**. Эти отношения до последнего времени развивались по двум ключевым направлениям — в области экономики и в области военно-политического сотрудничества, в рамках которых Россия пыталась создать единое пространство. Но если в области экономики отношения развивались достаточно успешно, то в сфере военно-политического сотрудничества они переживали взлеты и падения, несмотря на то что Таджикистан постоянно выражал озабоченность по поводу собственной политической стабильности и безопасности. Как известно, Таджикистан оказался единственной страной СНГ, ничего не получившей при разделе имущества Советской армии. Даже границу республики охраняли российские пограничники. 201-я российская мотострелковая дивизия, дислоцированная в Таджикистане, принимала активное участие в наведении конституционного порядка в республике и оказывала военно-техническую помощь правительственным силам Таджикистана. После завершения гражданской войны в период с 1999 по 2001 г. на российских предприятиях были отремонтированы радиолокационные станции и зенитно-ракетные комплексы С-125, которые затем поступили на вооружение частей ПВО Таджикистана. В 2006 г. Москва безвозмездно передала таджикской армии четыре вертолета МИ-8 и МИ-24, четыре учебно-боевых самолета Л-39. Через год было добавлено имущество военного назначения, два ударных вертолета, боеприпасы и обмундирование на сумму свыше 50 млн. долл. Всего Душанбе получил от России военной техники и боеприпасов на 1 млрд. долл. В свою очередь, Россия получила РЛС в Нуреке, списав за это 241 млн. долл. из долга Таджикистана. В 2005 г. 201-я мотострелковая дивизия официаль-

но получила статус военной базы. По мнению экспертов, база нужна обеим странам. Для России она является форпостом ее влияния в Центрально-Азиатском регионе, а также стабилизирующим фактором, обеспечивающим пророссийскую ориентацию Таджикистана. Вместе с тем, в первую очередь, эта база нужна самому Таджикистану. Как считают компетентные специалисты, ее наличие обеспечивает стабильность существующего в Таджикистане политического режима. Вывод российских войск мог бы привести к резкой активизации радикальных исламистов. А сил у нынешней таджикской власти, чтобы самостоятельно с ними справиться, может не хватить. Поэтому, несмотря на обостряющуюся в последние годы критику России в таджикской прессе, вопрос о выводе российской базы руководством Таджикистана официально и не ставится. Зато таджикские власти постоянно выдвигают требования о повышении арендной платы за имеющуюся российскую базу и другие объекты. Все это не всегда благоприятно отражается на российско-таджикских военно-политических отношениях. В этих условиях весьма обнадеживающим фактором явилась состоявшаяся 2 сентября 2011 г. встреча в верхах в Душанбе между президентом России Д. Медведевым и президентом Таджикистана Э. Рахмоном. Важнейшим достижением встречи, с точки зрения Москвы, явилось принципиальное решение вопроса о дальнейшем пребывании российской военной базы в Таджикистане, срок действия которого истекает. Новое соглашение должно быть ориентировано на 49 лет; правда, не было сказано, на каких условиях оно будет осуществлено. Однако процесс оформления соглашения затянулся. Как отмечается в прессе, Таджикистан выдвинул Москве свыше 20 новых предложений, возможно, включающих увеличение материальной компенсации за использование базы до 300 млн. долл. В ответ Россия в июне 2012 г. была вынуждена сделать заявление, что прекращает финансирование базы в связи с неясностью ее использования после 2014 г.

Процесс взаимодействия в военно-политической области между Россией и **Туркменистаном** тесно связан с экономическими проблемами. Как известно, Туркменистан является крупнейшим поставщиком газа, и Россия всегда проявляла заинтересованность в его получении. На этой основе в первые годы после провозглашения независимости Туркменистана отношения между двумя странами, в том числе военно-политические, успешно развивались. 31 июля 1992 г. Москва и Ашхабад подписали базовый документ – Договор о дружбе и сотрудничестве, на основании ко-

торого Россия выступила гарантом безопасности Туркменистана. Тогда же был подписан договор «О совместных мерах в связи с созданием вооруженных сил Туркменистана». На основании достигнутых договоренностей многочисленные части ВВС и ПВО бывших Вооруженных сил СССР, а также подразделения пограничных войск на территории Туркменистана на переходный период (десять лет) оставались под юрисдикцией РФ. Россия также обязывалась выплатить Туркменистану компенсацию за размещение на его территории совместных подразделений. В 1993 г. Москва и Ашхабад подписали бессрочный Договор о совместной охране государственной границы Туркменистана и статусе российских войск на территории республики. Однако уже с середины 1990 г. отношения между двумя странами начали пробуксовывать. Туркменистан стал чаще дистанцироваться от России, обвиняя ее в нежелании развивать рациональный партнерский диалог (поводы, к сожалению, давали и некоторые действия Газпрома). Вектор внешней политики Туркменистана стал смещаться в сторону США, ЕС и Турции. Так, в 1994 г. Туркменистан первым из центральноазиатских государств принял участие в программе НАТО «Партнерство ради мира». В конце 1999 г. Ашхабад в одностороннем порядке отказался от заключенных с Россией договоров в военно-политической области. Признаки изменения к лучшему в подходах Москвы и Ашхабада в отношениях друг к другу стали вновь отмечаться после прихода к власти президента В. Путина в 2000 г. В апреле 2002 г. был подписан новый Договор о дружбе и сотрудничестве, в начале 2003 г. были подписаны два взаимоувязанных соглашения – о долгосрочном (на 25 лет) экспорте энергоносителей из Туркменистана в Россию и о взаимодействии в сфере безопасности. Последнее, в частности, предусматривало сотрудничество в борьбе против международного терроризма, незаконного оборота оружия и наркотиков, что подразумевало более тесную координацию действий силовых структур России и Туркменистана. Кроме того, были определены конкретные задачи по военно-техническому сотрудничеству двух стран. Однако эти договоренности не были практически реализованы из-за возникшего в 2006 г. политического кризиса между Москвой и Ашхабадом, связанного с проблемой двойного гражданства в развернувшейся в Туркменистане кампании по искусственному вытеснению из республики русскоязычного населения. С приходом в 2007 г. к власти в Таджикистане нового президента Г. Бердымухамедова стала отмечаться возросшая готовность Ашхабада поднять уро-

вень отношений с Россией, в том числе и в военной сфере, развивая в первую очередь военное сотрудничество. Однако новый газовый скандал 2009 г., обусловленный резким сокращением закупок Россией туркменского газа, а также созданием Россией препятствий для поставок туркменского газа в страны ЕС, вновь поставил под вопрос сотрудничество России и Туркменистана в военной области. В целом можно с определенной долей уверенности сказать, что развитие военного взаимодействия двух стран пока не приобрело «второго дыхания», хотя имело для этого достаточные возможности. В условиях преобладания у обеих стран чисто коммерческих подходов к выстраиванию отношений в сферах политики, экономики и безопасности ситуация остается не вполне удовлетворительной. От того, насколько России удастся предложить Туркменистану новые формы экономического и энергетического сотрудничества (причем не только газового взаимодействия), увязывая свои геополитические и энергетические интересы с интересами Ашхабада, во многом будет зависеть дальнейшая судьба российско-туркменских отношений, в том числе и в военной сфере.

ОДКБ. Ключевым элементом формирования системы коллективной безопасности стран Содружества является многостороннее военно-политическое сотрудничество РФ с партнерами по СНГ, и прежде всего в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Эта организация представляет собой военно-политический союз, созданный 14 мая 2002 г. государствами Евразии путем преобразования Договора о коллективной безопасности, подписанного 15 мая 1992 г. Во время его образования в ОДКБ входили шесть государств – Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан, Беларусь, Армения, Узбекистан. Как было заявлено при создании ОДКБ, ее основную задачу составляет защита территориально-экономического пространства стран-участниц совместными усилиями их армий и вспомогательных подразделений от любых внешних агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба. Наряду с решением вопросов военной интеграции перед ОДКБ также были поставлены более широкие задачи. В частности, она должна была стать инструментом, обеспечивающим экономическую (и политическую) интеграцию и содействующим реализации крупных водно-энергетических и других совместных проектов, в первую очередь региональных.

За годы своего существования ОДКБ удалось добиться существенных практических успехов. Важнейшим результатом военно-политического сотрудничества государств – членов ОДКБ явилось принятие решений о создании и развитии интернациональных систем безопасности (в Восточно-Европейском, Кавказском и Центральном-Азиатском регионах), а также систем безопасности ОДКБ в целом. В ходе коалиционного военного строительства в рамках ОДКБ к настоящему времени развернуты объединенные региональные группировки войск (Вооруженных сил России и Белоруссии, России и Армении), а также коллективные силы быстрого реагирования (КСБР), обеспечивающие коллективную безопасность. В дальнейшем в этом регионе предусматривается создание объединенной группировки войск. В КСБР входят десять батальонов Вооруженных сил (численностью до 4 тыс. человек), из них пять батальонов предоставляет Россия, по два – Казахстан и Таджикистан, один – Киргизия. В них также входит российская авиабаза в Киргизии «Кант», где дислоцировано десять самолетов и 14 вертолетов.

14 июня 2009 г. в Москве состоялся принципиально важный саммит ОДКБ. Основным пунктом его повестки дня стало соглашение о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Как подчеркнул в этой связи Генеральный секретарь ОДКБ Н. Бордюжа, «создание КСОР это не один, а два шага вперед (в деле обеспечения коллективной безопасности); это фактически создание очень сильного по оснащенности многофункционального потенциала, способного реагировать на любые вызовы и угрозы». Действительно, если раньше о КСБР в составе ОДКБ говорили, что они могли бы противостоять, прежде всего, вторжению, военным или пограничным конфликтам, то КСОР должны быть готовы не только противодействовать названным угрозам, но и пресекать деятельность террористических и экстремистских группировок, наркотрафика и других сил организованной преступности. Поэтому можно говорить не только о военной, но и обо всей силовой составляющей ОДКБ. Для этого в их состав предполагается включить соединения, части, подразделения вооруженных сил специального назначения, аэромобильные подразделения органов внутренних дел, органы безопасности, других спецслужб, а также органы в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций всех государств – членов ОДКБ. В рамках принятого решения в Москве был создан штаб, который должен заниматься оперативным руководством КСОР. Правда, пока развер-

тывание КСОР совершается недостаточно высокими темпами. Несмотря на то что соглашение должно было быть подписано всеми его участниками на основе консенсуса, Белоруссия отказалась участвовать в саммите (по причине разгоревшейся «молочной» войны с Россией). Позднее Минск согласился с решением о создании КСОР, но продолжает утверждать, что Конституция страны не разрешает Белоруссии использовать свои войска за границей.

В свою очередь, Узбекистан подчеркнул, что выступает против использования КСОР для разрешения внутренних конфликтов в странах – членах ОДКБ. В результате, несмотря на опубликованные сообщения о создании КСОР, эта проблема не решена до конца. В частности, несогласованной осталась формулировка применения этих сил. Подобная ситуация уже приводила к прискорбному «невмешательству» в события 2010 г. в Киргизии. До сих пор нет окончательного решения о численном и структурном составе КСОР. Действует принципиальное решение: каждое государство – участник ОДКБ выделяет для КСОР по национальному воинскому подразделению (минимум бригада). Однако, учитывая тот факт, что в наше время вооруженные силы не всех стран – членов ОДКБ в силу различных причин обладают подобными формированиями, на первом этапе от них будут входить в объединенные контингенты отдельные полки или батальоны. В мирное время они будут находиться в местах своей постоянной дислокации на национальной территории, а в «особое время» будут использоваться в соответствии с решением Совета коллективной безопасности. Применение КСОР – крайняя мера, вводимая в действие только после того, как исчерпаны все иные возможности для мирного урегулирования взаимных конфликтов в регионах коллективной безопасности. Важным вкладом в деятельность ОДКБ явился неформальный саммит, прошедший в декабре 2011 г. в Москве. По итогам московской встречи были подписаны 23 документа, нацеленных на совершенствование системы коллективной безопасности и перевооружение особых подразделений сил оперативного реагирования ОДКБ. Участники договорились формировать систему информационной безопасности, а также осуществлять совместные мероприятия по противодействию угрозам и вызовам, идущим из Афганистана. Принято принципиальное решение, согласно которому военные базы третьих стран на территории государств – членов ОДКБ могут размещаться лишь с согласия всех участников ОДКБ.

Вместе с тем надо отметить, что несмотря на ряд достигнутых успехов, считать ОДКБ полноценным военным или военнополитическим союзом все еще было бы преждевременно. Состоящая из резко различающихся по целому ряду параметров конкурирующих, а иногда и враждующих между собой государств, по-разному понимающих уровень внешних и внутренних угроз, организация сталкивается с целым рядом крупномасштабных проблем. При таком раскладе выстраивать полноценные общие планы по борьбе с угрозами и противодействию вызовам, особенно с участием коллективных воинских формирований, весьма непростое дело. Серьезную проблему создает и то обстоятельство, что сложность поставленных перед ОДКБ задач значительно превышает достигнутый к настоящему времени уровень сотрудничества и военнополитической интеграции. Не определившись с дальнейшей эволюцией и не сложившись до конца как полноценный военный блок, ОДКБ стремится представить себя как универсальную организацию по обеспечению региональной безопасности. Это трудновыполнимая задача. Ценность ОДКБ – как раз в том, что эта организация на постсоветском пространстве должна быть единственной специализированной организацией безопасности, не имеющей дополнительных измерений (экономика, культура и т.д.). Именно в таком виде она имеет реальный смысл. Превращение в универсальную структуру приведет к снижению ее эффективности. Кроме того, если ОДКБ претендует на роль организации коллективной безопасности, она должна делать акцент на развитие политических компонентов и, главное, работать с конфликтами на территории стран-участниц, заниматься предконфликтным мониторингом, развивать арсенал предупредительных мер и санкций, организовывать переговорный процесс. «Соглашение о миротворческой деятельности» и другие соглашения получают реальный смысл, когда и если ОДКБ возьмет ориентир на коллективное посредничество, хотя бы на территории стран – членов ОДКБ. Еще одним важнейшим аспектом укрепления позиций ОДКБ послужило бы ее международное признание, в том числе налаживание сотрудничества с НАТО. До сих пор этому противодействуют США, подчеркивающие, что «возможность сотрудничества ОДКБ–НАТО усилила бы влияние России в Центральной Азии». России необходимо найти аргументы, доказывающие, что ОДКБ является инструментом, обеспечивающим не только безопасность России, но и коллективную безопасность в Центральной Азии. Несомненно, приостановление членства Узбекистана в ОДКБ – нега-

тивный сигнал. Пока линия ответных действий со стороны ОДКБ еще не до конца сформирована, однако уже имеется заслуживающий внимания набор оценок отдельных специалистов. В частности, отмечается, что действия Узбекистана могут подстегнуть аналогичные тенденции в Киргизстане и затянуть процесс подписания нового договора о российской базе в Таджикистане. Вряд ли это произойдет, поскольку обе страны опасаются Узбекистана и нуждаются в обеспечении своей безопасности со стороны ОДКБ. Как считают серьезные эксперты, учитывая уже достигнутые результаты, мощь ОДКБ не ослабнет в результате действий Узбекистана. Желательно, однако, создать более жесткую структуру, в рамках которой участники ОДКБ должны нести полную собственную ответственность за происходящие события. В частности, требования и претензии отдельных стран к России должны обсуждаться не в рамках двусторонних переговоров, а коллективно с принятием по ним общих решений.

Подводя итоги, отметим, что пока, хотя и с большими издержками, удастся обеспечивать минимальную безопасность на постсоветском пространстве. Однако в связи с обострением старых и появлением новых вызовов, связанных с меняющейся внешней политикой стран-партнеров, активизацией деятельности внешних держав на территории СНГ, трансформацией американского присутствия в Афганистане и т.д., необходим поиск новых средств сохранения военно-политического партнерства при обязательном, в том числе и со стороны России, совершенствовании и традиционных форм внешнеполитического сотрудничества. ОДКБ предстоит преодолеть практику декларативного оформления двусторонних отношений России со своими партнерами; России следует отказаться от политики «полного невмешательства» в конфликты стран-партнеров друг с другом. Свои отношения с каждой из стран Россия должна строить так, чтобы оказывать умиротворяющее воздействие на соседние страны. Она уже в силу своей возросшей мощи обязана взять на себя основную тяжесть усилий по недопущению со стороны внешних держав неконструктивного влияния на ситуацию, складывающуюся на территории СНГ. Москва должна использовать все доступные ей средства для того, чтобы сделать образ России достаточно привлекательным, лишив всяких оснований обвинение ее в «имперских амбициях».

*«Пути к безопасности»,
М., 2012 г., ноябрь, вып. 2 (43), с. 34–44.*

**Самат Кумыспаев,
Гулдарига Симуканова,
политологи (Казахстан)**
**РОЛЬ РЕЛИГИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
КАЗАХСТАНСКИЙ ОПЫТ**

Глобализация уже охватила все сферы деятельности наших социумов. Ни одна страна сегодня не может существовать вне контекста глобализации. Время автономного, замкнутого развития минуло, так как оно не имеет будущего. И хотя существуют разные оценки этого явления – от поддерживающих до жестко критикующих, бесспорно одно: глобализация – свершившийся факт. Мир становится открытым, а потому взаимозависимым и единым организмом. Состояние его отдельных частей, т.е. стран, регионов, напрямую зависит не только от общей глобальной системы, мировой экономической и политической конъюнктуры, но и духовно-культурных реалий. Поэтому безусловным приоритетом является, чтобы развитие наших государств шло в унисон мировым культурологическим тенденциям.

Но процессы глобализации вызывают ответную реакцию у многих народов, усиливается чувство патриотизма, идет поиск национальной самоидентификации. Поэтому в данном аспекте этнокультурные и религиозные ценности, идущие через национальное образование, приобретают актуальное значение. Роль и значение религии в образовательном процессе возрастают с каждым днем. Современные реалии таковы, что вопрос религиозного образования и воспитания молодежи сегодня актуален как никогда.

Переход от социалистического уклада к рыночному способствовал воспроизводству процесса деидеологизации, когда одновременно с ситуацией реального мировоззренческого плюрализма усилилось стремление к поиску новых смысловых оснований, обретению разносторонней идентичности. В конце 80-х – начале 90-х годов у многих сограждан наблюдалось фрустрированное состояние ментальности. В те годы в ситуации ослабления действия системы ценностей, перестройки мировоззренческого корпуса социально-гуманитарного знания значительно снизились критерии научности мировоззрения. Возникли условия, обеспечивающие стремительное проникновение квазинаучных, оккультных, псевдорелигиозных идей в массовое сознание. Религиозность и религия стали своеобразным фоном наступательной деятельно-

сти нетрадиционных для нашей культуры верований, а воспроизводимые ими псевдорелигиозность и квазирелигия стали основными направлениями влияния на исторически сложившуюся в Казахстане модель этнокультурной, конфессиональной, гражданской и политической идентичности, которые основаны на факторах стабильности и согласия.

Религиозная ситуация во многом зависит от активного воздействия на нее образовательной, этнической и демографической специфики, а также политической, экономической, правовой обстановки как внутри страны, так и за ее пределами. При этом общая картина межконфессиональных взаимоотношений имеет сложный характер: в ней должны сочетаться традиции и религиозности, и толерантности.

Ситуация в отдельных постсоветских странах за последние десятилетия серьезно изменилась. Период независимости ознаменовался религиозным ренессансом. Люди получили возможность для свободного удовлетворения своих духовных потребностей. Однако некоторые сочли религиозную свободу за вседозволенность. Ситуацией воспользовались те, для кого религия – всего лишь инструмент наживы, способ достижения корыстных целей. Туда хлынул поток миссионеров сомнительных культов, радикальных движений, пользующихся низкой религиозной грамотностью населения.

Рассматривая современную религиозную ситуацию, в том числе и в Казахстане, мы можем констатировать, что гражданин Казахстана, причисляя себя к исламу или к другим традиционным конфессиям, выражает не только свою мировоззренческую позицию, но и национальное самосознание. Как показывает практика, на протяжении последних лет число приверженцев традиционных для Казахстана конфессий больше, чем число верующих. Поэтому вполне очевидным является то, что человек может не считать себя глубоко верующим, но относить себя к той или иной конфессии в силу историко-культурных традиций. Нам важно понять, что религиозный фактор становится не только элементом этнической самоидентификации каждого казахстанца, но и играет огромную роль в образовательном процессе.

Все годы суверенного развития Казахстан как правовое, светское, демократическое и социальное государство создает условия для реального плюрализма, и несмотря на то что казахстанское общество не в полной мере религиозно по сути, у нас в настоящее время представлен практически весь спектр не только

мировых и традиционных религий, но и новых верований и культов. Зачастую культы и верования не имеют ничего общего с религией, верой и духовностью.

Хотя в Казахстане религия отделена от государства и образование является светским, тем не менее вопрос о необходимости религиозного образования в школе и в вузах стоит перед обществом остро. В течение 2010 г. во время председательства Казахстана в ОБСЕ разгорелись дискуссии вокруг содержания нового учебного предмета «Религиоведение». На конференциях ОБСЕ звучали настоятельные призывы принять рекомендации в отношении недопустимости деления на традиционные и нетрадиционные религии. С этим мы принципиально не можем соглашаться, так как указание на традиционные и нетрадиционные конфессии для нас означает историко-культурный и временной аспекты в деятельности религий на территории Казахстана. Роль религиозного образования и просвещения в условиях расширяющейся глобализации крайне важна. Их внедрение имеет первостепенное значение. Именно поэтому так называемое «критическое» реагирование на издание учебного пособия под редакцией академика Г. Есима со стороны оппозиционных государству сил лишь доказывает его актуальность и своевременность, содержательную полезность и «точечность» попадания. Это говорит об обострении идейно-политического противостояния по линии религиозное–псевдорелигиозное, светское–квазирелигиозное сознание, четкой политической (антигосударственной в своей основе) ангажированности всех, кто выступает против.

Необходимость специального предмета «Религиоведение» требует подготовки педагогических кадров, выбора его сбалансированного (в смысле отсутствия каких бы то ни было аксиологических акцентов) содержания. Такой учебный предмет поможет учащимся сориентироваться в мировоззренческом многообразии, которое сложилось в Казахстане, но при условии научно-методологических подходов к его внедрению в учебный процесс. Нужно помнить о четком разделении религии и государства. Светский характер государства предусмотрен в самой Конституции Республики Казахстан. Но это отнюдь не означает тождество светскости и атеизма. Ведь соблюдение традиционного ислама в форме ханафитского учения не противоречит интересам общественной нравственности. Поскольку в условиях трансформации политической системы, общественного строя и экономического уклада в обществе всегда происходят изменения в системе ценностных

предпочтений, то государство и общество не должны упускать рычаги идеологического влияния на гражданскую ментальность. Отсутствие в республике специализированного систематического изучения, мониторинга ментальных процессов на основе современных методов и технологий исследования приводит к возможности манипулирования массовым сознанием, к его политизации псевдорелигиозными организациями и квазирелигиозными лидерами.

Вместе с тем, как было уже отмечено, одним из главных приоритетов будет сохранение светскости, которая в то же время вовсе не равнозначна атеизму. В мире накоплен богатый опыт, есть много различных форм светскости, и нам предстоит выработать свою. Это значит определиться, в каких сферах жизни общества участие религии будет наиболее конструктивным, где и как она сможет проявить себя в качестве консолидирующего и созидательного начала и фактора прогресса. Как задействовать нравственный потенциал религии, способный смягчить многие процессы, порожденные внутренними и глобальными социально-экономическими сдвигами. Стратегически важно для нас обеспечить устойчивый баланс интересов государства и религии в лице религиозных объединений. При этом важно выстроить отношения таким образом, чтобы в них не было места религиозному радикализму. Новая модель отношений должна уже априори формировать в сознании и поведении общества иммунитет к деструктивной религиозной идеологии и неприятие экстремистских взглядов, а также направлять энергию верующих в позитивное русло.

В рамках этой программы не помешало бы вводить в школах и других учебных заведениях предметы, обучающие основам религии, истории мировых религий, уроки нравственности и подобные дисциплины. В нашем обществе не действуют механизмы упреждающего реагирования на возможные протестные проявления недовольства, которые ведут к подрыву гражданской консолидации и ослаблению доверия к институту власти. В связи с этим важно постоянно проводить информационно-консультационную работу с населением по вопросам возможной экстремизации ситуации на основе псевдорелигиозной идеологии. Рычаги идеологического управления должны быть у государства. Ибо это очень сильно отражается и в молодежной политике государства.

В этом плане эксперты рекомендуют открыть соответствующую специализацию в закрытых учебных заведениях для подготовки молодежи к квалифицированной профессиональной рабо-

те, создать цикл просветительских программ о традиционных религиях на государственных каналах, организовать единый банк данных социогуманитарных исследований религиозности в Республике Казахстан. На примере специально разработанных обучающих семинаров-тренингов для государственных служащих, лидеров религиозных и этнокультурных объединений, руководителей неправительственных организаций вопросы укрепления доверия и общественного согласия становятся надежными императивами межкультурного диалога.

Важно также показать политическую уязвимость терминологических споров о толерантности, свободе совести, разработать эффективный в применении и непротиворечивый глоссарий для законодательства о религии. Известный казахстанский религиовед Асылбек Избаиров справедливо замечает: «Деструктивные внешние силы пытаются раскатать крепкое государство, которое плюско всему объединяется с рядом стран. Казахстан в геополитическом плане представляет большой интерес для внешних игроков: нефтяные богатства, выгодное географическое расположение. Первый прямой и серьезный вызов нашей стране был брошен фетвой Абу Мунзир аш-Шинкити, который в марте 2011 г. обосновал два положения. Первое: гражданам Казахстана не обязательно выезжать на джихад в Чечню или Афганистан, воевать за веру можно внутри страны. Второе: главными объектами джихада являются сотрудники правоохранительных органов. Дальнейшая цепь событий, диверсионных актов стала воплощением целей радикалов в нашем регионе: расшатать религиозную обстановку, от которой зависит социально-политическая стабильность. Верующие-радикалы в глобальной борьбе являются лишь инструментом продвижения чьих-то интересов. Ислам стал жертвой геополитических игр мировых держав. Как нам кажется, данный аспект в том числе затронет вопросы образования и воспитания.

В данном ракурсе очень ценно суждение главного муфтия Казахстана А. Дербисали: «Размышляя над этим качеством в контексте воспитания молодежи в исламе, мы видим, что знание нежизнеспособно, если оно противоречит положениям, принципам и правилам религии. И поэтому систему обучения и теорию воспитания, выдвигаемые на Востоке и Западе, следует рассматривать не как новейшие идеи, выработанные только человеком, а как плоды человеческого опыта и восприятия, которые могут быть как верными, так и ложными. Мы считаем их лишь материалом, который можно использовать и в то же время игнорировать ту его

часть, что приводит к извращениям и богохульству. Извращенная часть любой философии или система очищаются, облагораживаются и насыщаются верой в Бога и глубоким созерцанием окружающей нас Вселенной. В этом смысле наука и занятия могут быть превращены в эффективное средство обучения и образования так же, как на пути к вере и знанию». Аспекты религиозной деятельности нужно рассматривать комплексно. Прежде всего следует четко уяснить: религия – это не партия, которую можно объединить, ликвидировать. Религия есть состояние души человека, управлять которым почти не представляется возможным. Отсюда необходимо принять программу на будущее, нацеленную на выработку государственной политики по развитию религиозной деятельности.

В целом же, по нашему мнению, в деле налаживания духовного диалога усилиям лидеров религиозных общин порой необходима «светская» поддержка в лице авторитетных политиков и ученых. Ибо грань, разделяющая духовное и светское начала в жизни общества и государства, достаточно тонка и уязвима.

«Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века», Уфа, 2012 г., с. 88–92.

Евгений Бородин,

политолог

МЕСТО И РОЛЬ КИРГИЗСТАНА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современное социально-экономическое состояние и развитие Республики Киргизия являются результатом сложнейших процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Неустойчивый характер динамики развития реального сектора экономики и в результате усугубление ситуации на внутреннем рынке труда детерминируют нарастание стихийности в миграционных процессах, что приводит к дестабилизации социально-экономической ситуации, национальной безопасности и росту социальной напряженности в республике. Сложившиеся направления и масштабы внутренних и внешних миграционных потоков нарушают демографический баланс и рациональное распределение населения по территории страны. Масштабы перемещений населения Республики Киргизия в период независимости оказались беспрецедентными.

В течение последних пяти лет население республики ежегодно увеличивается примерно на 1,5% и на данный момент составляет более 5,4 млн. человек. Рынок труда характеризуется значительной безработицей. Продолжается увеличение населения в трудоспособном возрасте, молодежь, вступающая в репродуктивный возраст (после окончания школы, вузов, сузов и т.д.), является дополнительным источником пополнения рабочей силы. Она, главным образом, пополняет низкооплачиваемый рынок труда республики.

Характерной чертой киргизского общества является дезурбанизация, т.е. снижение доли городского населения из-за высокой рождаемости на селе. Ввиду высокого уровня безработицы молодежь, уезжая из деревни, пополняет ряды теневой экономики. Как следствие данных процессов – рост религиозно-националистических настроений, криминализация молодежи и рост протестных настроений.

Резкое ухудшение мировой экономики стало причиной заметного роста безработицы в большинстве стран мира. Такая тенденция продолжится ориентировочно до 2010–2012 гг. Безработица в России и Казахстане, где трудоустроена наибольшая часть киргизских мигрантов, в ближайшие годы будет оставаться на высоком уровне. Снижение уровня занятости в этих странах уже напрямую повлияло на возможности трудоустройства и уровень доходов киргизских мигрантов. Нельзя не учитывать и естественный прирост трудоспособного населения и трудовую иммиграцию граждан из соседних стран: Узбекистана, Таджикистана и Китая. Общее давление на рынок труда Киргизстана к 2012 г. может возрасти до 200–250 тыс. человек. В этих условиях экономика Киргизстана не сможет абсорбировать такое количество новых трудовых ресурсов, что вызовет новую волну нестабильности в регионе.

Несмотря на тенденцию к общему снижению уровня бедности в Республике Киргизия, в категорию бедных попало 31,7% от общего числа населения (общий уровень бедности), уровень бедности в республике все еще высок. За постсоветский период уровень бедности, рассчитанный по потреблению, снизился с 63% в 2000 г. до 31,7% в 2009 г. На сегодня достаточно сильно различается уровень бедности между городским и сельским населением. Уровень бедности среди городского населения составляет 23,2%. Уровень бедности среди сельского населения значительно выше и составляет 38,2%, при этом сельское население составляет 2/3 населения республики.

Анализ структуры питания населения, обеспеченности жильем и его комфортности, доступности здравоохранения подтверждает наличие в Республике Киргизия серьезных проблем с качеством жизни народонаселения. Все эти экономические и социальные проблемы подстегивают протестные и конфликтные настроения в киргизском обществе. Естественным продолжением данных процессов стали отрицательный миграционный баланс и «трудовая миграция». На протяжении 19 лет безвозвратно покинули республику 670 тыс. человек, при этом только в России «трудовыми мигрантами» являются до 1 млн. человек. Перечисленные средства «трудовых мигрантов» на родину соответствуют всем расходам бюджета Республики Киргизия. Таким образом, «трудовая миграция» в Россию является важным фактором взаимоотношений двух стран. Еще одним важным компонентом связи Республики Киргизия с Российской Федерацией является то, что на русском языке общается порядка 34% населения республики.

Рассмотренные в ходе анализа макроэкономические показатели Киргизстана показали, что он отстает от многих государств СНГ. Так, ВВП на душу населения в 2009 г. составил 872 долл. США, что значительно (в 13 раз) ниже среднемировых показателей. По темпам и уровню социально-экономического развития страна находится на одном из последних мест среди стран СНГ.

За годы реформ Республика Киргизия из индустриально-аграрной страны превратилась в аграрно-сырьевую. В результате непродуманной приватизации доля промышленности в ВВП резко упала с 46 до 15–17%. Доля сельского хозяйства в ВВП достигает 22%. Несмотря на известные успехи в реформировании аграрного сектора, ускоренное введение рыночных элементов и частной собственности на землю, они не привели к росту благополучия сельчан. Развивается устойчивая тенденция отставания доходности населения, занятого в этой отрасли (в 2 раза по сравнению с данными в целом по экономике и в 3 раза – с доходами занятого населения в промышленности). Это ведет к еще большему углублению различий в социально-экономическом развитии города и деревни.

За постсоветский период сложилась народно-хозяйственная отраслевая структура, которая является далеко не совершенной. Доля только одного предприятия «Кумтор» (добыча золота) в производстве всей промышленной продукции Республики Киргизия составляет 40%. В то же время многие структурообразующие предприятия, ориентированные на производство потребительских товаров, выпуск сложнейшей техники, приборов и оборудования,

простаивают либо переориентированы на производство простейших изделий. Добываемое в Республике Киргизия сырье, особенно сельскохозяйственное, вывозится за пределы Киргизстана или потребляется на внутреннем рынке в непереработанном виде, в то время как многие предприятия пищевой, мясомолочной, легкой промышленности либо простаивают, либо используют созданные производственные мощности на 5–10%.

Бюджет Республики Киргизия является дефицитным и расходуется в основном на операционную деятельность и социальные пособия, при этом республика является активным получателем всевозможных грантов и трансфертов. На всем протяжении своего существования республика прибегает к интенсивным внешним заимствованиям. Государственный внешний долг вырос с 31% ВВП в 1991 г. до 57% в 2009 г. В результате встала определенная угроза способности Киргизстана в полной мере обслуживать свои внешние обязательства, которая влечет за собой целый ряд негативных воздействий на финансовую систему и на экономику в целом. Предложения, поступающие от руководства республики о списании долга в обмен на «экологическую безопасность», не добавляют авторитета киргизскому руководству на мировой арене, а рост внешнего долга ослабляет не только экономическую, но и национальную безопасность страны.

Проведенный анализ социально-экономического и политического положения Республики Киргизия показал, что:

1) несмотря на улучшение социально-экономического положения в 2000–2009 гг. республика является одной из беднейших стран в Центральной Азии и в СНГ. Экономика практически полностью зависит от крупных стран – США, России, ЕС, Китая, Казахстана;

2) наличие потенциальных военных угроз и угроз военного характера, обусловленных глобальными, региональными и внутригосударственными проблемами и противоречиями, имеющих различное содержание и характер, диктует необходимость военно-политической интеграции Киргизской Республики с другими государствами Центральной Евразии, и прежде всего с Россией, в целях создания эффективной многопрофильной системы обеспечения региональной и, соответственно, национальной безопасности;

3) наличие серьезных политических, экономических и иных противоречий, усугубляемых пограничными, территориальными, ресурсными претензиями окружающих Республику Киргизия стран Центральной Азии, определяет многовекторность политики

руководства республики, пытающегося таким способом обеспечить независимость и территориальную целостность Киргизстана;

4) процессу интеграции Республики Киргизия с Россией активно противодействуют США и ЕС, добивающиеся ослабления таких совместных структур, как ОДКБ и ШОС, и в дальнейшем превращения Центральной Евразии в зону своего влияния;

5) такие партнеры, как США и ЕС, стараются сформировать в Республике Киргизия условия, при которых отсутствует консолидация гражданского общества, путем манипуляции правящими элитами, единственная цель которых – сохранение собственной власти и конвертация данной власти в материальные блага;

6) ставка Республики Киргизия на внешних партнеров неизменно ведет к росту межгосударственной конкуренции в регионе за инвестиции и зарубежную помощь, обостряя существующие межгосударственные противоречия и претензии. Последнее может повлечь за собой расширение практики силового, экономического и иного давления и способствовать дестабилизации обстановки внутри государств региона;

7) из внешних угроз государственности Республики Киргизия главной является отсутствие стратегии в условиях глобализации, когда небольшая и слабая страна не в состоянии исключить внешние воздействия в условиях растущей геополитической конкуренции в регионе, что влечет уже происходящую десоверенизацию и опасность фактической потери всех возможностей сохранения своей государственности;

8) наиболее перспективными для экономического сотрудничества и собственного экономического роста Республики Киргизия являются прежде всего энергетика, сельское хозяйство и коммуникации;

9) Россия в отношении Киргизстана в силу культурного и геополитического положения объективно заинтересована в большей степени в установлении стабильности и в усилении своего долгосрочного влияния. Россия готова вливать реальные деньги в реальную экономику Республики Киргизия, а не гранты на «демократизацию» или какие-либо геополитические прожекты при условии предсказуемости и ответственности политического вектора киргизского руководства.

«Внутриполитическое и социально-экономическое развитие Киргизстана», М., 2011 г., с. 132–136.

Л. Васильев,
старший научный сотрудник
(ИДВ РАН)
**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Центрально-Азиатский регион занимает важное геостратегическое положение. Географически он обеспечивает кратчайшую связь Кавказа и Среднего Востока со странами Восточной Азии, юга и севера континента. Вследствие этого отсюда удобно контролировать как указанные транзитные пути, так и глубинные тыловые районы крупнейших государств Азии – Китая, Индии и России.

В современных условиях значение ЦАР существенно возросло и в геоэкономическом плане. Наличие залежей нефти и газа, запасов урана, золота, других цветных металлов и редкоземельных элементов в сочетании с удобством прокладки международных коммуникаций привлекает многие мировые державы. Причем, если сразу после распада Советского Союза в конце XX в. за влияние в регионе в противовес России, в основном, боролись Турция, Пакистан, Афганистан и Иран, то в настоящее время идет настоящая война между ведущими мировыми инвесторами (США, Китай, Япония, Индия, Евросоюз и Россия) за доступ к сырьевым ресурсам региона, а также за контроль маршрутов их транспортировки.

Следует отметить, что в конце XX в. на развитие политической ситуации в регионе оказало существенное влияние то, что новые суверенные государства Центральной Азии длительное время входили сначала в состав Российской империи, а затем Советского Союза. С одной стороны, это позволило феодальным государствам Средней Азии совершить качественный скачок в своем экономическом и политическом развитии. Но с другой – такие эволюционные скачки имели и свои негативные последствия.

Так, вследствие отсутствия местных кадров советское руководство, например, вынуждено было осуществить широкую миграцию населения из европейской части страны в эти республики, что вызвало определенную «русификацию» их государственной и общественной жизни. Кроме того, отсутствие на территории региона практически всех основных отраслей современной промышленности при кадровом дефиците стало основной причиной придания сырьевой направленности создаваемой там экономики.

И, наконец, централизованная власть в условиях единого государства существенно замедляла развитие местного самоуправления, что, в свою очередь, снижало уровень и качество местных властных структур.

Результатом такого положения явилось то, что после декларации государственного суверенитета новые центральноазиатские государства были вынуждены создавать новые властные структуры, армию, полицию и т.п. в условиях дефицита времени и средств, что негативно сказывалось на их эффективности. Кроме того, местная элита некоторых стран ЦАР в своем стремлении защитить национальный суверенитет от возможных угроз со стороны России приняла решение о вытеснении проживающих в республиках некоренных национальностей, в основном славянских, за пределы своих территорий. Этим был нанесен дополнительный удар по социально-экономическому положению в молодых государствах и обстановке в них.

Кроме того, в условиях национального становления в регионе обострились межгосударственные отношения, к которым следует отнести:

- территориальные разногласия;
- незавершенность процессов демилитаризации границ;
- проблемы поставок энергетических и сырьевых ресурсов;
- распределение трансграничных водных ресурсов;
- наличие анклавов и мест компактного проживания некоренных национальностей;
- трансграничную торговлю и освоение сопредельных территорий;
- нерегулируемую миграцию населения;
- транзитную перевозку грузов через территории соседних государств;
- разнонаправленность ориентиров государств региона во внешнеполитической и внутривнутриполитических сферах.

Исходя из складывающейся обстановки центральноазиатские государства выбрали многовекторную стратегию своей внешней политики. Причем многовекторность их политики во многом явилась следствием неподготовленности России после распада СССР выработать свою адекватную политику в отношении развития сотрудничества с этими государствами в современных условиях. Политика стран Запада в отношении региона всегда строилась с целью обеспечения приоритетов своих национальных интересов. Необходимо отметить, что защита традиционных

западных ценностей – демократии и прав человека – уже не является в Центральной Азии для Запада приоритетной, а используется лишь как средство защиты своих экономических и политических интересов. Однако многие проходящие в ЦАР процессы рассматриваются западными политиками со своей, европейской точки зрения, что ведет иногда к искажению действительности и формированию ложных стереотипов.

В настоящее время происходит становление центрально-азиатских государств с явным намерением каждой из проживающей здесь наций самоутвердиться и занять определенное положение в мировом сообществе. Международные отношения в ЦАР, даже двусторонние, довольно часто приобретают многосторонний характер, предусматривающий участие в них (официальное или неофициальное) других региональных и внешних акторов. Однако следует учитывать, что этнокультурная специфика, исторический путь развития, современное положение народов Центральной Азии не обеспечивают пока благоприятной основы для построения демократического государства по западному образцу. Наоборот, навязывание западных стандартов жизни и государственного устройства приведет к обострению и хаотизации обстановки в центральноазиатских государствах.

Анализируя влияние негативных внешнеполитических факторов в ЦАР, можно сделать вывод о том, что основными узлами противоречий в политике, проводимой здесь мировыми державами, в настоящее время могут стать:

- стремление конкретных стран обеспечить лидирующие позиции в регионе с целью установления эффективного контроля за возможными путями развития возникшей политической ситуации;
- борьба за право обладания ресурсами региона, а также за контроль над стратегическими межрегиональными коммуникациями;
- соперничество в поставках в регион оружия и военной техники, а также в материально-техническом обеспечении вооруженных сил центральноазиатских государств;
- конкуренция за оказание влияния на лидеров государств ЦАР;
- стремление обеспечить контроль за стратегическими отраслями промышленности государств региона;
- соперничество на культурно-образовательном пространстве с попытками овладеть умами местной молодежи.

Следует также отметить, что регион играет важную, долгосрочную роль в области безопасности. Специфика его географического положения, с одной стороны, делает его выгодным объектом нападения исламских экстремистов с южного и юго-западного направлений, а с другой – это буфер для таких стран, как Россия и Китай, от этих же экстремистов. Кроме того, практически во всех государствах региона имеются значительные группы населения, пропагандирующие идеи сепаратизма, исламского экстремизма и использующие для достижения своих целей методы и способы террористической борьбы.

Такое положение в государствах Центральной Азии обусловлено внутренними социально-политическими и идеологическими причинами. Обобщая внутривнутриполитические причины нестабильности в странах региона можно выявить основные их группы, которые, как правило, свойственны всем государствам региона. К ним можно отнести:

- экономический и социальный кризис, безработицу и обнищание значительной части населения;
- обостренное чувство социальной неустроенности и незащищенности у значительной части населения;
- существенный рост социального расслоения общества;
- деиндустриализацию экономики и связанную с ней маргинализацию значительной части населения, которая в условиях высокой рождаемости сказалась прежде всего на молодежи;
- утрату многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров, разрушение моральных ценностей, искажение положений традиционного ислама и рост значимости его радикальных ветвей;
- этнические и религиозные конфликты, резкие изменения мировоззрения, вызванные крупными социальными потрясениями.

При этом интересен тот факт, что в течение 10 лет руководителям государств региона удалось относительно безболезненно сменять политический истеблишмент даже в кризисных ситуациях, таких, например, как внезапная смерть С. Ниязова в Туркменистане, удерживать ситуацию под контролем. Главной особенностью политических режимов в Центральной Азии является то, что здесь наблюдается общая тенденция: с одной стороны – авторитаризм, персонификация власти; с другой – стремление модернизировать политическую систему и построить современное государство. Однако частые смены правительств в центральноазиатских государствах, неуверенность чиновников в связи с постоянной

сменой кадров приводят к недостаточному и неэффективному использованию имеющегося потенциала. В результате такой политики общегосударственные интересы подчиняются личным интересам отдельных лиц и группировок, а их противостояние чревато серьезными рисками для стабильности страны.

Необходимо отметить, что государства Центральной Азии могут устойчиво развиваться и интегрироваться только при условии региональной стабильности и геополитического равновесия. К возможным негативным внешнеполитическим факторам ухудшения геополитической ситуации в регионе можно отнести следующие.

1. Разнонаправленность взглядов руководства центрально-азиатских государств в определении стратегических приоритетов развития, что существенно затрудняет процессы региональной интеграции.

2. Соперничество в решении общих вопросов региона с целью получения для своей страны максимальных дивидендов, что приводит к установлению барьеров в торговле, в пересечении границ сопредельных государств, а также вызывает межнациональную напряженность, недоверие и конфликты.

3. Различный уровень экономического развития государств региона, что снижает эффективность решения общих для ЦАР задач.

4. Соседство нестабильных Афганистана и Пакистана, сохраняющаяся угроза проникновения в регион значительных групп исламских экстремистов, а также наличие сепаратистских и экстремистских движений на территориях самих центрально-азиатских государств.

5. Возможность превращения Центральной Азии в одну из мировых «горячих точек» в случае обострения соперничества мировых держав в регионе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«Мировые державы в Центральной Азии», М., 2011 г., с. 7–12.

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

А. Бязров, Н. Ногаев,

кандидаты исторических наук

(Северо-Осетинский государственный университет
им. К. Хетагурова)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ И ПОЗИЦИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

В начале 2011 г. в ряде стран арабского мира начался процесс общественно-политической трансформации. Поочередно государства Северной Африки и Ближнего Востока были охвачены народными волнениями и массовыми беспорядками. При содействии народных масс объединенные оппозиционные силы в арабских странах активизировали свою деятельность в направлении свержения правящих монархических и авторитарных режимов, требуя роспуска и реорганизации действовавших политических институтов: правительства, парламента, партий и прочих органов власти, не выражавших интересы народного большинства. В протестных акциях населения Северо-Африканского и Ближневосточного регионов доминировали лозунги социальной и экономической справедливости, требования проведения назревших конституционных реформ. Дестабилизация внутривнутриполитической обстановки в мусульманских странах вызывала пристальное внимание Ирана, во многом определяющего политическую ситуацию на Ближнем Востоке (БВ). В этой связи руководство Исламской Республики Иран (ИРИ) выражало серьезную озабоченность по поводу усиливающейся эскалации внутривнутриполитических конфликтов в соседних арабских странах – Сирии, Йемене, Бахрейне, географически расположенных в непосредственной близости от иранских границ, а также на африканском континенте.

Первоначально народные волнения охватили Северо-Африканский регион, в частности Тунис, который со второй поло-

вины декабря 2010 г. захлестнули народные акции протеста. В январе 2011 г. в государстве прошла так называемая «жасминовая» революция, в результате которой президент Зин аль-Абидин бен Али бежал в Саудовскую Аравию и вскоре был отрешен от должности. Конституционным советом страны. Вновь сформированное временное правительство национального единства Туниса разрешило деятельность всех запрещенных прежде политических партий и объявило амнистию политзаключенным. Реакция официального Тегерана на события в Тунисе последовала незамедлительно. Официальный представитель МИДа Ирана Р. Мехманпараст сделал акцент на необходимости сохранения национального единства тунисского народа и выразил надежду на то, что благодаря установлению в стране народного строя, основанного на религиозных ценностях и убеждениях, будут воплощены в жизнь чаяния тунисцев. Вместе с тем представитель МИДа Ирана выразил обеспокоенность по поводу визита официального представителя Госдепартамента США по вопросам БВ Дж. Филтмана, который провел переговоры с министром иностранных дел переходного правительства Туниса. На фоне резкого недовольства тунисского народа, требовавшего роспуска временного правительства и отставки всех чиновников, связанных с прежним режимом, иранское внешнеполитическое ведомство выступило против вмешательства во внутренние дела африканского государства.

Между тем революция в Тунисе стала прелюдией к резкому обострению внутривластной обстановки в других странах Северной Африки (СА). 25 января антиправительственные акции протеста захлестнули также Египет. Бедность, недовольство своим положением в обществе, отсутствие социальных перспектив, коррумпированность чиновников в высших эшелонах власти вывели на улицы египетских городов миллионы людей с требованием отставки 82-летнего президента Х. Мубарака, либерализации политической системы, проведения экономических реформ. Протестные выступления инициировались снизу, в них вливались в первую очередь широкие народные массы, в их числе образованная, но неустроенная молодежь. События в Египте представляли собой самовозгорающееся народное движение, не имеющее передовой группы или основополагающей организации. Движение не имело единого политического лидерства, организаторской силы. В борьбу за власть в Египте активно включилась структурированная политическая оппозиция в лице оппозиционного лидера аль-Барадеи и исламистской организации «Братья-мусульмане».

В связи с углублением внутривосточного кризиса в Египте 11 февраля Х. Мубарак, правивший почти 30 лет, вынужден был уйти в отставку, передав властные полномочия Высшему совету Вооруженных сил страны. События в Египте получили широкий резонанс в Иране. За несколько часов до отставки Х. Мубарака президент Ирана Махмуд Ахмадинежад призвал египетский народ продолжать акции протеста и на принципах «свободы» самостоятельно выбирать своих лидеров и собственную форму правления. Позицию иранского лидера поддержал спикер меджлиса Али Лариджани, подчеркнув при этом, что народные восстания в Тунисе и Египте явились, в частности, реакцией на вмешательство США во внутренние дела обеих стран. Ранее парламент Ирана, признав требования египетского народа справедливыми, выступил с официальным заявлением в поддержку народного движения в Египте. В упомянутом документе, озвученном на заседании парламента 1 февраля, говорится: «То, что происходит в Египте, является пробуждением совести той нации, которая в свое время оставила важнейший след в истории человечества, а на протяжении последних 32 лет из-за предательства властей чувствовала себя униженной, и вот сейчас она намерена заявить о новой своей исторической роли». В свою очередь духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи заявил, что события в Египте, Тунисе и других арабских странах – знак «исламского пробуждения».

Таким образом, правящие круги ИРИ единогласно поддерживали справедливые требования народов Туниса и Египта и решительно осудили прежние авторитарные режимы североафриканских стран за применение силы при разгоне демонстрантов. В то же время иранское руководство предостерегло США и другие страны Запада от вмешательства во внутренние дела двух государств, которое, по их мнению, содействует расколу наций и усилению внешнеполитической напряженности, напомнив, что тунисский и египетский народы вольны и готовы самостоятельно решать свои внутренние проблемы. Вследствие свержения режима Мубарака Иран и Египет стали выстраивать прерванные в 1979 г. дипломатические отношения. Инициатором сближения выступила иранская сторона – с инициативой проведения учебного похода кораблей ВМС Ирана из Красного моря в Средиземное через Суэцкий канал. 18 февраля официальный Каир дал согласие на запрос иранского дипломатического представительства предоставить разрешение на проход иранских кораблей через территориальные воды Египта. Так, вскоре после отставки Мубарака – вер-

ного проводника интересов США – стали складываться более благоприятные условия для восстановления ирано-египетских взаимоотношений, расширения сотрудничества двух стран. В данном контексте новый глава МИДа Египта Набиль аль-Араби в ходе своей первой пресс-конференции заявил, что Каир готов открыть «новую страницу в отношениях с Ираном... Учитывая последние события в Каире, пришло время для расширения сотрудничества», – заявил он. Отметив историческую общность двух стран, египетский дипломат также подчеркнул, что «правительство Египта не считает Иран недружественным государством. Восстановление дипломатических связей между нашими странами зависит от Ирана», – добавил аль-Араби. Речь своего египетского коллеги о необходимости восстановления дипломатических отношений двух стран поддержал глава МИДа Ирана Али Акбар Салехи, заявив, что «Иран поддерживает намерение Египта восстановить двусторонние отношения».

Тем самым в процессе формирования общественно-политической трансформации в арабском мире официальный Тегеран предпринимал усилия для укрепления своего влияния на Ближнем Востоке, в частности справедливо разделяя позицию и требования восставших против диктаторского произвола народов Северной Африки. Вместе с тем иранские власти прилагали усилия для налаживания дипломатического контакта с переходным правительством Египта, во многом определяющего расстановку сил в ближневосточном регионе. Вслед за Тунисом и Египтом пожар революции охватил Ливию. С 15 февраля в ливийских провинциях, прежде всего в восточном районе Киренаике, начались акции протеста с требованием отставки лидера Джамахирии, правящего в стране 42 года, Муаммара Каддафи. Ливия фактически разделилась на подконтрольный властям Запад и Восток, удерживаемый вооруженными силами повстанцев. Правительственные войска жестоким образом подавляли народные демонстрации, впоследствии переросшие в открытый вооруженный конфликт.

Иран, в свою очередь, резко осудил действия ливийских властей по подавлению народных акций протеста в стране и призвал международное сообщество принять экстренные меры для прекращения насилия в отношении народа Ливии. По сообщению иранского информагентства ISNA, официальный представитель иранского МИДа Рамин Мехманпараст заявил, что «Исламская Республика Иран считает, что восстание ливийских мусульман и их праведные требования стоят в одном ряду с подлинным движе-

нием граждан стран региона, которое стало результатом исламского пробуждения», а также призвал «международные органы предпринять действенные и срочные меры по прекращению актов насилия». Аналогичную позицию занял М. Ахмадинежад.

Иранский президент подверг резкой критике действия Муаммара Каддафи: «То, что он делает, неприемлемо... Любой, кто бомбит собственный народ, заслуживает осуждения». Следует предоставить «возможность жителям региона самим определять свое будущее». Ахмадинежад призвал ливийского лидера, а также руководителей других мятежных государств «обратить внимание на требования народов, прекратить насилие против своих наций, если они претендуют на руководящую роль в будущем... Разве можно представить, что найдется человек, который будет бомбить и убивать свой же народ... Мир стоит на пороге больших изменений... народы нуждаются в связях с мировым сообществом и справедливым миропорядке, которые будут обеспечивать соблюдение прав и достоинство всех наций, смогут восполнить тот большой пробел между “властвующими” и “неимущими”, а также развенчать злые намерения в отношении народов и наций, прекратить их унижение и оскорбление», – приводит обращение иранского лидера информационное агентство ФАРС.

Между тем 18 марта в Нью-Йорке СБ ООН принял резолюцию 19/73, которая предусматривала закрытие воздушного пространства над Ливией как способ защиты сил оппозиции и гражданских лиц от триполитанских истребителей. В проекте резолюции говорится о недопустимости наземной международной военной операции в Ливии. Принятый СБ ООН документ повышал вероятность осуществления вторжения коалиционных войск на территорию Ливии в том случае, если эти действия будут согласованы с так называемым Переходным национальным советом Ливии и Лигой арабских государств. Тем самым Совет Безопасности ООН фактически санкционировал вооруженное вмешательство сил НАТО во внутривосточный конфликт в Ливии осенью 2011 г., нарушив основополагающий принцип суверенности африканского государства. Впоследствии зарубежные СМИ информировали о намерении ряда европейских стран задействовать свои ВВС и ВМС против ливийских правительственных войск, а силы НАТО во главе с США под предлогом свержения ливийского режима Муаммара Каддафи инициировали военную операцию «Рассвет Одиссея».

Позиция Ирана относительно принятой СБ ООН резолюции по Ливии была недвусмысленно выражена в заявлении М. Ахмадинежада в интервью Национальному телевидению Испании (TVE1). Лидер ИРИ обвинил страны Запада в происходящих событиях в арабском мире: «Скажите мне, кто на протяжении последних 50 лет поддерживал диктаторские режимы? Откуда у них оружие? Может, они сами его произвели? Или купили у африканских стран? Кто, скажите, продавал Ливии оружие, которым сейчас Каддафи бомбит свой же народ?» Одновременно иранский лидер подверг резкой критике вооруженное вмешательство сил НАТО во внутренние дела Ливии, которое не позволит решить проблемы Ближневосточного региона. «Страны Запада должны оставить свои колонизаторские амбиции», – заявил Ахмадинежад. Комментируя вопрос о том, следует ли закрывать воздушное пространство Ливии, иранский лидер подчеркнул, что «любое военное вмешательство еще более усложнит ситуацию». Позицию Ахмадинежада разделял духовный лидер Исламской Республики Иран Али Хаменеи: «Иран поддерживает ливийский народ, который восстал против ливийского лидера Муаммара Каддафи, но осуждает военное вмешательство западных стран, поскольку они хотят воспользоваться ситуацией в свою пользу и установить контроль над ливийской нефтью», – говорится в заявлении иранского духовного лидера. Следовательно, власти Ирана выражали поддержку участникам антиправительственных выступлений в Ливии, впоследствии переросших в вооруженный конфликт, и в то же время осуждали действия ливийских властей по силовому подавлению протестных акций, а также намерение стран НАТО предпринять гуманитарную интервенцию, т.е. вмешаться во внутренние дела суверенного государства.

Вследствие углубления социально-политического кризиса в Северной Африке народные протесты расширяли географию. Волна народных протестов, поднявшаяся в Тунисе, захлестнула также страны Персидского залива. Акции гражданского неповиновения шиитского большинства (около 70% населения) режиму кронпринца Салмана бен Хамада аль-Халифы, прокламирующему суннитскую элитарность, проходили в Бахрейне. Однако вследствие усиления репрессий в середине февраля 2011 г. на Жемчужную площадь Манама вышли также представители леворадикальных сил из числа суннитов. Митингующие требовали отставки премьера шейха Халифы бен Салмана аль-Халифы, которого обвиняли в коррупции, проведения конституционных реформ и ограничения

власти монарха, создания новых рабочих мест, а также освобождения всех политических заключенных. Кроме того, оппозиция, опирающаяся на шиитское большинство, выступала за изменение просуннитской миграционной политики, проводимой в интересах правящей королевской семьи. Активизация исламских сил в Бахрейне повышала вероятность укрепления влияния шиитского элемента в стране. В этой связи бахрейнские власти обвинили организаторов антиправительственных манифестаций в попытке переворота и сотрудничестве со спецслужбами Ирана, а на подавление народных протестов местный король, под предлогом обеспечения общественного порядка, призвал войска из стран – членов Совета содружества государств Персидского залива (ССАГПЗ). Вскоре в охваченное беспорядками государство из Саудовской Аравии был введен воинский контингент под предлогом обеспечения общественного порядка и проведения операции «Щит». В этой связи следует также отметить, что в Бахрейне расквартирована крупнейшая американская авиабаза в Персидском заливе и штаб-квартира 5-го флота ВМС США.

В условиях эскалации напряженности в Бахрейне Иран выступил в поддержку акций протеста шиитского большинства, жестоко подавляемых реакционерами и саудовскими войсками. Министр иностранных дел ИРИ Али Акбар Салехи, в свою очередь, обратился к генсеку ООН Пан Ги Муну с просьбой вмешаться в происходящее и защитить законные требования народа Бахрейна, чьи выступления жестоко подавлялись силовыми структурами страны. Вместе с тем иранская сторона подала официальную жалобу в ООН на Саудовскую Аравию в связи с незаконным участием саудовских войск в жестокое подавление протестов шиитского большинства в Бахрейне. Официальный Тегеран призвал граничащие с Бахрейном государства присоединиться к данному обращению и потребовать немедленного вывода воинского контингента Саудовской Аравии. Копию жалобы Али Акбар Салехи направил также генсекам Организации Исламская конференция Экмеледдину Ихсаноглу и Лиги арабских государств Амру Муса, в которых выражалась озабоченность Исламской Республики Иран в связи с присутствием на территории Бахрейна в рамках миссии ССАГПЗ иностранных военных контингентов. Глава МИДа Ирана расценил вмешательство вооруженных сил соседних государств под предлогом обеспечения общественного порядка в Бахрейне как не имеющее правового основания и незаконное с точки зрения международного права. Али Акбар Салехи назвал неприемлемым военное

вмешательство любой страны и под любым предлогом и заявил о необходимости Организации Объединенных Наций незамедлительно принять меры для прекращения военного вмешательства во внутренние дела Бахрейна. Ранее президент Ирана Махмуд Ахмадинежад призвал власти Бахрейнского королевства «выслушать и выполнить требования народа, а не использовать против него пушки и танки». МИД Ирана 16 марта вызвал бахрейнского и саудовского послов и выразил им официальный протест в связи с «убийствами властями Бахрейна участников народных выступлений» и «вводом саудовских войск в страну», – говорится в опубликованном заявлении правительства Исламской Республики Иран. В знак протеста против дискриминации бахрейнского народа власти Ирана отозвали своего посла из Манамы.

Днем ранее к аналогичной мере прибегло руководство Бахрейна, отозвавшее своего чрезвычайного и полномочного посла в Иране. Как сообщает сайт «As-giiran», бахрейнское правительство связало это с вмешательством иранской стороны во внутренние дела королевства. Вслед за разрывом дипотношений король Бахрейна аль-Халифа открыто обвинил Иран в организации «заговоров против безопасности и стабильности страны» и распорядился немедленно депортировать всех граждан ИРИ. Наряду с этим 23 марта власти Бахрейна объявили о прекращении авиационного сообщения с Ираном, Ливаном, где шиитская организация «Хезболла» выразила поддержку антиправительственным демонстрациям, и Ираком до 31 марта 2011 г. Тем не менее Иран продолжал придерживаться позиции категорической неприемлемости ввода саудовских войск на территорию Бахрейна. «Присутствие иностранных сил и вмешательство во внутренние дела Бахрейна неприемлемо и будет вести к дальнейшему осложнению ситуации», – говорится в заявлении пресс-секретаря внешнеполитического ведомства ИРИ Р. Мехманпараста. Следует полагать, что гуманитарная интервенция вооруженных сил стран ССАГПЗ в Бахрейне была обусловлена опасениями династии Саудари относительно возможности повторения подобного сценария на территории других монархий Персидского залива в случае достижения успеха шиитским большинством в Бахрейне. Тем не менее ни одно из социальных противоречий в ходе выступлений оппозиции бахрейнскими властями не было разрешено. Волна «исламского пробуждения», прокатившаяся по Северной Африке и странам Персидского залива, затронула также Сирию. В феврале-марте 2011 г.

сирийские оппозиционные силы резко активизировали антиправительственную деятельность.

При активной поддержке Саудовской Аравии, крайне заинтересованной в смене политического режима Башара Асада, расширении своего влияния на Ближнем Востоке, навязывании демократических свобод всем мусульманским странам, а также в ослаблении роли Ирана – как главного политического и идеологического оппонента в регионе, протестные движения происходили главным образом в Дамаске, Хаме и Дер'а. Для мобилизации и координации действий народных масс сирийские оппозиционеры активно использовали такие инструменты, как Facebook, Twitter и прочие социальные сети. В связи с непрекращавшимися беспорядками в сирийских городах 20 апреля Башар Асад официально объявил об отмене режима чрезвычайного положения, действовавшего в стране 48 лет.

Реакция Ирана как стратегического союзника Сирии на БВ относительно происходящих событий в этой стране была четко выраженной и последовательной. Исламская республика выражала демонстративную поддержку сирийскому руководству, а также выступала за недопущение иноземного военного вмешательства. В этой связи иранский военный фрегат «Алванд» и вспомогательное судно «Харг» в конце февраля направились по Суэцкому каналу в Средиземное море к берегам Сирии. Демонстративный шаг Ирана был обусловлен намерением разместить свои боевые корабли в сирийских портах, укрепить ее обороноспособность. При этом командующий ВМС Ирана контр-адмирал Хабиболла Сайари и сирийский министр обороны Али Хабиба Махмуд подписали соглашение о расширении сотрудничества ВМФ двух государств, предусматривающее совместные военные учения. Ранее командующий иранскими ВМС заявил, что расширение зоны деятельности иранского флота является реакцией на продолжающееся присутствие военно-морских флотов США и Европы в Персидском заливе, которое провоцирует нестабильность в регионе, сообщает иранский телеканал Press TV. В то же время представители иранского истеблишмента заявляли о своей незаинтересованности во вмешательстве во внутренние дела какой-либо страны и выступали против оказываемого извне давления на Сирию и присутствия иностранных военных сил на территории переживающего политический кризис государства. Несомненно, смена любого легитимного правительства силовым путем чревата непредсказуемыми результатами, а любое внешнее вмешательство во внутрисполити-

ческие конфликты, вне зависимости от мотивов, многократно увеличивает число жертв. К тому же иностранная интервенция грозит повлечь за собой нарушение военного баланса сил в регионе, что также чревато необратимыми последствиями.

Необходимо принимать во внимание и тот факт, что, помимо обеспечения интересов народов региона, усилия Ирана и Сирии в 2011 г. были направлены на сотрудничество и консультации в рамках противодействия имперским амбициям Эр-Рияда в Ближневосточном регионе. В геополитической стратегии американского сателлита вопрос о ликвидации влияния Ирана и достижении безраздельной гегемонии на Ближнем и Среднем Востоке является ключевым. В случае реализации плана США по созданию так называемого «Большого Ближнего Востока», вероятно, последует задача переустройства нынешней российской политической системы. Следовательно, и Иран, и Россия на Западе рассматриваются в качестве сырьевого придатка в условиях глобального финансово-экономического кризиса.

Из вышеизложенного следует, что весной 2011 г. в арабском мире произошел серьезный тектонический сдвиг. Внутривосточные конфликты, охватившие Арабский Восток, были мотивированы острым социально-экономическим и политическим кризисом. Безработица, архаичность и коррумпированность политической системы, жесткий авторитаризм, монополизация доступа к власти и ресурсам, социальное неравенство лишали средние и неимущие слои населения арабских стран, в том числе образованную молодежь, возможности дальнейшей самореализации и развития. В целом протестные движения на Арабском Востоке были инспирированы и организованы мусульманскими фундаменталистскими силами, при активном использовании западных медиаресурсов, в частности социальных сетей (Google, Twitter, Face-book и т.п.). Исходя из создавшегося положения, Иран прилагал всевозможные усилия для защиты своих геополитических интересов на Ближнем Востоке и обеспечения собственной безопасности. В рамках реализации вышестоящих задач официальный Тегеран проводил политику расширения своего влияния в регионе. Позиция ИРИ в отношении происходящих турбулентных событий на Арабском Востоке, за исключением сирийского вопроса, выражалась, главным образом, в поддержке справедливых требований народов охваченных протестами стран.

Ввиду геостратегического значения Сирии, высокого уровня экономического и военно-политического сотрудничества Дамаска

и Тегерана, их заинтересованности в решении проблем мира и стабильности на БВ политика ИРИ содействовала мирному разрешению внутривнутриполитических конфликтов в арабском мире, обеспечению безопасности и сохранению региональной интеграции. С учетом данных обстоятельств следует констатировать, что конструктивный диалог Ирана и Сирии с коалиционным блоком в составе США, Израиля и Саудовской Аравии вряд ли возможен, поскольку интересы последних объективно направлены на изменение в свою пользу баланса сил на Ближнем Востоке и, соответственно, геополитической обстановки в мире. В настоящее время феномен «арабской весны», ставший одним из важнейших факторов глобальной политики, грозит обернуться обострением международной обстановки на Ближнем Востоке. Однако, как представляется, вызовы, которые исходят от сирийско-иранского тандема, при дипломатической поддержке РФ и КНР, для Израиля, монархий Персидского залива и даже США, очевидно, самостоятельно трудноподъемны и чреватые огромными политическими и экономическими рисками.

«Мир и политика», М., 2012, № 12, с. 156, 158–163.

О. Барнашов,

политолог

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Внешнеполитический процесс, протекающий в той или иной стране, имеет существенное влияние не только на такие вопросы, как отношения этой страны к другим государствам, международным организациям и иным субъектам международного права и мировым игрокам, но и на планирование и проведение курса внутренней политики. От сущности и качества внешнеполитического процесса зависит степень авторитета страны на международной арене, а также благосостояние государства в целом и его народа. Анализируя специфику внешней политики государств, необходимо концентрировать внимание на комплексе факторов, от которых зависит качество принимаемых во внешней политике решений в частности и эффективность общего внешнеполитического курса в целом. Не исключением является и рассмотрение особенностей внешнеполитического процесса современной Турции.

Многогранность внешней политики Турции, в частности, обусловлена географическим (геополитическим и геоэкономическим) положением Турецкой Республики, которая является своеобразной «разделительной линией» между Европой и Азией. Собственно, само географическое положение Турции на протяжении веков выступало причиной многочисленных войн и борьбы на ее территории за контроль над стратегическими ресурсами. Являясь перекрестком на стыке Ближнего Востока, южной части Европы и западной части Азии, Турция активно использует свое местоположение, оказывая влияние на все возможные направления из этих регионов мира. На западноевропейском направлении, безусловно, приоритетами для Турции являются тесные контакты с Европейским союзом и союзником по НАТО США. На Ближнем Востоке Турция стремится утвердить свое преимущественное влияние и стать передовой силой этого региона. В этом направлении Турция находится в довольно жесткой конкуренции с такими государствами, как Иран, Ирак и Сирия. В азиатском направлении Турция проявляет активность по отношению к так называемым молодым тюркоязычным государствам СНГ. В соответствии с этим формируются приоритеты и интересы Турции в отмеченных регионах. Так, в Средиземноморском и Черноморском регионах сконцентрированы важные направления, через которые проходят энерго-транспортные магистрали; на Ближнем Востоке, в Каспийском регионе, на Кавказе и в Центральной Азии имеются богатые природные ресурсы, в том числе нефтяные и газовые месторождения. Проводя внешнеполитический курс в отношении стран отмеченных регионов, Турция пытается реализовать, прежде всего, свои геоэкономические интересы. «Сегодня Турция превращается в регионального лидера. Для этого у нее есть и экономические, и политические основания. Особое значение имеют планы руководства страны превратить турецкую экономику к 2023 г. в одну из ведущих экономик мира. Обращает на себя внимание активная экономическая экспансия Турции в страны Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, а также важная роль турецкого транзита, в том числе энергоресурсов».

Помимо географического фактора, на формирование внешнеполитического курса Турции воздействует личностный фактор власть имущих. Не удивительно, что реформирование внешней политики турецкого государства связывается с именем нынешнего министра иностранных дел Ахмеда Давутоглу. Представляется логичным, что глава внешнеполитического ведомства является

именно той фигурой, которая играет решающую роль в проведении соответствующей его компетенции политики. Кроме того, внешняя политика какой бы то ни было страны формируется весьма узким кругом людей, так что роль личности, и в данном случае главы внешнеполитического ведомства, весьма велика.

Для понимания роли политического деятеля в реализации внешнеполитического курса государства уместно обратиться к теоретическому аспекту. Исследователь Г. Дробот считает, что «роль личности во внешнеполитическом процессе опосредуется, во-первых, характером исторической (международной и внутринациональной) ситуации, точнее – соответствием личных особенностей политика “запросам истории”. Другими словами, нужный человек должен оказаться в нужном месте в нужное время, чтобы повлиять на ход истории. Во-вторых, личный фактор играет особенно заметную роль в диктаторских режимах, а также в “закрытых обществах”, где в политическом процессе доминирует один лидер или узкая группа политиков. В-третьих, то влияние, которое личность политика оказывает на процесс принятия решений, зависит от самого типа этого решения. В наибольшей степени оно проявляется в кризисных ситуациях, когда, с одной стороны, требуются нестандартные подходы, с другой – ограничен круг участников. Наконец, решения, принимаемые в верхних эшелонах власти, где индивиды свободны по крайней мере от давления вышестоящего руководства, в большей мере несут на себе отпечаток личности политика».

В рассматриваемом контексте нас интересуют первая и четвертая позиции. Дело в том, что целью настоящей статьи не является определение режимной (или даже внутрорежимной) специфики Турции для анализа соответствия личности Ахмеда Давутоглу типу принимаемых в соответствующих режимах политических решений (вторая позиция). Автор также не задается целью рассмотреть конкретную кризисную ситуацию, имевшую место во внешней политике Турции, и попытки ее разрешения в данном случае главой внешнеполитического ведомства. В то же время в статье показывается, как в Турции принимаются внешнеполитические решения и как на эти решения наложился отпечаток пройденного исторического пути. С другой стороны, в отличие от развитых западных демократий, где в сфере принятия внешнеполитических решений преобладает коллективное (а не индивидуальное) начало, в Турции, как стране с переходной демократией, на первый план выступает конкретная личность, которая в значи-

тельной степени автономна в принятии вверенных ей политических решений. Сказанное, конечно, не означает, что ведомство, возглавляемое Давутоглу, оторвано от верховной власти и совершенно самостоятельно по отношению к законодательному и другим исполнительным органам. Речь идет о том, что Давутоглу во властных госструктурах пользуется весьма большим авторитетом, с его мнением считаются и ценят проводимую им политику во вверенной ему сфере. Поэтому если речь заходит о внешней политике современной Турции, она априори ассоциируется с именем нынешнего главы МИДа, выдвигая его личность на первый план.

Помимо прочего, Ахмед Давутоглу является довольно яркой личностью в турецких научных кругах. Будучи профессором, доктором политических наук, он стал идеологом нынешнего внешнеполитического курса своего государства, теоретически обосновав стратегию внешней политики в работе «Стратегическая глубина», насчитывающей более 500 страниц. И. Стародубцев полагает, однако, что «вряд ли можно с полным основанием считать, что Ахмедом Давутоглу была создана принципиально новая концепция внешней политики Турции. Скорее мы имеем дело с обобщением и переосмыслением основных течений политической мысли страны и с синтезом на их основе того, что нередко стали именовать броским, но все же не в полной мере отражающим его суть термином “новый османизм”». Отмеченное наводит на мысль, что глава МИДа Турции Давутоглу действительно «оказался на нужном месте в нужное время», когда его идеи оказались наиболее востребованными в экономическом, внутри- и внешнеполитическом плане.

Стоит отметить, что указанный труд Давутоглу вышел чрезвычайно ограниченным тиражом – всего около 40 экземпляров. Нет информации об официальных переводах труда на другие языки, в том числе на русский и английский. Тем не менее, по имеющейся информации, работа отличается большой насыщенностью в плане охватываемых сфер и амбициозных идей автора. В работе трактовка событий ведется начиная с периода после окончания «холодной войны», когда биполярный мир сменился на многополярный. После распада Советского Союза на его территории образовался ряд так называемых «молодых демократий», определенный ареал которых располагался вблизи турецких границ. Речь идет о государствах Центрально-Азиатского региона, как уже отмечалось, богатого природными ресурсами. Тюркская принадлежность народов, населяющих Центрально-Азиатский регион, стала

поводом для автора «Стратегической глубины» утверждать о возможности этнической и религиозной интеграции с Турцией. Естественным продолжением Центрально-Азиатского региона называется богатый нефтяными месторождениями ближайший союзник Турции Азербайджан. В целом в работе министра иностранных дел Турции указывается на возможность возрождения «Шелкового пути» (при условии обеспечения себя союзниками, могущими выступить в качестве стран – транзитеров ресурсов на мировые рынки), естественно, с главенствующей ролью Турции в регионе.

Таким образом, Ахмед Давутоглу во внешней политике пытается использовать не только стратегическое значение своего государства, но и его географические и исторические преимущества, которые позволяют республике стать на путь наиболее эффективных реформ. В то же время Давутоглу считает, что Турция на сегодняшний день не просто обладает географическими преимуществами, но и, учитывая последние, способна использовать в более расширенном спектре возможности, выступая не просто как статичный географический ареал, связывающий Восток с Западом, а активно воздействуя на воплощение в жизнь интересов, обусловленных этим самым географическим положением. Это, по сути, означает не что иное, как превращение географических преимуществ Турции в геополитические и геоэкономические. «Турция уже отошла от политики, где ее воспринимали в качестве “моста” между Западом и Востоком, между Севером и Югом, между Европой и Азией... Ее (Турции) стратегическое значение заключается уже не в географическом месторасположении, а в “способности интегрирования с системой”. Такое представление о Турции четко отражает ее позицию по ряду актуальных внешнеполитических проблем и теоретически объясняет основную причину проведения многоуровневой внешней политики».

Интерес представляет идея главы турецкого внешнеполитического ведомства, что республика должна отстраниться от самовосприятия в качестве периферийной страны НАТО и принять за цель достижение статуса одного из центров мировой силы. При этом потенциал практического воплощения данной идеи заложен в османском прошлом турецкого государства. Таким образом, теоретическое обоснование обновленного внешнеполитического курса Турции под названием «неоосманство» было заложено в работе «Стратегическая глубина», вышедшей в свет в 2001 г. Начало реализации отмеченных в этом труде идей началось в 2002 г., когда к власти пришло правительство нынешнего премьер-

министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, стоящего во главе правящей Партии справедливости и развития.

Некоторые эксперты связывают обращение властей Турции к оттоманскому прошлому с тем, что республике всякий раз отказывают в интеграции с Евросоюзом. Напомним, что в конце 2004 г. начались переговоры о полноправном членстве Турции в ЕС, а спустя два года, в 2006-м, переговоры были заморожены. Хотя причиной тому называется преобладающее количество мусульманского населения (в Турции из около 70 млн. человек 50 млн. составляют турки), которое будет способствовать потере христианского секулярного элемента в пределах ЕС, однако хотелось бы обратить внимание на другое обстоятельство. На наш взгляд, Евросоюз в большей степени озабочен не религиозной компонентой, а экономической. 70 млн. человек – это дополнительная экономическая нагрузка на без того кризисную Европу. Возникает вопрос: а что может Турция дать взамен, чтобы компенсировать эту нагрузку?

Что же означает возврат Турции к оттоманскому прошлому? З. Милошевич отмечает, что развернутая на Балканах пропаганда Турцией позитивного облика Оттоманской империи содержит в себе демонстрацию примерного образа сосуществования государств. В такой ситуации те, кто был лоялен султану, занимали ответственные позиции в государстве, за что и были награждены значительным территориальным расширением. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган в ходе открытия Стамбульского форума-2012, организованного в октябре турецким Центром стратегической коммуникации при поддержке Фонда Маршалла «Германия–США», заявил, что турецкое государство сохранит свои европейские привязанности. «Но оно не намерено вести себя как беспомощный проситель. Турция будет играть ту роль, которая соответствует ее статусу быстро развивающейся державы, расположенной на стратегическом перекрестке путей Востока и Запада». Данное обстоятельство наводит на мысль, что Турция желает создать свой региональный союз наподобие Европейского союза.

При всех плюсах и многоуровневости внешнеполитической доктрины Турции, изложенной в «Стратегической глубине», в самом государстве обнаружили ее противники. В частности, профессор университета Анкары И. Узгель полагает, что «Турция всего лишь вступила в стадию повышенной интеграции с процессом глобализации в составе новой коалиции. Поэтому не стоит расценивать действия Партии справедливости и развития как про-

рывные. Тем более что эта многоуровневость ограничена в основном Ближневосточным регионом. Мало внимания уделяется Балканам, Кавказу, Средней Азии и Дальнему Востоку. И даже напротив, Турции ничего не оставалось, кроме как позволить американцам использовать военные базы Инджирлика для совершения воздушных операций на территории соседнего Ирака. По кипрской проблеме достигнуто лишь временное спокойствие. Турция в очередной раз утратила свои позиции, так и не сумев достичь желаемых результатов».

В самом начале своей деятельности пришедшее к власти правительство во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом объявило о проведении политики «ноль проблем с соседями». Наибольшую проблему для турецкого государства представляли отношения с Сирией, поддерживавшей Рабочую партию Курдистана (РПК). По этой причине на сирийско-турецкой границе была дислоцирована усиленная боевая группировка. Последние события в Сирии еще более обострили двусторонние отношения, речь зашла почти уже о турецко-сирийской военной конфронтации.

С Арменией Турции также никак не удастся решить проблемы. Власти Турции отказываются от признания геноцида, совершенного в начале XX в. османским правительством в отношении христианских народов, проживающих на территории империи, в том числе и армян. А для открытия армяно-турецкой границы (граница закрыта и дипломатические отношения отсутствуют с 1993 г. по инициативе официальной Анкары, которая сделала это, поддерживая позицию Азербайджана в нагорно-карабахском конфликте) требуют от Еревана отказаться от пропаганды необходимости признания геноцида армян по всему миру. В августе 2009 г. были предприняты усилия по восстановлению дипломатических отношений между Арменией и Турцией. Однако эти усилия не принесли результатов из-за отказа турецкого парламента ратифицировать соответствующие подписанные 10 октября того же года в Цюрихе протоколы.

На протяжении более полувека во внешней политике Турции остается нерешенной кипрская проблема. Похоже, что единственной попыткой разрешить данный кризис был подготовленный бывшим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном в 2003 г. план, по которому должна была быть создана конфедерация из двух равноправных государств – Турции и Греции. Предусматривалось также создание двухпалатного законодательного собрания. Но этой попытке не суждено было реализоваться. В апреле 2004 г.

в ходе референдума греческое население Кипра отвергло план Аннана 76% голосов, в то время как турецкая часть проголосовала 67% «за». Таким образом, греческая часть в качестве признанной международным сообществом Республики Кипр стала полноправным членом Европейского союза, а статус северной части острова до сих пор остается нерешенным. Ситуация отяготилась с принятием Кипром председательства в ЕС в 2012 г., которое Турция, однако, бойкотировала.

Таким образом, представляется, что объявленный правительством Турции курс на бесконфликтные отношения с соседями терпит провал, а объявленная «неооттоманская» внешняя политика в таких условиях мыслится нереализуемой. Должно пройти достаточно времени, чтобы был совершен первый шаг в направлении ее реализации. Дело в том, что для того, чтобы прийти к реализации «неооттоманского» внешнеполитического курса, нужно пройти промежуточный этап – разрешить существующие споры с непосредственными соседями, что значительно повысит авторитет турецкого государства. Это будет как бы первый шаг на пути к более высокой цели. Не проделав этот шаг, нельзя будет «подчинить» «своему султанату» региональные страны, как этого требует неооттоманство, т.е. стать реальным региональным лидером и одним из мировых центров силы.

В комплексе факторов, требующих анализа для выявления особенностей внешнеполитического процесса, необходимо выделить еще два фактора – степень влияния групп интересов за рубежом (лоббизм) и соотношение принимаемых во внешней политике решений и общественного мнения.

Процесс лоббизма, в котором решающую роль играют группы интересов, является мощным инструментом воздействия на власть для продвижения и реализации интересов. Соответственно, влияние может оказываться как на внутривнутриполитическую сферу, так и на внешнеполитический курс. Турецкая община за рубежом проявляет заметную активность. Так, в июле 2012 г. во время онлайн-голосования выяснилось, что около 157 тыс. немцев желают принятия Германией законопроекта о криминализации отрицания геноцида армян 1915 г. Однако данный законопроект был отвергнут канцлером Германии Ангелой Меркель.

В то же время неоднозначно можно оценить результаты деятельности турецкого лобби во Франции. С одной стороны, его действия завершились провалом, поскольку Сенат Франции 23 января 2012 г. большинством голосов (127 «за» и 86 «против») при-

нял закон, вводящий уголовную ответственность за отрицание геноцида армян и других нацменьшинств, населяющих в начале XX в. территорию Османской империи. В то же время группа французских сенаторов смогла оспорить законопроект в Конституционном совете, который, в свою очередь, признал его не соответствующим Конституции страны. Недавно стало известно, что на стадии подготовки находится новый законопроект о криминализации отрицания геноцида, который будет представлен ближе к 24 апреля 2013 г.

Турецкое лобби весьма активно работает на европейском направлении. Яркий пример тому – избрание турка Мевлута Чавушоглу на должность председателя Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Турецкие интересы активно продвигаются и в США. Три раза с 2009 по 2011 г. в Палате представителей США отклонялась резолюция о признании геноцида армян. В этом направлении ясно заявила о себе передовая турецкая лоббистская организация Турецкая коалиция Америки во главе с Линкольном Маккарди. В июне 2011 г. он отмечал: «Резолюция 304 [о признании палатой представителей геноцида армян] основана на выборочном одностороннем и религиозно-фанатичном повествовании истории, и в ней игнорируются страдания и трагедия, постигшие предков турок».

Турецкий лоббинг присутствует и в России. В 1998 г. была создана Российско-турецкая ассоциация дружбы и предпринимательства. Инициаторами выступили предприниматели из Турции. В организацию входят порядка 400 членов, деятельность которых направлена не только на установление и развитие торговых и экономических контактов, но и активизацию научных и культурных связей. Представляется, что данная организация создана в унисон развитию двусторонних отношений. Это также соответствует движению России и Турции параллельными курсами по пути модернизации политических и экономических систем обоих государств.

Проводимая любым государством внешняя политика существенно влияет на внутривнутриполитический процесс, и наоборот, протекающие внутри государства процессы могут стать направляющим фактором внешнеполитического курса. Тем самым эти обе сферы взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Это обстоятельство с успехом можно продемонстрировать на соотношении общественного мнения и внешней политики государства. Как и в США, в Турции широко распространен популизм, который мешает принятию важных, в том числе внешнеполитических решений. Эта

ситуация особенно ярко проявляется в вопросе урегулирования курдской проблемы. Увеличение терактов, производимых Рабочей партией Курдистана, способствует активизации националистических настроений в обществе. В существующих условиях движение по пути демократических реформ представляется рискованным для правящей Партии справедливости и развития. Реакция националистически настроенных групп может привести к тому, что значительное количество голосов избирателей будет отдано в пользу националистической Партии национального движения. При принятии соответствующих мер, направленных на поддержку курдского меньшинства, нужно помнить, что большинство в Турции составляют националисты. В этом смысле можно сказать, что общественное мнение влияет и в определенном смысле формирует внешнюю политику страны.

С другой стороны, общественное мнение подвержено влиянию государства. Так, существование ст. 301 Уголовного кодекса Турецкой Республики может быть ярким примером этого. В декабре 2008 г. группа турецких журналистов и представителей интеллигенции из более чем 500 человек разместила на сайте Ozurdiliyoruz (özür diliyoruz – в переводе с турецкого «просим прощения», «простите нас») петицию, в которой приносили извинения у армян за учиненный в 1915 г. в Османской империи геноцид. В ней, в частности, говорилось: «Великая катастрофа, которой подверглись армяне, сталкивается с безразличием и отрицанием». Акция так и стала называться «Армяне, простите нас». В первые сутки после появления письма в Интернете под ним было поставлено 8 тыс. подписей. К началу 2010 г. это число возросло до 30 тыс. На сегодняшний день по ст. 301 УК Турции (оскорбление турецкой нации) прокуратура возбудила уголовные дела в отношении всех подписантов. Их осудили, и они были названы «предателями и фашистами». Однако, по-видимому, стремление Турции к демократическим ценностям взяло верх. Спустя некоторое время турецкая прокуратура заключила, что в ходе предварительного расследования не выявлено оснований для уголовного преследования, «так как право выражать противоположные мнения защищено законом и является нормой в демократических обществах». В настоящее время ст. 301 УК Турции остается в силе, побуждая основную часть турецкой общественности следовать «букве закона» и способствуя формированию соответствующего ценностям турецкой нации общественного мнения.

В целом нужно признать, что современное турецкое общество погружено в процесс освоения идейного наследия реформатора Кемаля Ататюрка. Властные структуры Турции заняты отстаиванием и дальнейшим углублением исламистских принципов общественной жизни, в соответствии с которыми формируется как внутренняя, так и внешняя политика государства. Поэтому представляется, что слабые стороны во внешнеполитическом процессе являются объективно неизбежными для современного турецкого государства, находящегося на пути демократизации и модернизации.

*«Диалог цивилизаций: Восток–Запад. Глобализация и мультикультурализм в посткризисном мире»,
М., 2013 г., с. 437–448.*

Саргон Хайдая,
политолог (РУДН)

СИРИЙСКИЙ ГАМБИТ: СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ В ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ «БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА»

Несколько лет назад ведущие аналитики и специалисты по Ближнему Востоку не могли предсказать, что такая относительно небольшая страна, не обладающая значительными стратегическими ресурсами, как Сирия, станет эпицентром острых противоречий между основными политическими игроками в этом важном со многих точек зрения регионе мировой политики. Так, в известной монографии Дж. Кемпа и Р. Харкави «Стратегическая география и меняющийся Ближний Восток», где впервые в наиболее завершенном виде был представлен американский проект «Большого Ближнего Востока», Сирии не отводится заметного стратегического значения.

В нашумевшей и широко цитируемой сегодня работе «Кровавые границы» одного из известных пентагоновских авторов Ральфа Петерса, выражающего взгляды правого крыла экспертного сообщества США на государственно-политическую конфигурацию «Нового Ближнего Востока», где предсказывается создание «Священного исламского государства» с Меккой и Мединой, курдского государства с выходом к Черному морю, возникновение отдельных шиитского и суннитского государств на территориях

Ирака, а также расширение Иордании за счет территории Саудовской Аравии, перспективы и границы Сирии не обсуждаются.

В своей не менее цитируемой работе «Реконструкция Ближнего Востока? Карты и предположения» Майкл Дэви ставит сохранение территориальной целостности Сирии в непосредственную зависимость от реализации сценария, выгодного западным игрокам: «Что касается Сирии, было бы заманчивым найти сильного лидера, занимающего менее бескомпромиссную и националистическую позицию, чем Башар аль-Асад. Тогда бы все изменения могли быть сделаны в существующих границах: быстрый поворот сирийской экономики к либерализму в сочетании с отказом от Голанских высот, аннексированных Израилем; подписание мирного договора с Израилем, выгодного с военной и экономической точек зрения, в обмен на уход из Ливана и демилитаризацию этой страны; демонтаж баасизма и создание управляемой политической системы». Если это не удастся осуществить, тогда последует второй сценарий – сама Сирия как политический субъект перестанет существовать, слившись с суннитами Ирака в «новую политическую общность» – Билад аль-Шам.

Для США весьма важно, чтобы «классические» каналы коммуникации – воздух, земля и море, т.е. Суэцкий канал, Босфор, Красное море, Персидский залив, а также воздушное пространство между Средиземным морем и Индийским океаном, находились под полным контролем. Этот геостратегический коридор между Северной Африкой и Азией (Сибирский регион России, Западный Китай) крайне важен для целей глобального доминирования. При этом энергетические ресурсы Месопотамии и Аравийского полуострова должны управляться союзниками США, поскольку нефть этого региона поставляется в ЕС (прямой политический и экономический конкурент США), а также в Китай, который быстро превращается в сверхдержаву. Наконец, два региональных полюса экономической глобализации – левантийское побережье и Персидский залив – должны прочно удерживаться в сфере влияния США, что будет обеспечено шаг за шагом политикой по созданию «Билад аль-Шам», Месопотамии и Центральной Аравии.

Для анализа динамики ситуации в регионе «Большого Ближнего Востока» представляется целесообразным использовать концепцию геостратегического комплекса, разработанную Э.Н. Ожигановым применительно к региону «Большого Кавказа», которая получила применение в современной политической науке. Его анализ на уровне геостратегического комплекса исходит из

того, что все политические игроки руководствуются различными концепциями всей системы отношений в геостратегическом комплексе в целом. Отношения между отдельными государствами характеризуются не только конфликтующими интересами и пониманием «безопасности», но также и противоположным видением основных характеристик геостратегического комплекса как системы. Сирия находится в центре одного из геостратегических комплексов, которые возникли в результате окончания «холодной войны» и перераспределения глобального господства.

Политический режим Сирии в контексте противоречий между глобальными и региональными политическими игроками в этом важном регионе мировой политики является объектом пристального внимания многих аналитиков. Сирийский режим альтернативно описывается как «баасистский», «алавитский» или «военный» (вкуче со службами безопасности). Хотя все эти описания действительны в той или иной степени, сирийский режим на самом деле является режимом «номенклатуры», что не сводится ни к одному из применяемых штампов. Например, применение термина «алавитский» к режиму, господствующему в преимущественно суннитской стране, не отдает должного сложным отношениям режима к алавитам и другим общинам – суннитам, друзам, христианам, езидам и исмаилитам. Термин «баасистский» подразумевает режим партийного контроля государства, что не может быть применено к Сирии, и т.д.

Более точное описание сирийского режима можно дать с помощью понятия «конфессионального коалиционизма», поскольку, во-первых, не все семьи алавитов пользуются одинаковым статусом; во-вторых, центральное положение алавитов опирается на некоторые привилегии для двух других сирийских меньшинств – друзов и исмаилитов, а также на развитие сельского племенного суннитского сектора, который ранее находился в постоянной социально-экономической депрессии. Режим также привлек суннитскую экономическую «элиту» Дамаска, и с 80-х годов прошлого века этот симбиоз между алавитской военной элитой и суннитским бизнес-сектором был основан на обеспечении со стороны старших офицеров защиты и гарантий для монопольного положения суннитов в определенных секторах экономики.

Фактически современный сирийский режим основан на довольно сложной системе патронажных отношений, которые могут базироваться на различных основаниях, включая следующие:

- семейные (особенно сильны в общинах алавитов, друзов, исмаилитов и в сельской среде суннитов);
- партийные и бюрократические;
- коммунальные или региональные на основе центров власти: члены «старой гвардии» структурировали собственную власть в своих общинах путем направления средств или предоставления льгот;
- военные протеже: члены старой гвардии, которые возглавляли сирийские военные структуры и службы безопасности в прошлом;
- экономические основания власти: почти все из «старой гвардии» накопили состояние и контролируют различные отрасли сирийской экономики.

Доминирующие элементы сирийского режима представляют узкий круг советников, окружающих президента, включающий всех руководителей служб безопасности и военных, а также несколько политических деятелей с личным опытом, дипломатическими способностями или другими личными чертами, которые имеют ценность в глазах президента. В эпоху Хафеза аль-Асада различные органы власти выполняли указания президента на основе сочетания личной преданности, а также веры в стабильность существующего порядка, однако эти компоненты стали существенно терять свое значение в период президентства Башара. У бюрократической иерархии уже нет того типа лояльности, которую ранее демонстрировала политическая клика, и ему не хватает той харизматической ауры личной власти, которая заставляет подчиненных беспрекословно выполнять приказы, даже если они не понимают их значения или не согласны с ними. Уровень идеологии, вера в будущее политического режима и существующего социального строя значительно уменьшились.

Что касается модели процесса принятия стратегических решений, доставшейся в наследство от Хафеза аль-Асада, то этот процесс был полностью централизован на уровне президента, и эта модель не оставляет места для стратегического анализа и оценок профессиональных экспертов, а информация, доводимая до президента, представляет собой разведданные соответствующих ведомств при отсутствии стратегического контекста или рекомендаций. Хафез аль-Асад твердо контролировал процесс принятия решений как в политической, так и военной сферах, и несколько менее активно в экономической области, которая в течение десятилетий фактически находилась в застое.

Хафез аль-Асад не был сторонником «коллективного мышления», а его способ получения оценок и информации состоял в персональной отчетности перед президентом, исключавшей многосторонние консультации или разработку стратегических сценариев с участием специалистов. Этот централизованный стиль руководства вкупе с полной лояльностью к президенту и четким распределением сфер ответственности сдерживали «дворцовые» интриги и остроту соперничества между членами сирийского руководства. Стиль руководства Хафеза аль-Асада напоминал тактику «разделяй и властвуй», которая проводилась путем ограничения доступа членов его окружения к информации, что поддерживало высокий уровень неопределенности между представителями элиты и давало возможность контролировать баланс сил между ними. Фактически он действовал из недоверия к эффективности механизмов достижения консенсуса и уверенности в своей личной способности интегрировать потоки информации.

После так называемого «тройного кризиса» в начале 1980-х годов (восстание «Братьев-мусульман», кризис, вызванный состоянием здоровья самого Хафеза аль-Асада, и вызов режиму, брошенный его братом Рифатом аль-Асадом) эта система при тогдашнем раскладе сил работала довольно эффективно, и режим оставался стабильным вплоть до 2010 г., поскольку внутренняя оппозиция проявлялась редко и быстро блокировалась, а глобальные и региональные события, такие как падение советского блока, первая война в Персидском заливе, арабо-израильский мирный процесс и т.п., особенно не влияли на стабильность в стране.

Сирийский режим не создал каких-либо институтов профессиональной поддержки для принятия стратегических решений и прогнозирования, вроде английского Секретариата Кабинета министров Великобритании, Совета национальной безопасности США или Службы планирования Израиля. Отсутствие механизма такого рода с компетенцией и ответственностью, которая вытекает из его конституционных обязанностей, а не лояльности к личности президента, не является случайным, поскольку такое устройство было бы несовместимо с авторитарным типом руководства. Для сирийской бюрократии не характерна культура создания стратегических сценариев и прогнозирования. Хотя ближайшее окружение президента состоит из высокопоставленных членов партии, их вклад в процесс принятия решений связан не с их официальным статусом членов руководства партии, а с членством в узком круге военных соратников или сослуживцев, которые служат источни-

ком информации по политическим вопросам рекомендаций президенту по стратегическим решениям. Отсюда проистекал ряд просчетов, допущенных сирийским руководством на ранней стадии развития латентной политической напряженности в стране и вокруг нее.

Факторы латентной напряженности, ставшие серьезной угрозой для стабильности режима и господствовавшего социального порядка, сводятся к следующему:

- ухудшение экономической ситуации;
- признаки потери контроля в периферийных районах Сирии и ослабление политики «сдерживания», которую осуществлял режим по отношению к явным или потенциальным противникам;
- нарушение правил и структуры старой «организованной коррупции», на месте которой возникли новые «хаотические коррупции», что создало серьезные экономические проблемы для режима;
- противоречия в отношениях с оппозицией, в результате была утрачена эффективность политики «сдерживания»;
- потеря монополии и «определенности» власти в результате того, что многолетнее правление баасистского режима, с одной стороны, фактически уничтожило традиционную структуру местных органов власти (*wijahah*) в сирийском обществе, а с другой – не позволило сформироваться институтам гражданского общества, альтернативного традиционным сообществам.

Эти факторы нашли свое отражение в формировании различных группировок сирийского общества, представляющих потенциальную или реальную угрозу для режима, среди которых:

- демократическая оппозиция («гражданское общество», интеллигенция, бывшие политические заключенные, лица, обучающиеся за рубежом и др., выдвигающие на повестку дня реформистские требования);
- внутренняя оппозиция (группы молодых членов нижних уровней иерархии Баас, призывающие к политической реформе в качестве средства для своей мобильности в рамках застойного режима, с одной стороны, и остатки «старой гвардии», воспринимавшие политику Башара как недопустимое отклонение от линии его отца, – с другой);
- исламская оппозиция (члены старой исламской оппозиции, в частности «Братья-мусульмане» и новые экстремистские группировки);

– курдская оппозиция (запрещенные курдские партии, ирредентистские группировки).

Сирийская экономика в значительной степени зависит от доходов от добычи нефти. Нефть до начала вооруженного конфликта составляла 20% от ВВП, две трети экспорта и половину государственных доходов при вероятности, что эти источники будут исчерпаны в конце 2020-х годов. В 1980 г. Сирия закрыла транспортировку иракской нефти, компенсируя потери поставками крупных партий нефти из Ирана, в 2000-е годы Сирия позволила Ираку экспортировать нефть через трубопровод Киркук–Баниас, используя дешевую нефть для внутреннего потребления и увеличения экспорта. Однако сегодня Сирия не только не может использовать подобные преимущества, но и стала объектом политического и экономического давления со стороны заинтересованных государств, таких как США и Турция. Сирия оказалась вовлеченной в гражданскую войну с марта 2011 г. Несколько тысяч сирийских солдат дезертировали, многие из них вступили в так называемую «Свободную армию Сирии», численность которой, по некоторым оценкам, достигает 30 тыс. человек. Тем не менее по состоянию на конец 2012 г. сирийские Вооруженные силы удержали свои основные позиции, остаются лояльными к режиму и их военный общий потенциал не был затронут в какой-либо значительной мере. Определяя понятие нестабильности государства, следует принимать во внимание различные концепции.

Одним из наиболее явных признаков нестабильности государства является гражданская война. Хотя и не представляется возможным выявить единый катализатор гражданской войны, есть многие факторы, которые подталкивают государство к гражданской войне. Например, ряд исследователей указывают, что гражданская война наиболее вероятна в тех странах, которые либо сами недавно участвовали в войне, либо чьи соседи находятся в состоянии гражданской войны, либо в экономически слабых странах. Г. Хегре и многие другие исследователи показывают, что гражданская война наиболее вероятна не в наименее демократических странах, а в странах, которые являются полудемократическими или переходными. Учитывая широкий спектр утверждений, касающихся источников стабильности государства и ее последствий, первым шагом является определение основных тезисов для правильной и точной выработки направления для оценок. Наиболее приемлемым нам представляется подход исследователей из Массачусетского технологического университета, которые считают, что

стабильность государства является процессом, в котором страны могут находиться на разных стадиях и могут подвергаться разной степени действия факторов, ведущих к нестабильности.

Есть несколько степеней неустойчивости, а также различные пути достижения «конечной точки». Исследования стабильности (или неустойчивости) государства тесно связаны с широким спектром вопросов в социальных и вычислительных науках, таких как анализ гражданских войн, политическая мобилизация, социальные потрясения, институциональное развитие (или отсутствие такового), экономическая производительность, социальная сплоченность, насилие на этнической почве, а так же рядом проблемных областей, которые имеют непосредственное отношение к устойчивости государства и его жизнеспособности, так же как к различным видам давления, оказываемого на государство, и разным типам угроз его целостности и стабильности. Основное предположение заключается в следующем: государство является устойчивым при условии, что уровень его устойчивости (прочности) больше, чем нагрузка (или давление), оказываемая на него. Иначе говоря, государство является стабильным до тех пор, пока нагрузка или давление, оказываемые на него, могут быть нейтрализованы с помощью ресурсов и мощности самого государства.

США, в соответствии со своим видением мирового лидера, рассматривают Сирию как некоторую часть своей «шахматной» партии с Ираном, стремясь к ограничению его влияния в «Большом Ближнем Востоке», сдерживанию его ядерных амбиций и устранению угроз стратегически важному Ормузскому проливу. В этой партии США используют Турцию, возлагая на нее основное бремя практического осуществления своих планов. Турция, поддерживая суннитских повстанцев в Сирии, объективно подвержена наибольшему риску среди стран геостратегического комплекса, сталкиваясь с реальными последствиями, которые угрожают ее собственной внутренней безопасности и стабильности, особенно со стороны курдских сепаратистских движений в Турции, Северной Сирии и Ираке. В то время как Саудовская Аравия и Катар поставляют повстанцам оружие и финансовую поддержку, а Соединенные Штаты разместили в Турции оперативников ЦРУ, обеспечивающих разведку и определение целей, Турция приняла десятки тысяч сирийских беженцев и предоставляет убежище, оружие, материально-техническое обеспечение и подготовку бойцов «Свободной армии Сирии». Отсюда происходят неизбежные

противоречия с Ираном, грозящие нарушить шаткий баланс отношений между двумя региональными игроками.

Реальные цели Саудовской Аравии в Сирии также направлены на Иран. Саудовское руководство рассматривает сирийское восстание прежде всего с точки зрения открывшейся возможности воспрепятствовать распространению иранского влияния в регионе. Иран, в случае потери своего близкого союзника, каковым является режим Башара Асада, столкнется с крупной геополитической неудачей. Это может произойти и прежде, чем режим в Сирии окажется в состоянии недееспособности, поэтому Иран старается поддерживать сирийские Вооруженные силы как с помощью поставок оружия, так и отправки в Сирию бойцов «Корпуса стражей исламской революции».

Руководство Ирана понимает, что конфликт в Сирии приобрел характер войны на истощение против разрозненных и неорганизованных, но полных решимости повстанческих сил, щедро снабжаемых извне. Поэтому Иран стремится удержать господство алавитов в Сирии так долго, как это вообще возможно. Одним из его доводов на информационном уровне является вероятная угроза перехода алавитов, в случае возможного падения режима Башара Асада, к организации и руководству повстанцами по типу антирежимного движения в соседнем Ираке. Ни одно из соседствующих с Сирией государств (Турция, Израиль, Саудовская Аравия) не хочет развития такого сценария (в том числе и США), предпочитая наладить некоторую преемственность структур сирийского государственного аппарата и сил безопасности на основе определенного соглашения о разделе власти, что открывает для Ирана возможность влиять на ситуацию.

Попытаемся определить наиболее вероятный сценарий развития ситуации в геостратегическом комплексе «Большого Ближнего Востока». Он может рассматриваться как целостная структура или комплекс, для изучения которого используются различные методы, например – системный подход, направленный на выявление ключевых отношений между основными акторами, действующими на политической сцене. Системный подход исходит из того, что каждый зафиксированный факт детерминирован связью с другими фактами или наблюдается вместе с другими фактами. Какой из возможных сценариев наиболее реалистично представит вероятное развитие событий, зависит от того, насколько точно в нем прописаны важнейшие факторы стратегической «сцены». Это, прежде всего, ключевые акторы, т.е. основные действующие субъ-

екты этой «сцены», ресурсы, которые могут быть ими использованы, и тактики, применяемые в борьбе за господство в геостратегическом комплексе. Большое значение имеют также факторы времени и пространства. Системный анализ включает политическую составляющую и должен учитывать, по меньшей мере, три основные группы факторов: внутреннее развитие в пределах отдельных государств; межгосударственные отношения; внешнее влияние международных игроков и сил. Системный анализ исходит из того, что все политические акторы руководствуются различными концепциями всей системы отношений в геостратегическом комплексе в целом. Отношения между отдельными акторами характеризуются не только конфликтующими интересами и пониманием «безопасности», но также и противоположным видением основных характеристик геостратегического комплекса как системы. К этим акторам мы относим:

- глобальные акторы – США, Россия, Китай;
- субглобальные акторы – Иран, Саудовская Аравия, Турция, Израиль;
- региональные акторы – Сирия, Ирак, Ливан, Катар.

Акторы конфликта – алавиты и союзники, сунниты и союзники, курды и «автономисты».

В качестве альтернативных мы рассматриваем следующие сценарии:

- системная стабилизация геостратегического комплекса;
- устранение угроз стабильности комплекса: разрешение конфликта;
- сохранение статус-кво ситуации лета 2012 г.;
- интенсификация конфликта до уровня полномасштабной локальной войны;
- падение сирийского режима и раздел Сирии;
- вторжение в Сирию и война «блоков».

Если обратиться к компьютерной программе ExpertChoice v. 11, где анализируются результаты сценарного прогнозирования ситуации в геостратегическом комплексе «Большого Ближнего Востока» на осень 2012 г. в показателях относительного веса возможных сценариев и роли акторов, то получатся следующие варианты сценариев. Наиболее вероятным является сценарий «Интенсификация конфликта до уровня полномасштабной локальной войны» (относительный вес 22,1%), за ним следуют сценарии «Падение сирийского режима и раздел Сирии» (относительный вес 20,0%) и «Сохранение статус-кво ситуации лета 2012 года» (отно-

сительный вес 19,7%). Остальные три сценария – системная стабилизация геостратегического комплекса, устранение угроз стабильности комплекса и вторжение в Сирию и война блоков в рассматриваемый период не актуальны. Глобальные акторы – США, Россия и Китай – будут играть решающую роль в наиболее вероятном сценарии (общий удельный вес этой группы акторов политической сцены «Большого Ближнего Востока» – 66,2%), в то время как другим акторам отводятся роли младших партнеров и исполнителей.

*«Вестник Российского университета дружбы народов.
Сер. Политология», М., 2013 г., № 1, с. 50–59.*

А. Голиков,

востоковед

(ДВФУ, г. Владивосток)

КИТАЙЦЫ-МУСУЛЬМАНЕ В ДАР АЛЬ-КУФР

Термином «китайцы-мусульмане» (хуэй) в современной Китайской Народной Республике обозначается не религиозная общность (т.е. исповедующие ислам), а одно из «национальных меньшинств» (шаошу миньцзу). Хуэй являются третьими по численности (после чжуанов и маньчжуров, более 10 млн.). Они преимущественно говорят по-китайски (на так называемых северо-западных диалектах), верующие исповедуют ислам. Проживают преимущественно в северо-западных (Нинся, Ганьсу, Цинхай, Шэньси, Синьцзян) и юго-западных (Юньнань, Сычуань, Гуайчжоу, Хунань) регионах КНР. Кроме того, заметные группы проживают практически в каждом городе Китая. Небольшая община после 1949 г. проживает на Тайване. После подавления восстаний в провинции Юньнань (XIX в.) часть хуэй мигрировала на территорию Бирмы, Лаоса и Таиланда. Известно несколько региональных наименований этой группы: дунгане (в Синьцзяне), пантай (в Бирме, Лаосе), чинхау (Таиланд) и т.д.

Термин «дар аль-куфр» («обитель неверных») обозначает пребывание мусульман в странах, управляемых «неверными» (куфр). Так как мусульманская традиция не всегда отделяет политическую власть и религиозный авторитет, проживание в этих странах может вызывать сомнение в «правильности» образа жизни (ортопраксия) таких мусульманских групп.

Северо-Западный Китай исторически был своего рода «перекрестком» Евразии. Население говорит на китайских, тибетских, тюркских и монгольских диалектах, часть из которых имеют развитые письменные формы (языки). Здесь исповедуют разные формы ислама, буддизма и традиционных китайских религий, а также христианство, в прошлом также иудаизм и манихейство. В регионе пересекаются политические культуры Китая, Туркестана, Монголии и Тибета. Через него исторически проходили несколько важнейших торговых коммуникаций: Великий шелковый путь, «путь чая и коней» и т.д.

Нынешний этноконфессиональный ландшафт Северо-Западного Китая во многом рожден взаимодействием четырех культурных пространств – китайского, туркестанского, тибетского и монгольского.

Одно из исследований китайцев-мусульман названо «Между Пекином и Меккой»: в нем они видятся одновременно принадлежащими к двум культурным общностям – мусульманской (дар аль-ислам, т.е. «обитель ислама») и китайской (чжунхуа, т.е. «цивилизированный центр»). Как следствие – исключительное многообразие китайского ислама. С одной стороны, для него характерна высокая степень китаизации, которая проявляется в наличии особого «ханьского канона» (хань китаб), стиля каллиграфии сини; в архитектуре ряда мечетей (часто неотличимых от буддистских кумирен), использовании персо-арабского письма для записи текстов на китайских диалектах (сяоцзин); допустимости совершенно неисламских церемоний... вплоть до самоидентификации многих хуэй как территориальной или конфессиональной группы ханьцев. Из радикально расходящихся с другими вариантами ислама феноменов – так называемые «женские мечети» (нюйсы), в которых намаз может совершаться под руководством женщины-имама.

Важно отметить структурирующее влияние китайской традиции, с ее восприятием религии как семейного, кланового, локального феномена. В результате конфессиональные границы часто нивелируются до уровня различий между клановыми религиозными практиками. Это часто придавало межклановым конфликтам религиозную форму, но, с другой стороны, породило терпимость и / или индифферентность к религии (воспринимаемой как внутреннее дело малой группы).

А на противоположном поясе находится стремление к всеобъемлющей «арабизации» китайского ислама: наиболее распространенным в наше время «арабским мечетям», моде на саудов-

ские головные платки, жесткому соблюдению диетарных запретов (например, запрет ранее терпимого алкоголя), а также сомнение в «правильности» собственного, «китайского» ислама.

Вероятно, часть китайцев-мусульман склонна была бы видеть себя частью мировой «исламской общины» (умма аль-исламия), не признающей расового, этнического или языкового разделения правоверных (что есть не более чем идеализированный стереотип). Впрочем, китайские паломники в Мекке и Медине столкнулись с восприятием их как «неправильных» мусульман, во многом вследствие расовой принадлежности.

Не подвергая сомнению первостепенную важность китайского и исламского факторов, представляется важным добавить к нему еще два полюса / притяжения/отталкивания – Лхасу (как центр тибетского мира) и Каракорум (как метафору постимперской монгольской традиции). Симбиотические отношения с кочевыми монгольскими или тибетскими группами сформировали на периферии китайско-мусульманского ареала ряд численно небольших групп, для которых характерно языковое и конфессиональное смешение. Таковы монголоязычные сарты (дунсян), баоань, «белые монголы» (ту, цаган монгол), тюркоязычные салары (огузский диалект которых содержит значительные пласты тибетской и монгольской лексики), тибетские мусульмане качэ, тюрко- и монголоязычные сара-уйгуры (т.е. «желтые уйгуры»).

Мозаичная этноконфессиональная структура региона объективно вела к нечеткости, пластичности и многоуровневости идентичностей, исключая четкость границ между религиями или этносами. Появление первых мусульман на территории Китая (бияд аль-Син) относится к периоду династии Тан (617–907), когда ближневосточные торговцы достигли Кантона морским путем через Индийский океан. Но появление в пределах Китая местной исламской общины относится к эпохе монгольской династии Юань (1271–1368). Вероятно, значительную ее часть первоначально составляли выходцы из Центральной Азии (тюрки, персы, монголы), известные в Китае под собирательным термином «люди особых категорий» (сэмужэнь). Параллельно для обозначения неханьских жителей Ганьсу восточной части современного Синьцзяна употреблялся термин «уйгуры» (хуэйху. хуэйгу, хуйэхуэй, для жителей Уйгурского каганата домонгольского времени) безотносительно конфессиональной принадлежности.

При свержении власти монгольской династии часть мусульман, ассоциированных с завоевателями, была истреблена или из-

гнана, однако значительная часть осталась и при Минской династии (1368–1644) постепенно интегрировалась в китайское общество (элита за счет социальных лифтов, связанных с торговлей или экзаменационной системой, а простолюдины – благодаря локальности китайских религий). Мусульмане составляли значительную часть населения северо-запада и торговых центров. Под сильным влиянием империи находились тюрко-мусульманские ханства Восточного Синьцзяна (Уйгуристана). Постепенно термин «хуэй» (производное от «уйгур») стал недифференцированно применяться в отношении всего мусульманского населения. Неисламское население, как правило, именовалось «фань» (общий термин для жителей исторического Тибета и соседних территорий).

Ситуация серьезно меняется при маньчжурской династии Цин (1636–1912). Это связано со следующими факторами: резким ростом мусульманского населения после завоевания маньчжурами Кашгарии (юг современного Синьцзяна), Кукунора (современная провинция Цинхай), некоторых исламизированных групп монголов; экспансией суфийских братств (тарикат), в частности Накшбандийя; на восток – первоначально в Кашгарию (где возникло несколько династий ходжей), а затем и в пределы Внутреннего Китая. В последующем территория Китая неоднократно становилась объектом проповеди различных форм так называемого «чистого ислама» (т.е. требовавшего возврата к нормам, реальным или воображаемым, эпохи Мухаммеда и праведных халифов). Помимо количественного роста исламского населения империя столкнулась с качественно более сложной его структурой.

Специфика Цинского «имперского проекта» во Внутренней Азии. Маньчжурские императоры проводили дифференцированную политику в отношении разных групп подданных с учетом этнокультурных и религиозных особенностей, специфики политической культуры и т.д. Иногда учет особенностей трансформировался в прямое конструирование общностей в административных целях.

Исключительная разнородность мусульманского населения (лингвистическая, конфессиональная, политико-культурная) исключала проведение унифицированной политики в отношении разных его категорий (что в некоторой степени удалось в отношении маньчжуров, монголов и тибетцев). Уже в документах начала XVIII в. начинает проявляться дифференциация терминологии: появляются «мусульмане в тюрбанах» (чаньтоу-хуэй, для оседлых тюрков Синьцзяна), «мусульмано-тибетцы» (фань-хуэй), различные

монголоязычные мусульмане (дунсян-хуэй, баоань-хуэй), «салары-мусульмане» (сала-хуэй) в Ганьсу. В монгольских документах (монгольский официально использовался Цинской династией) впервые для обозначения тюрок Синьцзяна стал употребляться термин «уйгур».

Оставалась еще значительная группа, именуемая в документах «ханьцы-мусульмане» (хань-хуэй или, наоборот, хуэй-хань), «мусульмане в ханьской одежде» (ханьчжуан-хуэй), а также «белошапочные мусульмане» (баймао-хуэй). Отличие от остальных мусульман носило, впрочем, не этнокультурный характер («ханьцы», «в ханьской одежде»). Среди хань-хуэй могли вполне быть тюркоязычные или монголоязычные группы. Равно как и китайязычные мусульмане вполне могли оказаться вне рамок этой группы. Дифференциация между группами имела в первую очередь административно-политический характер. В отличие от тюрок Синьцзяна или тибетских мусульман, управлявшихся своей аристократией, «ханьцы-мусульмане» были интегрированы в стандартную китайскую систему управления, так называемые «округа и уезды» (цзюньсянь чжи) провинций Ганьсу (включала современные Нинся и часть Цинхая) и Шэньси. Подобно ханьцам и китайизированным аборигенам Южного Китая они регистрировались Министерством финансов, платили налоги и несли повинности.

Сложность представляла, однако, сложная конфессиональная структура хань-хуэй. Среди них были сунниты (гэдиму), последователи различных суфийских братств (кубравийя, джахирийя, хафийя и т.д.). Цинские власти довольно произвольно, основываясь на времени появления на территории империи, разделили их на две категории: «старое учение» (лаоцзяо) и «новое учение» (синьцзяо). Первые рассматривались как «лояльные» (хуэйминь), вторые – как «бунтовщики» (хуэйфэй или хуэйцзэй) или «еретики» (сецзяо). Конфликты внутри мусульманской общины, а также между мусульманами и ханьцами или мусульманами и маньчжурскими властями, интерпретировались в религиозных терминах как результат действий сторонников «нового учения». Лояльность «старого учения» особых сомнений не вызывала: значительная часть солдат китайских «войск зеленого знамени», размещенных в гарнизонах завоеванной Кашгарии (а также в Илийском крае), составляли мусульмане из Шэньси и Ганьсу.

Значительное изменение ситуации произошло в середине XIX в. В 1864 г. начались ханьско-хуэйские столкновения (седоу) в Шэньси, переросшие в полноценные боевые действия, сопро-

вождавшиеся этническими чистками (сихуэй). В дальнейшем они перекинулись на соседнюю провинцию Ганьсу. Слухи о резне мусульман вызвали брожение в гарнизонах Синьцзяна, что катализировало восстание в регионе и возникновение повстанческого государства Якуб-бека. Впрочем, доминировавшие в восстании тюрки вскоре вступили в конфликт с китайскими мусульманами и объявили «священную войну» (джихад) против хуэй Синьцзяна (солдаты, жители земледельческих колоний и торговцы).

В ходе подавления восстания генералом Цзо Цзунтаном была найдена «формула» умиротворения. Мусульмане провинции Шэньси, за исключением небольших общин, в частности в Сиане, были уничтожены или изгнаны. В Ганьсу часть территории (так называемый «коридор Хэси») была также очищена от мусульман, а в других провинциях произошли размежевания. Так, ханьцы были переселены из области Хэчжоу, на их место поселены хуэй, изгнанные из других районов. Результатом стало формирование территорий с доминирующим мусульманским населением – в XX в. на их месте возникнут автономные район (Нинся) и округ (Линься).

Другим следствием был компромисс, достигнутый между властями (Цзо Цзунтан) и частью повстанцев (Ма Чжаньбао и др.). Отряды мусульман были включены в состав цинских войск, подавивших восстание тюрков-мусульман в Кашгарии. Примечательно, что ключевые центры повстанцев были взяты мусульманскими отрядами Ма Аньляна и Дун Фусяна.

После восстания политическая ситуация на северо-западе Китая во многом стала определяться позицией мусульманских союзников цинского правительства. Они взяли на себя полицейские функции, участвуя в подавлении социальных и религиозных выступлений. Примечательно, что мусульманские полицейские формирования активно подавляли исламские религиозные движения, в частности деятельность как сторонников «чистого ислама» (так называемое «Мусульманское братство», или ихэвани), так и сторонников более китаизированной формы ислама (сидаотан – «Секта западного Дао», или ханьсюэ-пай). В последнем случае видно, что политическая лояльность ставилась выше соображений ассимиляции.

К концу XIX в. мусульмане Ганьсу усиливают свои позиции. При создании в 1898-1900 гг. новых вооруженных сил Китая (увэй) одна из первых пяти дивизий была сформирована из мусульман под командованием Дун Фусяна. Ее части приняли уча-

стие в обороне Пекина от иностранных войск в 1900 г. Во время революции 1911–1912 гг. мусульманские войска заняли проправительственную позицию. Отряды Ма Аньляна пришли на помощь маньчжурским властям региона (губернатор Шэньюнь и др.) и сохраняли верность императору даже после его отречения. Признав, в конце концов, республику, мусульманские лидеры еще более укрепили свои позиции в регионе. В период республики северо-запад (Ганьсу, Цинхай, Нинся) находился практически под полным контролем мусульманских кланов (так называемая мацзя изюньфа, или «милитаристы семейства Ма»), лидеры которых носили фамилию Ма (производное от Мухаммед). Сохраняя лояльность центральному правительству, они небезуспешно осуществляли экспансию на соседние территории. В начале 1930-х годов они изгнали отряды тибетцев из Южного Цинхая и Западной Сычуани, участвовали в борьбе за контроль над Синьцзяном против тюркских повстанцев (к этому времени получивших общее наименование уйгуров) и советской экспансии. На общенациональном уровне община хуэй добилась официального признания в конце 1930-х годов, когда мусульманам (включая уйгуров) были предоставлены различные преференции в сфере образования, представительства.

Конец господства мусульманских кланов относится ко второй половине 1940-х годов, когда коммунисты одержали победу в гражданской войне. Впрочем, еще в ее ходе лидеры КПК установили партнерские отношения с некоторыми мусульманскими лидерами. Результатом стало признание особого статуса хуэй как «национального меньшинства» и создание системы автономных территорий там, где хуэй составляли значительную долю населения.

В 1952 г. была создана Всекитайская исламская ассоциация, объединившая всех китайских мусульман вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности. Тогда же были основаны первые автономии. В настоящее время существует Нинся-хуэйский автономный район, Линься-хуэйский и Чанцзи-хуэйский автономные округа и 14 автономных уездов, десятки волостей.

Отношения государства и мусульманской общины носили различный характер на протяжении истории КНР. Относительный либерализм сменился антирелигиозным курсом периода «культурной революции». Следует отметить существенные региональные отличия: политика периода «культурной революции» варьировалась от вооруженных столкновений в провинции Юньнань (они были спровоцированы созданием «народных коммун», которым

было предписано заниматься свиноводством), до сравнительно спокойного сосуществования властей и мусульман в Синьцзяне (что объясняется политикой местных властей, не допустивших в регионе эксцессы, аналогичные произошедшим в других местах).

Период реформ конца XX в. начался для китайцев-мусульман с восстановления разрушенной в ходе 1960–1970-х годов религиозной и общинной инфраструктуры. В начале 1980-х годов были вновь открыты мечети и медресе, разрешено паломничество в Мекку. К концу 1980-х годов количество паломников достигло 2 тыс. человек в год. Тогда же была восстановлена и особая система образования для хуэй, в частности закрытые во время «культурной революции» школы для девочек (закрытие привело к снижению уровня образования, так как мусульманские семьи перестали посылать дочерей в смешанные школы). В середине 1980-х годов стали открываться школы, а затем и особые институты для обучения арабскому языку.

Статус «национального меньшинства» позволил мечетям (как общинным институтам) участвовать в экономической деятельности, в частности развивать коммерческую инфраструктуру – создавать гостиницы, торговые компании, даже банки.

В целом для политики властей КНР в отношении хуэй характерна двойственность, являющаяся отражением специфики этой группы, которая одновременно является признанным «национальным меньшинством» и религиозной общиной. Примечательно, что «национальная» политика и «религиозная политика» обладают рядом отличий, проистекающих из принципиальной разницы подходов.

Хуэй как «национальное меньшинство».

Как «нацменьшинство» хуэй рассматриваются Пекином в качестве определенно более лояльной группы, чем другие мусульмане. Это имеет как исторические, так и культурные объяснения. Степень интеграции в китайское общество проявляется в присутствии хуэй среди высшего политического (вице-премьер Хуэй Ляньъюй) или военного состава, что является одним из четких маркеров лояльности руководства.

В этом качестве они часто используются как инструмент колонизации неханьских территорий (Цинхай, Тибет, Синьцзян), что не может не привести к конфликту с коренным населением (тибетцами или уйгурами). Однако особую озабоченность у властей вызывает потенциальная возможность распространения среди хуэй общемусульманской идентичности либо распада общины на тер-

риториальные или конфессиональные группы (отношения между которыми исторически были и остаются напряженными).

Очевидно, что власти заинтересованы в укреплении общей для разных групп хуэй идентичности вопреки объективным отличиям. В связи с этим, например, распространяется концепция единства этнического происхождения хуэй, сформировавшихся в результате смешения центральноазиатских и ханьских групп (что вполне вероятно для северо-запада Китая, но проблематично, а порой абсурдно для других регионов).

Другим способом обеспечения единства хуэй является существование общей светской инфраструктуры (школ, детских садов, больниц), организованной по административно-территориальному принципу, и не учитывающей различные существующие варианты ислама.

Парадоксальным представляется существование значительной категории нерелигиозных «мусульман», на которых распространяются льготы, но которые отличаются от ханьцев разве что легально признанным происхождением от предков-мусульман. В КНР наблюдается тенденция реже использовать слово «хуэй» в религиозном контексте, т.е. терминологически различать «мусульман по вере» (мусулинь жэнь, исылань цзяоту) от этнических мусульман (хуэй жэнь).

Хуэй как религиозная община.

Существует давняя традиция рассматривать мусульман в качестве источника опасности. Есть распространенные стереотипы, определяющие последователей ислама как людей, склонных к насилию, бунтам и т.д. Укреплению этих стереотипов, безусловно, способствовали восстания XIX в. и участие хуэй в военных конфликтах. Вплоть до настоящего времени не являются редкостью бытовые конфликты, укрепляющие подобное отношение. Не следует забывать и о негативном образе ислама, сформировавшемся в СМИ после волны исламского терроризма 1990–2000-х годов.

Китайские власти также прекрасно осведомлены о существующих среди хуэй конфессиональных различиях и частых конфликтах между приверженцами разных толков ислама. В этих условиях правительство проводит в отношении хуэй политику, прямо противоположную описанной выше,

КНР стремится дистанцироваться от внутренних конфликтов в мусульманской среде и пытается, насколько это возможно, пространственно разделить враждующие группы. Строятся отдельные культовые центры (включающие мечеть, медресе, места для риту-

ального забоя животных) и окружающая инфраструктура (рестораны, прачечные, торговые центры), призванные минимизировать бытовые конфликты между ними. Необходимо отметить, что власти, по всей видимости, берут на себя, полностью или частично, бремя расходов, а также организационные мероприятия.

Таким образом, единство хуэй (как религиозной группы) не является целью политики китайского правительства, которое склонно нейтрально относиться к существующим конфессиональным группам. Отказ от выделения «более лояльных, традиционных» групп и дискриминация «менее лояльных, нетрадиционных» (что, к сожалению, характерно для современной России) создают ситуацию, для которой характерна достаточно высокая степень религиозных свобод. С другой стороны, разделение мусульманской общины (в целом, равно как и общины хуэй-мусульман) на отдельные группы препятствует распространению потенциально опасной исламистской пропаганды и враждебной деятельности.

Парадоксальная двойственность политики китайских властей в отношении китайцев-мусульман есть в значительной степени продукт современных представлений о том, что есть религия, народ, культура и т.д. Сформировавшиеся в эпоху модерна представления отражают их роль в процессе складывания / строительства современных наций, нуждавшихся в них как в дополнительных факторах единства. В рамках таких представлений религия, например, видится, а часто и является монолитной системой, отделенной от внешнего мира стеной догматов и практик. Отчасти это оправдано, но только для типичных для Запада организованных религий. А народ наделяется единством происхождения и ментальности (пресловутый национальный характер). Более того, этим понятиям приписывается тотальная власть над поведением заключенных в их рамки людей, в результате чего рождаются искусственные общности вроде «китайско-конфуцианской цивилизации», «мусульманского мира» или «славяно-православной цивилизации».

Китайская история не знала массовых, «общенациональных» религий (или квазирелигий), а концепция «нации» пришла на Дальний Восток только в XIX в. Несмотря на то что официальные идеологии постулируют существование единой «китайской нации», степень ее единства не стоит преувеличивать. То же самое касается и более мелких ее составляющих, одной из которых являются «китайцы-мусульмане», или хуэй.

«Этническая политика и невоенные аспекты безопасности», Владивосток, 2013 г., с. 86–96.

В. Беляков,
востоковед
МУСУЛЬМАНСКИЕ ПРАЗДНИКИ
В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ

Арабские армии на клинках своих сабель принесли в завоеванные ими страны и собственную религию, ислам, и свой язык. В тех странах, где по историческим меркам арабы задержались сравнительно недолго, скажем, в Центральной Азии, прижился лишь ислам, а там, где они господствовали веками, как на Ближнем Востоке и в Северной Африке, – еще и арабский язык. Но поскольку почти все эти страны к моменту арабского завоевания имели многовековую (а некоторые и многотысячелетнюю) историю, собственный язык и развитую религиозную систему, то и арабский язык, и ислам они, если можно так выразиться, «подгоняли под себя».

Наиболее ярко выраженное доказательство такой «подгонки» – наличие многочисленных региональных диалектов арабского языка, впитавших в себя и огромное количество лексики национального языка, и ряд его грамматических конструкций. Примером может служить египетский диалект. То же и с исламом. Конечно, речь не идет об основных догматах веры. Но наличие многочисленных сект в исламе во многом объясняется именно такой «подгонкой». И основные мусульманские праздники имеют в каждой стране свой национальный колорит.

Автор, который много лет жил и работал в Египте, не ставил своей целью проанализировать в данной статье истоки особенностей мусульманских праздников в этой стране или сравнить их с праздниками других исламских стран. Поставленная задача куда скромнее: показать глазами очевидца, как египетские мусульмане отмечают свои религиозные праздники.

Главный праздник мусульман – ид аль-адха, праздник жертвоприношения, отмечаемый по окончании сезона паломничества в Мекку. Рано утром в день праздника каждый мусульманин, кому это по карману, должен принести в жертву Аллаху овцу или барана. За несколько дней до этого в благополучные кварталы Каира пригоняют небольшие стада овец или коз. Купленных животных держат во дворах, и по всему району разносится их блеяние. Принести жертву можно во дворе собственного дома, пригласив для этого специально обученного человека. Он ловко заколет ее, сольет кровь, снимет шкуру. А можно отвести животное к мяснику и

принести его в жертву там. Часть мяса ест сама семья, остальное раздают бедноте.

Праздник жертвоприношения продолжается обычно четыре дня, а если он падает на выходные (в Египте – пятница и суббота), то продлевается на эти дни. Многие египтяне не знают, что такое отпуск, и для них религиозные праздники – единственная возможность отдохнуть от трудовых будней. В первый день ид аль-адха все магазины и лавки закрыты, поэтому египтяне заранее запасаются продуктами первой необходимости, особенно хлебом. Людей на улицах мало, машин тоже. Зато часто попадаются одноосные тележки, запряженные парой осликов, с горкой наваленных в них шкур. Их везут в квартал между улицами Магра аль-Уюн и Салах Салем, где расположены десятки маленьких мастерских по выделке меха и кожи. Много людей у кладбищ: в этот день принято посещать могилы предков. Возле входов на кладбища продают небольшие венки, сделанные главным образом из пальмовых листьев.

На второй день праздника жизнь в Каире начинает понемногу восстанавливаться. Открываются магазины, горожане отправляются в гости к родственникам и друзьям, заполняют парки и скверы. Любимые места отдыха – парк у водоподъемных плотин в местечке Канатер севернее Каира, откуда начинается дельта Нила, и зоопарк. В Канатер приятнее всего добираться на речном трамвайчике, от причала, расположенного в самом центре города, напротив здания телевидения. Ну, а зоопарк в Гизе на левом берегу Нила оказался ныне тоже почти в центре города. Он был основан еще в конце XIX в. и теперь так же плотно окружен городской застройкой, как и зоопарк в Москве. В праздник там просто яблоку негде упасть. Все газоны и берега прудов заняты отдыхающими.

Одна из наиболее ярких черт национального характера египтян – коллективизм. Эта черта, как можно предположить, сформировалась еще в глубокой древности, из потребности совместного труда для создания и поддержания оросительных систем. Египтянин вполне комфортно чувствует себя в толпе. И во время отдыха у него нет потребности в уединении. Поэтому все праздники в Египте отмечены народными гуляниями. Во время такого гуляния легче ощутить атмосферу праздника, а это, в свою очередь, способствует психологической разгрузке после трудовых будней, особенно в таком огромном городе, как Каир.

Праздник ид аль-адха отмечается в десятый день месяца зу аль-хиджа по мусульманскому лунному календарю. Первые дни

этого месяца – сезон ежегодного паломничества в Мекку. Паломничество, по-арабски хадж (в Нижнем Египте обычно говорят хагг), – один из пяти столпов ислама. Это самый достойный поступок за всю жизнь мусульманина. Совершивший паломничество получает титул хаджи (хагг) и пользуется особым уважением египтян. Деревенский житель, побывавший в Мекке, обычно рисует на стене своего дома картину, иллюстрирующую его путешествие. На ней изображена Большая мечеть Мекки, где находится святыня мусульман Кааба с ее семью минаретами, а также транспортное средство, на котором паломник добирался до места назначения – самолет, теплоход или автобус. Так что уже за версту видно, что в этом доме живет хагг. В дни празднования ид аль адха на родину из Мекки начинают возвращаться паломники, отправившиеся туда на самолете. В Каирском аэропорту их встречает возбужденная толпа родственников и друзей. Все погружаются в несколько такси, и кавалькада следует в город. Паломники машут из открытых окон зелеными флагами, а водители периодически подают звуковые и световые сигналы. Так что прохожие издали видят, что это возвращается домой новоявленный хагг.

Второй по значению праздник мусульман – ид аль-фитр, праздник разговения по окончании Рамадана, месяца поста. Но и сам Рамадан воспринимается египтянами как своеобразный праздник. «Праздничное настроение охватывает страну, улицы украшены», – отмечает египетский автор. По вечерам в Каире разноцветными огнями вспыхивают тысячи фонарей. Подхватив полусонных ребятишек, каирцы идут гулять. Шумная толпа не умещается на тротуарах, то и дело выплескивается на проезжую часть. Раскинув подстилки, люди оккупируют скверы: в Каире по газонам ходить разрешается. Иные даже варят на примусе кофе, а то и разводят небольшой костерок. И повсюду звучит радостное: «Рамадан керим!» («С благословенным Рамаданом!»). Традиционный центр народных гуляний – площадь Хусейна в средневековой части Каира, напротив знаменитой мечети Аль-Азхар.

Рамадан – название девятого месяца мусульманского лунного календаря. Это месяц поста, а пост тоже один из пяти «столпов ислама». С восхода до захода солнца мусульмане не едят, не пьют, не курят, не занимаются плотскими утехами. Традиция эта призвана усмирить тело, подчинить его духу. Во время Рамадана надо вести себя особенно благочестиво, читать Коран. На 30 дней из ресторанов исчезают исполнительницы знаменитого танца живота, а с полок магазинов – спиртное. В ресторане иностранцу, но не

египтянину, могут подать виски или пиво, но первый напиток в чашке, а второй в непрозрачном кувшине, чтобы соседям не было видно содержимое этих сосудов.

Мусульманский год короче григорианского на 10–11 дней, и потому, как и все религиозные праздники, Рамадан постоянно сдвигается назад. Проще всего соблюдать пост зимой: и день короче, и не жарко, так что меньше хочется пить. Днем египтяне соблюдают пост, но вечером наедаются от души. Согласно статистике, во время Рамадана потребление продуктов питания возрастает на треть. Особым деликатесом считаются сушеные фрукты и орехи. А вот рыбу в Рамадан стараются не есть, так как она вызывает жажду. Как новогодняя елка у нас, неотъемлемый атрибут Рамадана в Египте – фанус, цветной фонарь. Достоверно известно, что фонари вошли в традицию во время правления династии Фатимидов, завоевавшей Египет в 969 г., но некоторые исследователи считают, что даже раньше. Говорят, когда-то с такими фонарями ходили вечерами от дома к дому дети, поздравляя соседей и получая за это гостинцы. Сейчас эта традиция забылась, а вот фонари остались. Разнообразных форм и размеров (преобладают шести- или восьмигранные, сравнительно небольшие), с металлическим каркасом и цветными стеклами, они изготовлены местными ремесленниками. Внутри зажигается свеча или масляная лампа. Но немало ныне фонарей и с электрическими лампами, которые вешают у мечетей и домов. Популярны также небольшие пластмассовые фонари на батарейках, изготовленные преимущественно в Китае. Они дешевы и безопасны.

Весь уклад жизни в Рамадан меняется. Египтяне встают поздно. На работе высиживают часов до двух – и домой. Ложатся спать. Ближе к вечеру встают и начинают готовить завтрак-ифтар. А затем принимают к радиоприемникам или включают телевизор. Пост на закате солнца прерывается выстрелом пушки, и этот мирный выстрел транслируют радио и телевидение. До 1991 г. пушка стреляла с каирской Цитадели, возвышающейся над городом. Потом ее перенесли на стадион исламского университета Аль-Азхар: Департамент древностей решил, что вызываемая пальбой вибрация вредит средневековым мечетям. Пушка старинная: она была изготовлена немецкой компанией «Крупп» 200 лет назад. Кстати сказать, время прерывания поста в Египте так и называется – мид-фаа, т.е. пушка. Услышав выстрел пушки, египтяне не спешат к тарелкам. Сначала они пьют абрикосовый сок и съедают несколь-

ко размоченных в воде сушеных фиников, затем совершают короткую молитву, а уж потом – за стол.

В это время жизнь в 18-миллионном Каире замирает. Городской транспорт останавливается там, где застал его выстрел пушки. Водители и пассажиры достают кульки и принимаются за еду. Регулировщики спешат к ближайшему столу милосердия. Такой стол – египтяне называют его маида ар-рахман, во время Рамадана устраивается в каждом квартале. Организуют его для бедноты, но каждый, кого сигнал пушки застал на улице, даже вальяжный владелец мерседеса, может бесплатно утолить голод. Еда вполне сытная: салат из свежих овощей, мясо с рисом, чай, хлеб. Так проявляется благотворительность – неотъемлемая черта исламского общества. Каждый мусульманин, в зависимости от своего дохода, обязан платить религиозный налог – закят, и это еще один из пяти столпов ислама. Деньги идут на нужды религии и особенно бедноты, помогая поддерживать социальный баланс в обществе.

В 2008 г., в связи со значительным подорожанием продуктов питания, столов милосердия во время Рамадана в Египте было меньше, чем обычно. Однако по инициативе Национального женского совета, отсутствующие столы были компенсированы продуктовыми пайками, которые раздавали нуждающимся, главным образом в сельских районах Верхнего Египта. Средства на пайки поступили из бюджета некоторых министерств, больше всего – от Министерства обороны, от общественных организаций и частных лиц. Каждый паек включал 2 кг сахара, по 2 кг риса и макарон, 20 кг муки, 2 бутылки растительного масла, пачку сливочного масла, бобы, чечевицу и сушеные финики.

Каждая политическая партия и общественная организация один раз в этот месяц устраивает собственный ифтар. Его организуют также высшие представители мусульманского духовенства, муфтий Египта и верховный шейх университета Аль-Азхар. Они приглашают на ифтар и верхушку коптской общины во главе с патриархом. Для этого арендуется ресторан, причем чаще всего – в одном из многочисленных пятизвездных отелей Каира. Свой корпоративный ифтар устраивают и руководители различных компаний, но уже в ресторанах попроще. После ифтара улицы постепенно заполняет пестрая толпа. Но если обычно народ просто глазеез на витрины, почти не заходя в магазины, то в Рамадан в них полно покупателей. Египтяне готовятся к празднику ид аль-фитр, во время которого принято делать детям подарки, главным образом в виде новой одежды.

Магазины и кафе работают в Рамадан почти до утра. Но большинство каирцев к полуночи возвращаются домой. Телевидение показывает новые сериалы, в которых заняты самые знаменитые актеры. Тематика сериалов разнообразна, есть и религиозные сериалы. За просмотром телевизора тают выставленные на стол орехи и сладости. Но вот программы кончаются. Скоро наступит рассвет. Можно последний раз поесть, пока выстрел из пушки не возвестит о начале поста (этот прием пищи называется сухур), а потом – спать. Иногда различные организации и фирмы устраивают и корпоративный сухур, но это происходит значительно реже, чем совместный ифтар.

Наступающий по окончании Рамадана праздник ид аль-фитр отмечают три дня плюс выходные, если праздник выпадает на них. Он начинается на рассвете особой молитвой в мечетях. Люди поздравляют друг друга: «Ид мубарак!» («С благословенным праздником!»). Большую часть праздничных дней египтяне проводят дома. Важная черта этого праздника – благотворительность. Все, кто в состоянии сделать это, должны в эти дни помочь нуждающимся – деньгами, продуктами или вещами.

Незадолго до еще одного исламского праздника, ид аль-маулид (день рождения Пророка Мухаммеда), на улицах египетских городов можно увидеть такую картину. Небольшой фургончик тормозит у кондитерской лавки. Двое мужчин выгружают из него деревянные брусья, веревки, тюки яркой узорчатой ткани. Работают они не торопясь, и все же через несколько часов на тротуаре возле кондитерской вырастает красочный шатер. Производство шатров, которые легко сначала собрать, а потом разобрать – один из традиционных видов египетского декоративно-прикладного искусства. До сих пор в южной части улицы Муизза – центральной улицы средневекового Каира, за воротами Баб аз-Зувейла, существует небольшой шатровый рынок. Выбор ярких, узорчатых тканей колоссальный, как и размеров будущих шатров. Их установка – особая профессия, передаваемая из поколения в поколение.

Появление шатра в Египте – признак важного, необычного события. В шатрах юбиляры и новобрачные принимают поздравления, а родные и близкие покойного – соболезнования, в шатрах же встречаются с избирателями кандидаты от различных партий накануне парламентских или муниципальных выборов. Возводят шатры и в Рамадан. В них устанавливают столы милосердия. Но на этот раз в шатре ставят не столы, а прилавок. Из кондитерской

лавки выносят и водружают на прилавок круглые и квадратные коробки с наборами сладостей. Картонные штабеля украшают сахарные куклы – арусат аль-маулид, непременный атрибут праздника.

Возведением шатров возле кондитерских лавок начинается подготовка к маулид ан-наби, поскольку сами лавки уже не справляются с наплывом покупателей. Для египтян иметь на столе сладости в день рождения Пророка так же необходимо, как для русских – елку на Новый год. Маулид ан-наби нередко так и называют – «сладкий праздник» (ид аль-хильв). Правда, и самый скромный набор сладостей стоит недешево, для семейного бюджета он, конечно, бремя. Но бремя сладкое – не только в прямом, но и в переносном смысле этого слова. Напомним, что многие египтяне не знают, что такое отпуск, и для них единственная возможность немного передохнуть и развлечься – религиозные праздники. Правда, в отличие от многодневных ид аль-адха и ид аль-фитр, маулид ан-наби отмечают лишь один день. Примечательно, что схожая традиция празднования дня рождения Пророка существует и в Марокко. Там этот день называют «медовый праздник» (ид аль-асаль), и марокканцы угощают друг друга молоком с медом.

Маулид ан-наби начинается в мечетях особыми проповедями, а заканчивается уличными гуляниями. Любимое место сбора каирцев в этот день, как и во время Рамадана, – на площади возле просторной мечети, которая носит имя внука пророка Мухаммеда Хусейна. Эта мечеть, расположенная напротив знаменитой мечети Аль-Азхар, почитается правоверными как святыня. Входить в нее могут только мусульмане. Здание мечети Хусейна построено лишь в 1870 г. на месте обветшавшей мечети XII в., но важен не возраст, а религиозное значение. В мечети хранится священная реликвия – голова погибшего в 680 г. в Кербеле (Ирак) Хусейна.

Бывает, что на площадь Хусейна и в соседние улочки в день праздника приходит до миллиона людей – приодетых, с зажженными фонарями, с малыми детьми на руках. Через плотную толпу, расположившуюся на газоне сквера или прямо на асфальте, с трудом протискиваются лотошники с кулечками орехов и семечек, продавцы шербета, а то и простой воды. В близлежащих кофейнях летают, как на крыльях, официанты, едва успевая обслужить всех желающих выпить чашечку кофе или – что дешевле и доступнее – стаканчик крепкого и очень сладкого чая. К кофе, а нередко – и к чаю, принято подавать холодную воду. Пьют так: глоток кофе – глоток воды, снова глоток кофе, и так далее. Смысл этой традиции

в том, что вода омывает рецепторы, и каждый следующий глоток кофе становится таким же вкусным, как и первый. Мужчины заказывают себе еще и шишу (кальян), без которой египетская кофейня просто немыслима. Табак – на выбор: с ароматом яблока, абрикоса, гуавы. Самая популярная кофейня в районе мечети Хусейна – «Фишави». Она открыта круглые сутки. Говорят, что эта кофейня вообще ни разу не закрывалась со времени египетской экспедиции Наполеона, а с тех пор прошло уже больше 200 лет. Словом, развлечения нехитрые. Главное же – атмосфера всеобщей приподнятости, приобщения к празднику, соседство мечети внука самого Пророка Мухаммеда! Ради этого стоит трястись в набитом битком автобусе или даже пройти полгорода пешком.

Отмечают в Египте и дни рождения святых – того же Хусейна или внуки Пророка Мухаммеда – Сейиды Зейнаб. В городе Танта в дельте Нила каждый год собирает толпы людей маулид похороненного там популярного проповедника XIII в. Ахмеда аль-Бадауи. Во многих городах и даже деревнях есть свои могилы выдающихся деятелей, которым ежегодно поклоняются. Но лишь маулид ан-наби – праздник всенародный.

Наиболее скромно отмечаемый египтянами мусульманский праздник – наступление Нового года по лунному календарю хиджры. Этот день – официальный выходной, но не более того. Никаких общественных празднеств в этот день не устраивается.

«Этикет народов Востока: Нормативная традиция, ритуал, обычаи», М., 2011 г., с. 352–359.

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Дина Малышева,
доктор политических наук (ИМЭМО РАН)
**«АРАБСКАЯ ВЕСНА» ГЛАЗАМИ
РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ**

Рецензируемый коллективный труд³ – первый в отечественной научной литературе всесторонний анализ сложного и противоречивого контекста «арабской весны», или, иначе, «арабского пробуждения». Авторы выявляют широкую гамму конкурирующих интересов, многочисленных факторов и предпосылок, определивших своеобразие протестной волны на Ближнем Востоке. Кроме того, книга дает детальный прогноз дальнейшего хода событий и сценариев будущей политической конфигурации Арабского Востока, показывает особенности восприятия происходящего российским научным сообществом и, что особенно ценно, – значимость всего этого для России.

Одна из первых статей принадлежит перу выдающегося знатока Ближнего Востока, известного политического и общественно-го деятеля академика Е. Примакова, а другая – крупнейшему ученому, члену-корреспонденту РАН В. Наумкину. Заданной планке соответствуют практически все материалы, в которых авторский анализ базируется на внушительной по объему фактической информации, тщательно выверенном документальном материале, почерпнутом из различных источников. Рецензируемый труд отличается многоплановостью, широкомасштабным характером исследования, сбалансированностью оценок.

Авторы склоняются к тому, что «арабская весна» положила начало трансформации арабских обществ, которой многое препятствовало. Архаичная политическая надстройка в ряде стран, где у

³ «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: Что дальше?» (под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М., 2012).

власти, часто бессменно, находились давно пережившие свою эпоху «сильные личности» (Каддафи) или генералы (Мубарак); отсутствие гражданских свобод и социальных лифтов; усугублявшиеся социальные и имущественные диспропорции; коррупция, ставшая системным фактором; слабость социальной политики, экономическая стагнация. «Арабское пробуждение» рассматривается и как результат недозавершенной деколонизации, и как свидетельство продвижения по миру демократизации, и как своеобразный результат глобального экономического кризиса, что в целом «сгустило проблемы в неустойчивой части арабского мира и не позволило арабской экономике к моменту начала протестных движений в достаточной степени оправиться после удара» (с. 34). Но арабское протестное движение развивалось в разных странах по собственным законам.

Один из итогов «арабского пробуждения» российские ученые усматривают в том что в регионе Ближнего Востока создан «неустойчивый и противоречивый баланс интересов и сил между различными фракциями, которые, так или иначе, являются продуктом эпохи предыдущего правления. Из недр общества вышли на арену и все громче заявляют о себе новые силы, часто позиционирующие себя как исламские, они радикально настроены, требуют перемен и своего места под солнцем» (Ю. Зинин, с. 350). При этом страны региона рискуют вообще отказаться от идеи устойчивого развития и вступить в новый виток замедления роста и опасности утраты стимулов к развитию. Все эти обстоятельства обусловили многочисленные интерпретации «арабской весны» как результата воздействия внешних сил. Вариацию такой конспирологической версии предлагает в своей статье О. Павлов: «Все происходящее на Ближнем Востоке за последние три года является результатом действия мировых финансово-политических элит, которые подталкивают Вашингтон, а вместе с ним Лондон и Париж к тому, чтобы довести до логического конца процессы глобализации; с помощью исламских радикалов завершить разгром национальных суверенных государств на просторах Евразии (тут цели совпадают с исламистскими), создать обстановку хаоса, в которой гораздо легче продлить жизнь умирающему доллару и предотвратить формирование действительно многополярного мира, основанием для которого могло бы стать создание крупных региональных блоков государств, обладающих собственными сильными региональными валютами, способными бросить вызов нынешней валютно-финансовой системе. Поэтому острие “арабских револю-

ций” нацелено не против арабских диктаторов, а против складывающегося на наших глазах Евразийского Союза и Китая» (с. 135).

В ряде других статей сборника доказывается абсурдность попыток свести всю сложность и пестроту международных отношений в регионе Ближнего Востока лишь к борьбе внешних сил за контроль над ресурсами и геополитический передел мира, первую скрипку в котором играют США. Заблуждением было бы также, подчеркивает И. Звягельская, представлять египетских и тунисских оппозиционеров, как это порой делается в России в соответствии с конспирологическими теориями, как манипулируемых Западом и используемых им в своих целях (с. 531–532). Отмечена и положительная роль России и Китая, выступивших в сирийском конфликте с идеей посредничества и понуждения сторон к национальному диалогу. Анализ перипетий внешнего вмешательства в арабские дела позволяет авторам сборника вывести некоторые уроки, касающиеся серьезных изменений – и не в лучшую сторону – международного климата. Речь идет прежде всего о возросшем влиянии военной силы в реализовавшейся тенденции к интервенционализму со стороны ряда стран Запада. Как справедливо отмечает В. Наумкин, «масштабное военное противостояние, ставшее результатом борьбы мятежников с режимами в Ливии и Сирии, заострило вопрос о легитимности, допустимости и условиях вмешательства во внутренние конфликты внерегиональных сил, в том числе с декларируемой гуманитарной целью защитить гражданское население» (с. 8).

Обращает на себя внимание трактовка в сборнике ливийских событий. Она выгодно отличается от широко растиражированной в западной и частично российской публицистике упрощенной версии, согласно которой в Ливии имело место противостояние сторонников архаичного и сумасбродного правителя с силами добра и демократии, поддержанными коллективным Западом. Обращение к непростой истории Ливии, роли в ней разных светских идеологий, а также и течений ислама, позволяет понять специфику развернувшейся в этой стране политической борьбы. Как пишет А. Егорин, «в формировании государственности и национальной стратегии, определивших выбор ливийцев на протяжении последних двух веков истории, совершенно неоспоримо можно выделить два главных этапа завоевания доверия обитателей пустыни: первый – это сенуситский религиозно-политический аскетизм, основанный на суннизме и суфизме, и второй – сменивший его каддафизм, взявший за основу народовластие как государственность и

“прямую демократию” как базу джамахирийской формы правления, базирующейся на исламских религиозных догмах» (с. 235). Само же внутриливийское противостояние было обусловлено не только идеологическим фактором – расхождением между сторонниками каддафизма и последователями сенусизма, но и недовольством национального среднего и крупного бизнеса темпами реформирования. Внешнее вмешательство только усугубило внутриполитический разлом.

Точно так же – преимущественно сквозь призму сложных внутренних противоречий, подспудно накапливавшихся и прорвавшихся антиправительственными выступлениями конца апреля – начала мая 2011 г., – рассмотрен в статье Вл. Ахмедова сирийский конфликт. Военным, согласно новейшей исторической традиции, принадлежит в Сирии приоритетное слово в процессе принятия решений по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. И это, во-первых, отличает сирийский конфликт от ливийского, в котором армия фактически предала Каддафи, а во-вторых, объясняет причину относительной консолидированности сирийского режима, его способность столь долго отражать атаки хорошо вооруженных и поддерживаемых извне отрядов разношерстной оппозиции.

Авторы сборника приходят к выводу, что арабские события, или «весна гнева», по выражению А. Филоника (с. 33), не вписывались – по крайней мере, на начальном своем этапе (до Ливии), – в обычные сценарии бунтов или массовых протестных движений, привычных доселе развивающимся странам. Не были они и аналогом «цветных революций», поскольку разработанная западными политтехнологами для ненасильственной смены режимов в странах Восточной и Центральной Европы, а также и постсоветского пространства, модель не сработала в условиях традиционной, клановой структуры ближневосточных обществ. Как утверждает в сборнике, в событиях «арабской весны» можно скорее усмотреть сходство с национально-освободительными революциями, прокатившимися по Ближнему Востоку в XX в. Тогда они принесли арабским странам независимость, привели к структурным сдвигам в экономике, политике, других сферах (с. 32). Нельзя поэтому исключить, предполагает Г. Мирский, что «арабскую весну будут считать вехой на пути установления демократии – разумеется, демократии с арабским и исламским лицом» (с. 130). «Это была революция не классовая, антиимпериалистическая или религиозная, — добавляет ученый, — а трансоциальная, транснациональная,

трансконфессиональная. Другое дело, что потом все пошло как везде: революцию начинают одни, а перехватывают другие...» (с. 124). Потому-то в поле зрения авторов оказывается еще один важный сюжет – роль религиозного фактора, по-новому высветившегося в процессе «арабского пробуждения».

При всех различиях в разных странах Ближнего Востока протестные движения объединяла одна особенность, и на нее вслед за академиком Е.М. Примаковым указывают многие авторы сборника. На начальном этапе в уличных манифестациях не было заметно участия исламских экстремистов, не выдвигались требования отказа от светского характера государства либо внедрения принципов шариата в судебную практику и общественную жизнь. Это уже потом, на последующих этапах, нестабильность, возникшая в результате революций, превратила ряд стран в убежище для террористов, которые стремятся расширить влияние и повысить активность.

Между тем силы, традиционно относимые на Западе к «политическому исламу» и обозначаемые часто как исламистские (к ним относят и египетских «Братьев-мусульман»), не являются единым организационным целым. Они распадаются на многочисленные группы, движения и течения, участники которых придерживаются либо радикальных, либо относительно умеренных взглядов, оставаясь повсеместно на Ближнем Востоке серьезными, а порой и единственными оппонентами правящих режимов. Не исключено, что некоторые из тех, кого сегодня называют исламистами, попытаются воплотить в жизнь проект модернизации по образцу того, как это делает в Турции Партия справедливости и развития (ПСР). Или же они будут по примеру палестинского движения ХАМАС или ливанской «Хезболлы» проводить в жизнь социальные программы, направленные на улучшение жизни рядовых мусульман.

Симптоматично, что ведущая оппозиционная партия Египта «Братья-мусульмане» призвала после отставки Мубарака к установлению гражданского правительства и закреплению в Конституции «гарантии свобод и прав человека». Таким образом, «Братьям-мусульманам» (как и ПСР) легко дается отход от традиционной религиозной терминологии и переход на язык общегражданского общения. Это расширяет возможности «Братьев-мусульман» по участию в жизни страны в качестве системной политической партии и позволяет А. Аксенёнку надеяться на то, что в Египте будут искать баланс между религиозными принципами, с одной стороны,

и прагматизмом во внутренней и внешней политике – с другой (с. 220). Возросшая в результате «арабской весны» роль религиозного фактора дает Виталию Наумкину основание предположить, что сегодняшние события в арабском мире впору назвать «великой исламистской революцией» (с. 13). А согласно приводимым Л. Кулагиной и Вл. Ахмедовым данным, иранская правящая элита склонна считать революционные события в арабском мире частью «исламского пробуждения» (с. 506). Это не означает, впрочем, что приверженность исламистов демократии – дело решенное, поскольку, как отмечает В. Наумкин, неясно, «готовы ли исламисты (конечно, умеренного, просвещенного толка) жить по правилам светского государства или они, вопреки всем заявлениям, все равно будут преследовать свою главную цель – создание исламского государства» (с. 14). Очевидным для авторов является то, что арабские революции изменили баланс сил в регионе.

Во-первых, в борьбу за влияние активно включилась Турция, которая претендует на роль нового регионального гегемона.

Во-вторых, новую роль обрели монархии Залива, особенно Саудовская Аравия и Катар.

В-третьих, крушение режимов, находившихся у власти десятилетиями (в Египте, Тунисе, Ливии), и тех, кто, возможно, вынужден будет уйти с политической арены (Сирия), заметно усилило неопределенность в международных отношениях в Ближневосточном регионе, особенно на фоне активизации застарелых конфликтов, которые сдерживались свергнутыми светскими режимами.

Трансформация Арабского Востока протекает на фоне меняющегося международного контекста. Экономический и военный интерес США и их союзников к региону снизился в известной мере под влиянием успешного осваивания альтернативного энергоресурса – сланцевого газа, что уменьшает заинтересованность в ближневосточных углеводородах. Наряду с этим сохраняется стремление США расширить стратегическое значение Ближнего Востока за счет притягивания к этому региону в рамках проекта «Большого Ближнего Востока» и Нового шёлкового пути стран Центральной Азии, что неизбежно повлечет за собой осложнение отношений с Россией. В то же время непосредственным интересам США на Ближнем Востоке, где в результате иракской войны и с падением режима Саддама Хусейна резко усилились позиции Ирана, был нанесен серьезный ущерб, компонентом которого с разрастанием влияния «Аль-Джазиры» стал также вызов информационной монополии США на интерпретацию конфликтов и всех

мировых событий. Да и в целом, замечает Георгий Мирский, прошли времена, когда Вашингтон мог по своему усмотрению «ставить и убирать правителей в странах Востока» (с. 123).

«Арабское пробуждение» косвенно может повлиять на ситуацию в тех регионах России, где большинство верующих исповедует ислам. Если радикальным исламистам удастся реализовать свои цели на Ближнем Востоке, то волна экстремизма докатится до Юга России, Кавказа и Центральной Азии. Впрочем, такой алармистский сценарий принимается в сборнике с поправками, и трудно не согласиться с мнением, высказанным И. Звягельской, что «вряд ли есть основания говорить о каком-то особом сценарии внешних сил для России по образцу “арабской весны”, если объяснять протестное движение на Арабском Востоке исключительно происками Запада» (с. 531). Столь же контрпродуктивным было бы трансформировать созданный сирийским конфликтом дискомфорт в отношениях России с США и Западом в призывы к большей бескомпромиссности во внешней политике: «Увлечаться ими в контексте очень хрупкого международного доверия, постоянно испытывающего новые вызовы, не стоит» (с. 539).

Другое дело, что новые реалии на Ближнем Востоке могут поставить Россию перед серьезными вызовами. Они проявятся не только в дальнейшей дестабилизации Большого Ближнего Востока и его исламизации, что будет сочетаться с проникновением в южное подбрюшье России. Есть еще одно немаловажное обстоятельство – рассмотрение Соединенными Штатами практически всех событий на Ближнем Востоке через призму борьбы против Ирана, который, по мнению Е. Примакова, «стал главной мишенью американской политики в регионе» (с. 27). С иранским фактором академик связывает и взятый Вашингтоном курс на свержение дружественного Тегерану режима Башара Асада в Сирии. В целом же дестабилизация вблизи российских границ в связи с попытками осуществить смену режимов в Сирии или Иране актуализирует угрозы для России со стороны Ближнего Востока, побуждая ее к более активным действиям, нацеленным на противодействие применению военной силы в регионе.

Тех, кто профессионально занимается Ближним Востоком, рецензируемая работа, несомненно, привлечет глубиной и многоаспектным характером анализа социально-экономических, политических и культурно-религиозных проблем региона. Но этот труд поможет и тем, кто стремится лучше понять динамику развития постсоветских республик бывшего Советского Союза, включая и

Российскую Федерацию. При желании в книге можно найти ответы и на те вопросы, которые имеют важное значение в целом для всех государств с переходной экономикой, поскольку круг обсуждаемых в ней тем далеко выходит за рамки Ближневосточного региона.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2013 г., № 1, январь-февраль.*

Андрей Яшлавский,
кандидат политических наук (ИМЭМО РАН)
**ИДЕОЛОГИЯ САЛАФИТСКОГО ДЖИХАДИЗМА
КАК ТОТАЛИТАРНЫЙ ПРОЕКТ**

В списке глобальных вызовов, угрожающих современному миру, международный терроризм, вероятно, может стоять под номером один. Будучи проявлением асимметричного насилия, идущего «снизу», на фоне процессов глобализации, распространения новых способов массовой коммуникации, угрозы неконтролируемого распространения оружия массового поражения, проблема экстремизма и терроризма приобретает совершенно новое звучание, становясь фактором не только внешней и внутренней политики большинства государств, но и повседневной жизни миллиардов людей на всей планете. На авансцену выходят новые акторы. В основе деятельности и идеологии наиболее несистемных из них лежит религиозная мотивация. При этом именно такие группировки имеют тенденцию к доминированию в общемировом террористическом процессе. Хотя религиозную мотивацию под насильственные действия экстремистского и террористического характера подводят представители разных конфессий, в силу целого ряда субъективных и объективных причин самым «заметным» оказался в последние годы «салафитский джихадизм».

Новое или хорошо забытое старое?

Задающий тон на современной политической сцене «исламистский терроризм», будучи, с одной стороны, явлением качественно новым (прежде всего с точки зрения мотивации своей экстремистской деятельности, а также тех возможностей, которые дают террористам глобализация и технологические достижения), с другой стороны, в структурном плане лишь развил тенденции, за-

ложенные идеологически или этнонационалистически мотивированными террористами предшествующих десятилетий. Это касается и транснационального характера деятельности, и характера террористических операций (даже приписываемые исламистам в качестве особо присущего им элемента суицидальные теракты не являются их изобретением), и умелого использования возможностей масс-медиа и т.д. Весь практический «инструментарий» фактически достался исламистам «по наследству» от террористических группировок, выступавших под светскими лозунгами. Мало того, даже с точки зрения теории и идеологических построений, как это ни парадоксально, между секулярными (чтобы не сказать атеистическими) ультралевыми террористами и возводящими мусульманскую веру во главу угла сторонниками «глобального джихада» конца XX – начала XXI в. существует немало сходных черт на структурном уровне. Те же ненависть и непримиримость к инакомыслию, то же манихейское видение мира, четко разделяемого на «добро» и «зло», такое же неприятие современных западных институтов и телеологичность (если в случае тоталитарных идеологий левого спектра борьба ведется за приближение бесклассового будущего, то в другом случае – за создание идеального халифата).

Феномен джихадистского терроризма есть сочетание целого ряда «ингредиентов» как религиозного, так и сугубо светского характера, и представляет собой следствие множества долговременных и кратковременных процессов внутри исламского мира и за его пределами. Движения, ратующие за «глобальный джихад», надо рассматривать в контексте процессов глобализации. Сопутствующие ей информационная революция и революционные технологические изменения позволили негосударственным субъектам играть существенно более заметную роль в международной политике. При этом возникновение новых субъектов действия далеко не всегда укладывается в рамки парадигмы формирования «глобального гражданского общества». Обратной стороной «неправильственного порядка» можно считать широкое распространение транснациональных террористических организаций.

При всей специфике салафитско-джихадистской идеологии, все же трудно не заметить, что по своей структуре она напоминает идеологические построения и практические действия адептов других идеологических конструкций, лежащих далеко за пределами исламского мира. На это, в частности, обращал внимание С. Хантингтон, находивший черты сходства между исламским

возрождением и распространением марксизма «своими священными текстами, видением идеального общества, стремлением к фундаментальным изменениям, неприятием сильного мира сего и национального государства, а также разнообразием доктрин, начиная с умеренного реформизма и заканчивая неистовым религиозным духом».

Салафитская идеология основывается на утверждении, что исламский мир пришел в состояние упадка, поскольку отклонился от праведного пути, и «чтобы вернуть славу и величие золотого века, следует возвратиться к истинной вере и традициям предшественников, особенно Пророка Мухаммада и его соратников. Здесь любопытно сочетание футуристической направленности салафитского проекта с ориентацией на восстановление прошлого. Заметим, что именно в революционаризме и утопическо-футуристической направленности состоит одно из важнейших отличий тоталитаризма от других видов диктатур, от охранительных авторитарно-консервативных режимов. По мнению российского исследователя А. Малащенко, «сегодняшняя салафия имеет четко выраженную компенсаторную функцию: содержащийся в ней призыв к возврату в «золотой век» является признанием неудач развития мусульманского мира, поиска новых (но взятых из прошлого «старых») ориентиров. Основой преодоления трудностей должно стать восстановление «истинных» исламских понятий, а уж затем в полном соответствии с ними следует предпринимать практические действия».

Борьба экстремистских радикальных исламистов может включать в себя одну или несколько из перечисленных ниже целей. Во-первых, эта борьба нацелена на свержение светских режимов в странах с преобладающим мусульманским населением (более того, даже теократические и фундаменталистские правительства могут быть объектами нападков ультрарадикалов – как это происходит, например, в Саудовской Аравии). Во-вторых, эта борьба может быть направлена на достижение независимости для мусульманских меньшинств в странах, где ислам не является преобладающей религией (с последующим созданием независимых исламских государств). В-третьих, такая борьба может быть направлена на подавление этнокультурных меньшинств в мусульманских странах, требующих независимости или автономии. В-четвертых, эта борьба направлена на нейтрализацию влияния иных (прежде всего западных) цивилизаций на линии соприкосновения с исламской культурой.

В идеологических конструкциях салафитов-джихадистов одно из центральных мест занимает антизападная угрожающая риторика, активно эксплуатирующая три основные темы.

Первая: утверждается, что Запад неумолимо враждебен исламу и представляет для него смертельную опасность. В этой связи уместно указать на популярность в идеологических построениях воинствующих исламистов конспирологических теорий, прежде всего об иудейско-христианском заговоре против ислама.

Вторая: исходя из «угрозы» со стороны Запада мусульманскому миру, единственный ответ на эту угрозу, понимаемый Западом, – язык насилия. Третья: джихад – единственный путь борьбы с Западом.

По сути дела, идеологи джихадизма подхватывают мотивы популярной на Западе идеи «столкновения цивилизаций». В частности, Усама бен Ладен оперировал именно этим понятием, когда утверждал: «Эта борьба – борьба идеологическая и религиозная, и это столкновение есть “столкновение цивилизаций”. Они (США и Запад) стремятся уничтожить исламскую идентичность во всем исламском мире. Это истинная позиция по отношению к нам...» Поэтому, помимо тактических задач, в идеологическом арсенале радикальных исламистов имеются и стратегические, можно сказать, конечные цели. Такую конечную цель, достижимую путем глобального джихада, предполагает используемый идеологами «Аль-Каиды» и близких ей по духу исламистских группировок концепт халифата.

Джихад видится как апокалиптическая битва между силами Добра и Зла. «Представляя джихад как космическую борьбу между добром и злом, немногие джихадисты предвидят “краткую войну”, если только воля врага не будет сломлена удачными террористическими ударами, включая операции шахидов и атаки с большим количеством жертв в сочетании с войной на истощение. Вместо этого джихадисты представляют себе продолжительный и глобальный конфликт». Концепт, предполагающий, что восстановление халифата путем джихада есть долгая борьба, иллюстрируется цитатой из Аймана аз-Завахири: «Если наша цель – всеобъемлющее изменение, и если наш путь, как показывают нам Коран и наша история, – это длинный путь джихада и жертв, мы не должны отчаиваться из-за повторяющихся ударов и бедствий».

Несмотря на претензии джихадистских идеологов на «особость» своего проекта, их устремленность к восстановлению халифата как будущего справедливого общества вписывается в кон-

текст утопической и апокалиптической традиции, присущей авраамическим религиям (не только исламу, но и иудаизму и христианству). Здесь можно принять точку зрения Д. Уилсона, утверждавшего, что «для побежденных или разрозненных людей будущее может быть мощным источником надежды и комфорта. Независимо от того, насколько плохи дела теперь, насколько уныла и гнетуща ситуация, в конце концов люди одержат победу и будут жить в мире, процветании и гармонии. Такое видение будущего восходит к еврейской апокалиптической традиции... Мотиву будущего как надежды родственно представление будущего временем воздаяния, когда угнетаемый возвысится и уничтожит своих угнетателей вместе со всеми конкурирующими этническими и религиозными группами, которых можно было бы обвинить в его несчастье. У этого представления также имеются библейские прецеденты». Не случайно некоторые авторы вводят в оборот понятие «апокалиптических джихадистских группировок». Более того, нетрудно провести параллели между джихадистской утопией и секулярными милленаристскими тоталитарными проектами XX в. Так, например, ряд наблюдателей сравнивают устремления исламистов по созданию глобального исламского халифата с большевистскими проектами всемирного коммунизма.

«Вызван ли современный джихадистский терроризм исламом или он присущ ему?» – ставя этот вопрос, американский исследователь Дэвид Аарон сам же отвечает на него: «Не более чем “арийские нации” являются неизбежным продуктом христианства. В то время как правда состоит в том, что все джихадисты считают себя мусульманскими фундаменталистами, мало кто из мусульман, и даже фундаменталистов, является джихадистами. Фанатизм и насилие – не уникальны для ислама и религии вообще». И если рассматривать джихадистскую версию исламизма как возникшее в новейшее время извращение религии, отклонение от мейнстрима, то аналогии с секулярными квазирелигиозными тоталитарными идеологиями делаются еще более оправданными.

Халифат как конечная цель

Целью религиозного движения, в основе которого лежит идеология глобального салафитского джихада, является упразднение в исламском мире национальных государств и восстановление былого величия исламского мира в едином государстве, простирающемся от Марокко до Филиппин, устраняющем существующие

ныне границы. Для исламистских, суннитских группировок характерно убеждение в том, что настоящий ислам был только во времена золотого века, когда существовало созданное в Медине Мухаммадом государство, находившееся после смерти Пророка под «праведным руководством» четырех первых халифов: Абу Бакра (632–634), Омара (634–644), Усмана (644–656), Али (656–661).

Одно из объяснений нынешней ситуации джихадистскими идеологами заключается в смене системы, существовавшей при «четырех праведных халифах», наследственной монархией. Эта незаконная, по их мнению, система правления привела к множеству интеллектуальных, религиозных и политических болезней исламского мира, в том числе к появлению деспотических правителей, которые создали свои собственные законы, применяя их, а не данную Богом систему шариата.

Джихадисты утверждают, что эти правители, правя по своим законам, фактически сместили власть Бога и заняли его место. Современные режимы в исламском мире – «суть духовные наследники тех первых наследственных правителей, – и их поддерживают в их отступничестве США и другие западные страны, использующие их в качестве своих марионеток для подрыва ислама и разрушения Божьих законов на Земле». Другие джихадисты считают, что проблемы начались в марте 1924 г., когда Ататюрк упразднил Османский халифат. Этот акт, названный одним из джихадистских авторитетов «матерью всех преступлений», якобы положил конец «истинному» исламу.

Конечная задача борьбы в этом контексте – установление обновленной всемирной исламской уммы под властью истинного халифа и законов шариата. Большое число исламистских политических партий, а также экстремистских группировок призывают к восстановлению халифата и объединению мусульманских народов путем либо политических действий (как, например, «Хизб ут-Тахрир»), либо через насилие (например, «Аль-Каида»). При этом, согласно джихадистским доктринам, любое правительство рассматривается как еретическое, поскольку оно устанавливает для людей свои (а не шариатские) законы и правила. Джихадисты утверждают, что осуществление власти – это прерогатива Бога, а не людей. Соответственно, они утверждают, что исламское государство будет охватывать умму и будет жить согласно исламским принципам.

Несмотря на то что понятие уммы заложено в исламе изначально, лишь во второй половине XIX в. были впервые выдвинуты

панисламистские идеи, направленные на политическое объединение всех мусульманских стран. Выдвинул их Джемальаддин аль-Афгани, ставший в определенном смысле предтечей и духовным отцом нескольких поколений исламистов различной окраски – от умеренной до крайне экстремистской. Аль-Афгани выступал за объединение мусульман в борьбе против европейских держав и создание конфедерации мусульманских государств во главе с халифом. В Османской империи, султаны которой носили титул халифа (духовного главы всех мусульман), панисламизм особенно активно проповедовался султаном Абдул-Гамидом II и младотурками, стремившимися объединить под эгидой Турции и под властью халифа мусульман всего мира (в том числе Афганистан, Персию, Египет, Северную Африку, а также населенные мусульманами британские колонии и территории Российской империи). После ликвидации в 1924 г. в Турции халифата панисламистами был поднят вопрос об избрании нового общепризнанного халифа. В 1926 г. в Каире состоялся Первый Международный конгресс халифатистов.

В идеологии возникшей в Египте в период между двумя мировыми войнами организации «Братья-мусульмане» немалое место занимала проблематика, сопряженная с восстановлением золотого века ислама (для чего необходима масштабная реисламизация всего мусульманского сообщества). А после провала попыток создать объединенное арабское государство «Братья» пришли к мысли о необходимости союза исламских стран под знаменем одной религии, иными словами, выступали за восстановление халифата. При этом «Братья-мусульмане» не отвергали патриотизм и национализм в рамках «малой родины» во имя ее освобождения от иностранного господства. А халифат, «великая родина» мусульман, виделся им в форме федерации мусульманских государств с ядром, состоящим из арабов, с Египтом в качестве исламского центра, «поскольку именно это государство в свое время несло знамя борьбы против крестоносцев и монголов, а ныне оно призвано сыграть особую роль в возрождении исторической религии арабов».

Установление халифата, призванного объединить все страны мусульманского мира, является целью, провозглашенной международной панисламистской суннитской партией «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения), причем этот халифат, по мнению идеологов партии, станет залогом стабильности и безопасности для всех населяющих его людей, как мусульман, так и немусульман. Ак-

тивным сторонником возрождения халифата был основатель «Хизб ут-Тахрир» Такиддин ан-Набхани. Создание халифата провозглашается идеологами «Хизб ут-Тахрир» религиозным долгом мусульман. При этом, отвергая демократию как западный и неисламский феномен, «Хизб ут-Тахрир» выступает за выборность халифа мусульманами и его подотчетность. Эта партия продвигает программу создания исламистского государства, которое установит законы шариата и будет распространять ислам по миру. Такое государство, по мнению идеологов «Хизб ут-Тахрир», положит конец «колониальной внешней политике» Запада, вмешательству со стороны США в дела исламского мира, войнам, инспирированным энергетической политикой, «марионеточным» правительствам в мусульманском мире. В сочинениях идеологов «Хизб ут-Тахрир» можно найти, по крайней мере, намеки на то, что будущий халифат вряд ли ограничится нынешними границами исламского мира.

В идеологических построениях одного из основоположников «революционного джихадизма» Сайида Кутба идея восстановления халифата придается миллениаристское, утопическое звучание. Речь идет не столько о реставрации халифата, предводительствуемого «амиром правоверных», сколько об установлении, выражаясь языком западного мира, «Царства Божия» на земле. В частности, по словам Кутба, «наша религия тождественна полной и всеобъемлющей революции против людской власти во всех ее проявлениях и разновидностях, включая все типы и формы государственного устройства. Она неуклонно восстает против любой системы, так или иначе основанной на человеческом авторитете, т.е. против любой формы узурпации власти человеком. Всякая система правления, в которой окончательное решение отдано в руки людей и где они обладают всей полнотой власти, в действительности их же и принижает, ибо ставит над ними “кого-то, кроме Бога”. ...Провозглашая высшую власть и авторитет Аллаха, мы встаем перед необходимостью стереть с лица земли все людские царства, чтобы правил в мире его истинный Вседержитель».

Провозглашая «окончательное освобождение человека» как «идеальное воплощение исламской идеи», не сводимое исключительно к философским или идеологическим построениям, Кутб утверждал, что «дорога джихада – одно из самых фундаментальных требований для осуществления столь революционной идеи. Выполнять это требование следует вне зависимости от того, царит ли на родине ислама (более точный исламский термин: Дар-уль-

Ислам) мир или ей угрожают соседние державы. Борясь за мир, ислам не имеет в виду поверхностное поддержание безопасности приверженцев ислама на какой-то конкретной территории. Ислам жаждет мира путем воцарения религии на всей земле».

Один из наиболее известных идеологов «Аль-Каиды», испытавший большое влияние идей Кутба, Айман аз-Завахири, говоря об идеале, ради которого он сражается вместе со своими единомышленниками, утверждал, в частности, следующее: «Наша свобода – есть свобода Единобожия, морали и добродетели. Соответственно, реформа, которой мы добиваемся, строится на трех принципах. Первый принцип – это шариатское правление. Шариат – это курс, которым мы следуем, поскольку он ниспослан Всемогущим Аллахом. (...) Второй принцип – это принцип, на котором должна быть основана реформа, и она есть часть первого принципа, а именно – свобода мусульманских земель и их освобождение от любого захватчика, грабителя и вора. Мы не представляем осуществления никакой реформы, пока мы находимся под игом США и еврейской оккупации. Для нас невозможно осуществлять реформы, пока наши правители ради достижения своих личных интересов проводят политику нормализации отношений с Израилем и позволяют ему разрушать нашу экономику. (...) Третий принцип: (...) – освобождение людей».

По мнению такого столпа исламистской мысли XX в., как Маудуди, ислам предусматривает установление исламского государства (идеал этого государства может быть обозначен как «теодемократия») с соблюдением трех принципов – единобожие, пророчество и халифат. Исламское государство, с точки зрения Маудуди, должно «сосуществовать с человеческой жизнью»; в таком государстве, руководствующемся шариатом, никто не может рассматривать никакую сферу деятельности как личную и частную. По мысли Маудуди, суверенитет Бога и суверенитет людей взаимоисключаемы. По сути дела, он провозглашал исламскую демократию как противовес светской западной демократии, передающей суверенитет Бога людям.

По выражению одного из исламистских авторов, «халифат, к которому мы стремимся, не может быть сравним ни с одной из известных политических систем, созданных человеком». Цель восстановления халифата – периодически повторяющаяся тема среди многих лидеров и идеологических сторонников «Аль-Каиды». Усама бен Ладен, в частности, выступал с призывами к мусульманам найти лидера, который объединил бы их для создания «пра-

ведного халифата», управляемого исламским законом и подчиненного исламским принципам финансового и социального поведения.

Несмотря на то что отмена светскими властями Турции халифата преподносится идеологами джихадизма как «мать всех преступлений», идеалом будущего устройства для них является не османский коррумпированный и упаднический, с их точки зрения, халифат. Известно, что Усама бен Ладен призывал стереть «искусственные границы, созданные крестоносцами, и создать великое исламское государство от океана до океана».

Идеологи «Аль-Каиды» рассматривают воссоздание халифата не как непосредственную, а скорее как удаленную задачу (в отличие, например, от движения «Хизб ут-Тахрир», которое видит восстановление халифата в числе первоочередных своих задач). Ликвидация халифата рассматривается как одна из причин плачевного состояния мусульманского мира.

Уже упоминавшийся идеолог «Аль-Каиды» Айман аз-Завахири признавал, что восстановление халифата является конечным намерением группировки: «Моджахедское исламское движение не восторжествует против мировой коалиции, пока не завладеет фундаментальной базой в сердце исламского мира. Все средства и планы, которые мы рассматриваем для мобилизации нации, остаются подвешенными без отчетливых достижений или выгод, пока не приведут к установлению халифатского государства в сердце исламского мира... Установление мусульманского государства в сердце исламского мира – не легкая цель или легко решаемая задача. Но оно составляет надежду мусульманской нации на восстановление рухнувшего халифата и его славы». Афганистан при талибах продолжает служить лучшей моделью того типа режима, который воображает «Аль-Каида». Ирак предоставил «Аль-Каиде» возможность установить такое исламское государство, которое послужит ядром будущего халифата в «сердце мусульманского мира» – и при этом в арабской стране. Более того, важность Ирака усиливается тем, что некогда он был местом Аббасидского халифата. Аз-Завахири фактически повторяет тезис Сайида Кутба о том, что после ликвидации в 1924 г. в Турции халифата и в настоящее время не существует ни одного мусульманского государства. При этом аз-Завахири обращается не к тому халифату, который был во времена Османской империи, а к временам четырех «справедливых халифов».

Границы будущего халифата в представлениях идеологов джихада четко не очерчены, но очевидно, что они не совпадают ни с границами государства времен «праведных халифов», ни с пределами Османской империи. Более того, есть все основания предполагать, что конечной целью салафитов-джихадистов является не только установление халифата на всех территориях, населенных мусульманами (или некогда входившими в состав халифата, как Пиренейский полуостров), но и распространение его власти на глобальном уровне. В частности, эхо таких планов озвучил один из известнейших идеологов «Аль-Каиды» саудовец Луис Аттийя Алла (известный своей беспощадной критикой в адрес правящего режима Саудовской Аравии, а также Запада), призывающий к «восстановлению исламского государства»: «Мы станем хозяевами мира, поскольку судьба мировой экономики зависит от нас, ибо у нас есть ресурсы, в которых мир нуждается, и все элементы контроля над миром в наших руках».

В свою очередь, идеологи «Хизб ут-Тахрир», позиционирующей себя как всемирная исламская партия, придерживающаяся ненасильственных методов борьбы, рассматривают будущий халифат не только как идеальный государственный проект, но и как альтернативу господству сверхдержавы в лице США: «Это будет государство, которое не станет сеять террор и смуту, как это делают США, а государство, которое положит конец оккупации, станет гарантом стабильности и безопасности во всем исламском мире. Это государство, экономическая система которого поможет покончить с нищетой и принесет спокойствие всему миру».

Джихадизм и исторические формы тоталитаризма

Осознавая, что зачастую практикуемое сравнение воинствующего исламизма (особенно в его джихадистской форме) с фашизмом, нацизмом и большевизмом носит скорее эмоциональную окраску или выполняет пропагандистскую функцию, обратим внимание на имеющиеся черты сходства между указанными течениями. Несмотря на очевидные черты сходства структур идеологии и практики джихадистских группировок с тоталитарными идеологиями XX в., использование многими авторами появившегося с начала 90-х годов на Западе термина «исламофашизм» в отношении религиозно-экстремистских группировок представляется не совсем корректным и упрощающим, не учитывающим всю

сложность того феномена, каковым является воинствующий исламизм. Как утверждает Рассел Берман, джихадизм – «это новый коммунизм в своем видении репрессивной социальной утопии и новый фашизм в своей милитаризации жизни и в своем хилиастическом (миллениаристском) желании смерти. Определение “исламофашизм” обозначает этот источник и эту brutality». И все-таки, как представляется нам, это определение носит скорее эмоциональную и политическую окраску.

Конечно, довольно рискованно проводить прямую связь между тоталитаризмами, описываемыми нередко как «секулярные религии», и современными воинствующими салафитами. При этом следует признать, что в той мере, в какой секулярные тоталитарные идеологии XX в. являлись квазирелигиозными феноменами, прослеживаются довольно четкие параллели между ними и проектами джихадистских идеологов (хотя, конечно, нельзя не признать, что у салафитского джихадизма и сталинского большевизма или гитлеровского нацизма совершенно разные истоки и составные части). Политолог М. Хабек, рассматривая взгляды на суверенитет Бога (*hakimiyyat Allah*) одного из отцов современного радикального исламизма Маудуди, утверждавшего, что поскольку Бог един и является Владыкой всего сущего, то ничего не может быть вне прямого контроля Бога и Его Закона, видит в них прообраз «формы тоталитаризма с государством и правителем, выступающими в качестве представителей Бога на Земле, уполномоченными регулировать все сферы как личной, так и общественной жизни. Результат этого убеждения, разделяемого многими джихадистами так же, как и некоторыми исламистами, можно было видеть в талибском Афганистане, Иране и Судане». По мнению Мэри Хабек, Маудуди (вероятно, в большей степени, чем аль-Банна и Кутб) испытал влияние современных ему политических идей, «так как подобно фашистам и коммунистам, он тоже считал, что Запад обанкротился и загнивает... Он тоже размышлял о своей партии как об авангарде, который в лучших ленинских традициях возглавил бы революцию мусульманских масс. Он даже представлял себе исламское государство, которое управлялось бы небольшой группой коранически образованного и набожного духовенства – чем-то вроде Политбюро в советском государстве».

Не будет большим преувеличением сказать, что в той мере, в которой секулярные тоталитарные идеологии являются квазирелигиозными, салафитско-джихадистский проект является квазитоталитарным.

Так же, как тоталитарные движения XX столетия, джихадизм носит универсальный, наднациональный характер. Если футуристический проект джихадистов направлен на разрушение «джахилии» (язычество, невежество) и установление на земле «власти Бога», то и для тоталитарных идеологий XX в. в качестве основной задачи ставилось разрушение старого мира и построение мира нового (ср.: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...») – своего рода «Царства Божия на обезбоженной земле» (в национал-социалистической Германии таким «царством» должен был стать «Тысячелетний Рейх», а в СССР – коммунизм). С тоталитарным миллениаризмом связано манихейское видение мира, который четко делится на «мы» и «они» (что приравнивается к оппозиции «добро» и «зло»). Соответственно, построение идеального общества возможно лишь при полном устранении «зла», носителями которого могут быть безбожники, неверные и отступники-лицемеры (у джихадистов), евреи, плутократы, марксисты (у национал-социалистов) или представители эксплуататорских классов (у большевиков). Подобная схема служит оправданием перманентному террору в отношении реальных или вымышленных врагов.

Нетрудно заметить сходство между «глобальным джихадизмом» и тоталитарной идеологией, использовавшейся диктатурами XX в. в качестве мифа избавления, спасения. Согласно этой идеологии, определенная человеческая группа обозначается как единственно законное выражение человечества «истинные мусульмане» – в трактовке джихадистов, арийская раса – у германских нацистов или пролетарский класс – в СССР), однако эта группа находится во враждебном пространстве, где правит «зло», где другие группы соперничают с ней. Общественное зло имеет причину и обличье («ближний» и «дальний» враг для джихадистов – американцы и евреи, для нацизма – евреи, коммунисты и плутократы, для коммунизма – эксплуататорские классы, в первую очередь буржуазия). Существует и лекарство от него (уничтожение – в одном случае, революция с экспроприацией эксплуататорских классов и террор – в другом, военный джихад – в третьем).

Устранение врагов – носителей зла ведет к торжеству золотого века (у воинствующих исламистов – это «глобальный халифат», где «неверным» будет предоставлен выбор либо принять ислам, либо платить джизью и принять подчиненное положение, либо погибнуть; «Тысячелетний Рейх» у национал-социализма, где раса господ будет доминировать, управляя «недочеловеками»;

коммунистический идеал конкретизируется в бесклассовом обществе, где осуществлен лозунг «Каждому по потребностям»). Следовательно, История имеет конец. В этом смысле джихадистская идеология, как и светские тоталитарные идеологии, утопична.

Мессианские мотивы, звучащие в риторике пропагандистов «глобального джихада» в целях установления в будущем халифата, также соотносятся с мессианизмом тоталитаризмов XX в., на который обращал внимание французский политолог Жан Лека. Суть его статьи «Тоталитарная гипотеза» сводится к тому, что, в качестве мессианизма, тоталитаризм является утопией и отказом от конкретных общественных разделений. Выделяя основные характеристики тоталитаризма, Жан Лека выводит тоталитарный синдром в следующих элементах. Тоталитаризм – монистический. Под этим подразумевается, что все образы познания и восприятия реальности взаимосвязаны и зависят от одного истинного познания, всякое расхождение сводится к оппозиции «истина–ошибка», далее к «верность–предательство». Тоталитаризм революционен, ибо предполагает переделку общественных отношений и создание нового человека. Во всех этих признаках в той или иной степени очевидны параллели с мировосприятием современных джихадистов.

Говоря о салафитском джахадизме как о тоталитарном (или даже квазитоталитарном) проекте, следует иметь в виду, что речь идет прежде всего об идеологии. В то же время насильственные действия, к которым прибегают адепты этой идеологии, усиливают сходство ее с тоталитарными идеологиями XX в., ставившими насилие во главу угла. Обратим внимание на то, что воплотить свой проект в жизнь сторонникам салафитского джихада если и удавалось, то лишь на ограниченное время и на ограниченном же пространстве. Пожалуй, наиболее ярким примером может служить провозглашение талибами «Исламского Эмирата Афганистан». Недолгое существование этого проекта, отягощенное вдобавок постоянной политической турбулентностью, не позволяет говорить о нем как о тоталитарном (квазитоталитарном) опыте. Тем более трудно обозначить разницу между талибским проектом и традиционалистскими теократическими авторитарными режимами, существовавшими и существующими в исламском мире.

Проведение параллелей между религиозно-мотивированным экстремизмом XXI в. и тоталитарными идеологиями XX в. помогает не только лучшему пониманию характера джихадистской идеологии и того, какую судьбу готовят миру воинствующие адеп-

ты салафитского джихадизма, но и осознанию того, что в своей основе исламистский терроризм не слишком отличается от терроризма, мотивированного другими учениями. Естественно, специфическая исламская составляющая определяет лицо джихадистского экстремизма, но сектантская, насильственная сущность экстремистов проявляется вне зависимости от того, под какими знаменами они выступают. «У истоков террора могут стоять “высокие” идеалы, мессианские абсолюты, вера в высшее благо. Невозможность иными средствами обратить других – и не просто других, а большинство, – в эту веру, собственно и является в этом случае причиной обращения к террористическим методам», – эти слова были в свое время написаны применительно к ультралевым террористам, но их вполне можно отнести и к тем, кто называет себя бойцами глобального джихада.

«Мировая экономика и международные отношения», М., 2013 г., № 4, с. 71–78.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2013 – 9 (255)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная графика
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/VI-2013 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,5 Уч.-изд. л. 9,8
Тираж 300 экз. Заказ № 139

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

